

Yulianna Spivakovskaya

BODYGUARD'S
last dance

Fear of love can be stronger than fear of death

Для него любовь не существует. По воле судьбы он прикован к инвалидному креслу и считает свою жизнь никчемным существованием. Она — человек искусства и свято верит, что любовь вернет ему желание жить полноценно. Но он с другой точкой зрения. Он ничтожен, а она достойна лучшего. И он отвергнет её чувство. Втянуты в расследование ФБІ по криминальным делам владельца казино, они снова встретятся. Но каждый из них будет жить по собственным правилам и привычкам, пока всё не изменится. Он снова почувствует ранее спящую в нем силу. И теперь он будет бороться за неё. На кону может быть поставлена его жизнь, но спасти её — дело чести... и самой любви. «Последний танец», — он однажды услышит название его поступкам. Пусть это будет так, пусть танец. И этот «танец» на зелёном полотне рулетки он станцует ради неё...

Пролог

Aiden Grimshaw — Misty Eye

Каждый раз, когда темнота полностью поглощает меня, я могу чувствовать своё тело и двигаться, как прежде. Появляется тепло, согревающее изнутри, и я чувствую прилив крови и адреналина, что кажется, звоном отдаётся в висках. Но мне не больно. В темноте я счастлив. Я всё тот же уверенный в себе и живущий на полную катушку человек. Я живу, а не существую.

Но с приходом рассвета все исчезает. С появлением света, я снова ощущаю реальность, чувствую безнадегу и беспомощность. Я снова кусок д*рьма.

Устал, никому не могу и не хочу показывать это чувство. Это только моё, меня никто не сможет понять, пусть не пытаются делать сочувствующих и понимающих взглядов. Всё это — херь собачья. Всё, что переживаешь, ты переживаешь один.

Утро. Выезжаю на задний двор. Позади слышится шум, резкий хлопок двери и Король с громким лаем, оббегая кресло, мчится вперёд.

На улице морозно, но уже ощущается приближающаяся весна. Пока Король оббегает территорию, я наблюдаю рассвет, от красоты которого каждый раз по телу пробегают мурашки. Ну, по крайней мере, мне кажется, что по всему телу, я хочу в это верить.

Время будто останавливается. Пёс тихо садится рядом. Раннее солнце освещает поле и немного колышущиеся верхушки деревьев. Снова новый день. Похожий на вчерашний и на все последующие. Радость ночи и умиротворения проходит.

Король начинает тихонько скулить, и я чешу его за ухом. Мы с ним одинаковы, одинокие и каждый сам по себе.

— Знаю паскудник, знаю, что скучаешь. Он скоро приедет за тобой, не переживай. — Пёс, грустно на меня посмотрев, медленно встаёт и направляется в сторону амбара. Он снова будет спать на сеновале, и ждать Макса.

А мне предстоит заниматься моим домом. Это всё, что у меня есть. «Мой дом — моя крепость», — так всегда говорила моя мать, но по моей вине она покинула его. Для неё дом не оказался её крепостью, но он остался моей. С помощью Макса, денег, которые у меня оставались в накоплении, и моих знакомых, у меня получилось восстановить дом. Точнее сделать его специально для меня и под инвалидное кресло.

Вернувшись в дом, наливаю кофе. По телевизору, сменяясь одно за другим, идут утренние шоу, которые мне никогда не нравились — бессмысленные разговоры и советы, которыми и половина населения из-за лени и как принято считать «нехватки времени» не воспользуется. Всё как обычно познаётся на себе, а не по чьему-то совету.

На дне чашки допитого кофе, виднеется небольшой осадок. Пора начинать новый день. С новыми силами и мыслями.

Как всегда обход территории будет с амбара, затем поля и магазинчик. Я загрузил себя работой настолько, чтобы поменьше было времени на себя. Да черта-с-два, кого я обманываю! Я вообще не хочу думать о том, а что могло быть, если бы... Я остался с тем, что имею и должен себя прокормить.

К двенадцати часам с меня уже стекает пот, а желудок настойчиво напоминает о себе. Обед по расписанию, тут никак иначе.

Король уже ждёт у миски, когда я добираюсь до кухни. Тихо смеюсь. Этот прожора будто следит за часами и знает, когда обед.

Я и не тяну. Нам ждать некого. Не часто в моём доме бывают гости, практически никогда. Я — отшельник. Того весёлого и жизнерадостного Питера Дэвиса, что знали люди, больше нет, с тех пор как сестра уехала, забрав с собой мать. У меня нет теперь семьи.

В доме тишина, слышится только чавканье Короля и тихий жужжащий звук включённого газа. Выключив газ, наливаю бульон в тарелку.

Макс женился. Не могу поверить, что он наконец-то справился с собой, смог измениться. Это же Макс с его принципами! Хмыкаю себе под нос. Как же она его окрутила, прямо приструнила его. Я так долго его знаю, но не был до конца уверен, что он всё-таки решится на этот серьёзный шаг.

Черт.

Ложка падает на пол и несколько капель горячего бульона капает на мои чертовы онемевшие ноги. И я ни хрена не чувствую! Бл*ть! Как же я это всё ненавижу!

— Успокойся Пит, — говорю сам себе, закрывая глаза, — ничего не случилось, всё как обычно. — Делаю вдох и долгий выдох. Злость из-за беспомощности уходит. Я спокоен и контролирую свои эмоции. Это всего лишь ложка и вода. Ничего серьёзного.

Вытираю салфеткой штаны, но они безнадёжно испачканы жирным пятном и требуют стирки. Эта грёбанная безысходность.

Убрав со стола и переодевшись в чистые брюки, возвращаюсь в амбар. Ещё у четырёх лошадей остались не вычесанными гривы.

К вечеру Пол, курьер из городского супермаркета, привозит продукты по моему заказу.

— Спасибо. — Отдаю деньги за продукты.

— Да нет проблем, Пит. До следующей недели. — Пол, махнув рукой из окна, заводит мотор и его грузовик уезжает.

После готовки ужина, вечерняя прогулка с Королём. Проверить замки на амбаре и кладовых. Все как всегда. Сегодня я отлично работал, хорошенько вымотав себя, и надеюсь, смогу уснуть сразу, как только лягу в кровать. Мысли мне не нужны.

Я добираюсь до заднего двора, смотреть с Королём закат. Ярко красно-рыжее небо, озарено последними лучами скрывающегося за деревья уходящего солнца. Прохладный ветерок обдувает тело. Тишина, дышится легко и свободно и вдохнув полной грудью, на мгновение закрываю глаза.

Я вижу яркие глаза цвета зелёной травы, вижу густые огненно-рыжие волосы. Как будто

издали, слышится лёгкий девичий смех, и на ее щеках проступают маленькие ямочки. Её походка завораживает. Она идет словно, паря в воздухе, еле касаясь земли. Девочка, моя милая...

Проклятье. Что за..?

Открываю глаза. Впервые за семь лет я пропустил закат, как солнце садилось за горизонт, но я видел эту рыжую девушку, рыжую бестию. Какого черта со мной произошло? Почему я о ней думаю? Эта девчонка за сотни километров от меня, я видел её дважды в своей жизни и какого хрена из-за неё я пропустил закат?

Это не то, что входит в моё расписание. Она не входит в него. Я должен был посмотреть всего лишь как заходит солнце за горизонт, а не пялиться на её завораживающие глаза и не пускать слюни на притягательные полные губы, и прекрасные изгибы тела.

Чёрт. Я не должен думать о ней. Я обязан её забыть. Я уже своё прожил и в моём существовании нет этой девушки и не будет.

Глава 1

Annie Villeneuve — Le Desamour

Аманда

Танец — это то, чем я живу и дышу. Кто-то пишет стихи, кто-то поет, а я могу высказать все, что у меня в душе движением тела — взмахом руки или легким незатейливым прыжком. Именно в танце я раскрываюсь и предстаю перед зрителем с обнаженной душой.

В танцзале царит полумрак и только это меня успокаивает. Сейчас никто не видит моего лица и того, что меня тревожит.

Нет, я не понимаю его, не понимаю...

Подхожу к поручню у стеклянной стены и, забросив ногу, наклоняюсь, прижимаясь к ней.

Почему? Почему он так странно себя ведет? Да, я сказала, что он мне нравится и это его напугало, но... на свадьбе Хез он сам заговорил со мной.

С новыми воспоминаниями к горлу подкатывает ком и на глаза наворачиваются слёзы.

Отталкиваюсь от поручня и подхожу к окну, смотря на свой мобильный.

Позвонить? Я хочу услышать его хриплый теплый голос. Но нет, нельзя этого делать, мы друзья, только и всего. Я смотрю в окно, вспоминая тот момент, когда он заговорил.

***

Наклоняюсь поправить застёжку на тужфле, сидя за столиком и слышу рядом с собой его голос.

— Привет. Не помешаю?

Да, моя реакция была неоднозначной, я не знала, что сейчас ему скажу. Чего я не ожидала, так это того, что он подойдет поговорить после своего отъезда из моего дома.

— Да конечно Питер, — я чаще моргаю и губы пересыхают, почему-то чувствую волнение в его присутствии.

— Хотел извиниться, что так уехал. Не люблю долгое пребывание в гостях да и на ферме дел много, надолго не оставишь, — он убирает глаза в сторону. Врет.

— Врешь, — на моих губах мелькает улыбка, — врешь Питер Дэвис, причем нагло.

— Принимай, как хочешь, — он поднимает бокал и тянется им к моему, — за молодоженов?

— Давай, — беру свой бокал, мы притрагиваемся бокалами, слышен легкий звон, — и, отпив глоток, продолжаю, — ты пришел мириться?

— Что-то в этом роде, — он улыбается, — ты сейчас на гастролях?

— Ты спрашиваешь, чтобы поддержать разговор или тебя действительно это интересует?

— Ну, знаешь, — он пожимает плечами, поставив бокал на стол, — было бы неинтересно, я бы не спрашивал.

— Ладно, эм... — я внимательно смотрю на него. Интересно, это что — дружба? Он изменил свое мнение и хочет общаться, зная, что мне нравится? — да, сейчас снова уеду в Европу, — смотрю на Питера, но он молчит, словно ожидая продолжения, — у нас сменился хозяин труппы, состав немного поменяли, теперь привыкаю к новому партнеру. А ты как? Как конюшня? Бизнес идет?

— Да, понемногу, — он достает из кармана мобильный, — я возьму твой номер. Продиктуешь?

— Конечно, — диктую ему свой номер и он набирает. В моем клатче слышится вибрация, — вызов пошел.

— Будем на связи.

***

Да, на связи.

Я улыбаюсь через проступившие слезы.

Конечно, Питер.

Из горла вырывается странный сдавленный смешок.

На связи, о какой связи может идти речь?

Смотрю на свой мобильный, поднимаю и набираю Хез, ту, с которой я могу обсудить все, которая меня поймет.

— Привет Хез, — с трубкой присаживаюсь на подоконник и с тоской смотрю на побережье за окном дома моих родителей, — прости, что вчера не ответила, помогала родителям допоздна на чердаке, у нас сейчас мама решила немного прибрать папину мастерскую, освободилась я поздно и не стала уже перезванивать. Как вы? Как прошел медовый месяц?

— Чудесно, ты знаешь, я не думала, что Макс окажется таким романтиком. Он стал настолько заботлив, что мне страшно, страшно это потерять.

— Хез, у вас все будет хорошо и скоро появится мальш, не переживай. Главное, что вы нашли друг друга. Я очень за вас рада.

— Спасибо Ами, я действительно счастлива, — слышу ее смех, — а еще здесь так красиво, тут есть такая лагуна, я просто даже не знаю, как это передать словами, она настолько удивительна и чарующая, этот вид завораживает с первого взгляда. Ну что мы обо мне, расскажи как ты, ты ведь уехала в тот же день, не до конца оставаясь на банкете.

— Да, ты же знаешь, у меня на следующее утро был самолет, и я немного устала, поэтому и уехала раньше.

— А Пит?

— Пит? А что Пит?

— Ну, вы общаетесь? Я заметила, что он был за твоим столиком.

— Я не знаю Хез, честно, не понимаю его, — тяжело вздыхаю, — вроде мы друзья, официально, а так... Мы даже обменялись номерами телефонов, но не знаю, даст ли это что-

то. С ним сложно, он, то резко уезжает, не желая со мной общаться, то сам идет мириться. В этом человеке столько противоречий, — хмыкнув, я качаю головой, — таких я еще не встречала.

— Ами, ты же знаешь, что он пережил, да и Пит вообще человек сложный.

— Сложный — это не то слово, ты ведь знаешь, что я восхищаюсь его мужеством и храбростью. Питер он... — меня снова начинает охватывать чувство негодования, — для меня не имеет значения, что он не может ходить, а он думает, что я избалованная девочка и говорю с ним только по причине жалости. Не смогла я ему доказать, что у меня настоящая симпатия, что я не льстила ему и не жалела его. Он не верит, но, тем не менее, — я смеюсь, — мы друзья, если можно так назвать, правда, с момента вашей свадьбы мы так и не созванивались.

— Так может, стоит набрать его?

— И что я ему скажу? Привет, вот решила сделать дружеский звонок и узнать что у тебя новенького. Хез, что на ферме может быть новенького?

— Знаешь, я конечно не совсем в курсе, но Макс еще после мальчишника сказал, что они с Дженсеном решили Пита перевезти и у него будет новая работа в Вашингтоне, вроде в Федеральном Бюро Расследований.

— ФБР? Питер? Ты серьезно?

— Да, почему нет, он ведь специалист хороший, будет там с базой данных работать.

— Ну да, главное в специфику войти, но он это сможет, Питер упрямый и напористый, он справится.

— Вот и я так думаю. Нечего ему гнить на ферме. Эм, кажется, Макс идет, ладно.. давай еще попозже поболтаем.

— Конечно, я тебя наберу, как буду в Бостоне, Максу привет.

— Ага, пока, я тебя люблю.

— Я тебя тоже Хез.

Завершаю звонок. ФБР? Питер — агент в Вашингтоне? Но почему нет, ведь я сама ему говорила, что жизнь еще не окончена и у него есть возможности состояться в жизни, и есть люди, которые поддержат.

Тихонько приоткрывается дверь.

— Милая, что-то ты тут долго, почему в темноте сидишь? Я тут чай принесла, — мама проходит через зал, направляясь ко мне с чашкой моего любимого травяного чая.

— Спасибо мам, я с Хез разговаривала, — беру чашку и снова смотрю в окно, не хочу, чтоб мама видела мои глаза, она сразу все поймет.

— Как она? Они уже вернулись?

— Да, они в Бостоне, — прислонившись губами к чашке, отпиваю глоток горячего согревающего напитка.

— А он?

Так и знала, что она спросит, от матери ничего не утаишь.

— Он? — встаю с подоконника, — он переедет в Вашингтон. Его возьмут в ФБР.

— ФБР? Ничего себе! — мама шумно выдыхает, — парень он конечно смысленый. Может это и к лучшему, мне кажется, ему пойдет на пользу общество и социальная работа.

— Согласна с тобой мам. Он заслуживает лучшей жизни и отношения к нему.

— Да, — она смотрит на свои руки, — а Сэм как?

— Сэм? — я непонимающе смотрю на нее, — а что Сэм? Мы договорились встретиться

уже в Германии.

— Милая, послушай — мама облакачивается о подоконник, — может, стоит обратить внимание на этого мальчика? Он на тебя так смотрит и настолько внимательный.

— Мам, Сэм просто мой партнер и не более и давай не будем продолжать эту тему. Я хочу сама решать, кого к себе подпущу, а кого — нет. Сэм, он знаешь, с виду вроде и милый, но он парень себе на уме. Пока я не хочу себя с ним связывать никакими отношениями, кроме деловых.

— Дело твое, не стану тебе давать советы, ты девочка взрослая, тебе и решать.

— Спасибо мам, — улыбаюсь ей. За что я благодарна своим родителям, так это за то, что они дают мне самой выбирать свой путь в жизни и людей, с которыми мне общаться.

Мы выходим из зала, я поднимаюсь к себе, приняв душ и переодевшись, ложусь в кровать. Закрываю глаза и снова чувствую руки, его теплые шероховатые ладони, накрывающие мои плечи пледом на пляже.

Мне снова рано вставать и снова в самолет. Сегодня лететь в Германию, всю нашу группу соберут завтра утром на репетиции, а вечером мы должны выступить на открытии казино нашего нового хозяина. Быть в частной балетной труппе, может это и к лучшему. Оплата будет вовремя, не нужно будет ждать, пока театр соизволит распределить все средства, данные ему в распоряжение.

Я собираюсь, прощаюсь с родителями и еду в аэропорт. Снова самолет с пересадкой и двенадцатичасовой перелет.

Добравшись на такси до отеля, на ресепшене забираю ключ и отдаю багаж носильщику. Сейчас меня хватит только на сон, я жутко устала и вымотана перелетами.

Утром я собираюсь и вызываю такси к клубу, в котором мы будем репетировать с нашим хореографом. Хорошо хоть Эмили не сменили, а вот Трэвиса я не понимаю, работать только в театре? Ну что ж, нового партнера мне подобрали и теперь я танцую с Сэмом Бертли. Голубые глаза, русые кучерявые волосы, легкая щетина, он очень симпатичный. Но что-то в нем есть непонятное, отталкивающее. Возможно, мне так кажется, потому что мы мало знакомы, но он мне не нравится.

В клубе мы репетируем, снова и снова повторяя уже зазубренные прыжки и поддержки. Потом снова в отель, привести себя в порядок и готовиться к вечеру.

Немного вздремнув в отеле, привожу себя в порядок и еду по данному мне адресу в казино. Охрана пропустив меня на служебном входе, проводит меня в гримерную. Вежливо благодарю, проводившего меня охранника и вхожу в гримерку, где девочки уже переодеваются. Подготовившись, мы с Линдой и Райли, ждем, когда нас позвуют.

— Девочки, на выход, — Эмили заходит в гримерку и быстро жестикулируя, показывает нам торопиться.

Выходим из гримерной и идем в сторону игрового зала, по пути встретившись с нашими партнерами.

Я иду под руку с Сэмом. В зале темнота и тишина.

Когда мы заходим на небольшую сцену, звучит музыка. И снова повторяется тот самый танец, который я танцевала когда-то в клубе для Хез с Максом и для НЕГО.

Но тогда танец шел, словно из моей души, а сейчас я делаю все машинально.

Да, Сэм это не Питер. Я не чувствую сейчас того, что ощущала в его присутствии. Для Питера я была готова танцевать, я была окрылена чувствами, я раскрывалась перед ним.

А сейчас я не хочу. Здесь всё мне чуждо.

Музыка заканчивается, в зале раздаются аплодисменты, я делаю реверанс с поклоном и мы уходим со сцены. Мы не успеваем уйти в подсобку, когда к нам подходит Эмили.

— Ребята, все за мной. Мы должны представиться нашему новому владельцу.

Мы все следуем за ней в специально отведенную ложу, находящуюся неподалеку от нас и меня пронзает этот жесткий взгляд. Я чувствую себя не на знакомстве, а как товар. В какой-то степени так оно и есть, но ради приличия можно было так и не оценивать, однако похоже этому человеку нет дела до рамок приличия. Видимо, он все приобретенное оценивает, как вещи.

— Это владелец нашего балета — мистер Тристан Корс, — Эмили представляет нового хозяина нашей группы.

Темные карие, почти черные глаза, гладко зачесанные черные волосы и безукоризненно выглаженный и идеально сидящий дорогущий костюм.

— Мистер Корс, это мои подопечные шоу-балет «Мистери». Теперь мы являемся Вашим балетом и готовы выслушать Ваши требования и пожелания, — мило улыбаясь, Эмили обращается к нашему новому боссу.

— Все хорошо Эмили, давайте не сегодня, — он встает с кресла, оценивающе разглядывая меня, Райли и Линду. — По вашему выступлению, думаю, я с вами не прогадал. На сегодня можете быть свободны, свое дело вы сделали, дальнейшие инструкции вы получите от моего заместителя Тайлера Сноу.

Чувствую себя гадко. Поскорее хочется уйти и больше не встречаться с этим человеком. Такого обращения я давно не помню. Он как кукловод, засунув нас в ящик?

Мы идем в примерные переодеваться. Уже сменив одежду на джинсы с пуловером, упаковываю платье в чехол, когда слышится стук в дверь.

— Простите, мисс... — слышу позади и оборачиваюсь к двери. Мы с Райли и Линдой смотрим на вошедшего работника казино, — Вы, мисс... — он указывает на меня.

— Аманда Линдсей, — я удивленно и с непониманием смотрю на него.

— Мисс Линдсей, мистер Корс просит Вас присоединиться к его столику.

Что? Еще терпеть не только его жесткий взгляд, но и присутствие этого человека рядом? Ох, вот же повезло!

Я обреченно вздыхаю. Но если бы дело было только во мне, то я бы отказала и уехала домой. А так... Я не могу подвести наш балет, ведь судьба и репутация всех нас может зависеть от этого человека. И я вынуждена туда идти. Ради ребят.

Я беру из сумки необходимые вещи и подхожу к парню.

— Я готова. Если мистер Корс изъявил желание видеть меня в своей компании, — я натягиваю улыбку, — почту за честь.

Глава 2

Lana Del Rey — Art Deco

Питер

Как хорошо я помню день свадьбы Макса и Хезер. Девчонка вся светилась от счастья. Как же она волновалась, бедняжка, руки тряслись от волнения, щеки постоянно краснели.

А как Макс нервничал... Смешно вспоминать. Я отлично помню, как Макс тогда сказал перед церемонией «Она та самая, Пит. Та, ради которой я могу забыть свои ночные кошмары, не просыпаясь среди ночи».

Впервые за семь лет я по-настоящему спокоен за него. С ней он нарушил все свои принципы, переступил через свои страхи.

К дому подъезжает машина.

Странно, я никого не ждал сегодня. Кого там принесло?

Добираюсь до входной двери.

— Пит! — Хезер пытается быстро обнять меня, но выходит это у неё довольно неуклюже.

— Привет, — чуть отъезжаю назад. — Какого хрена вы тут забыли? — смотрю на Макса, позади неё.

— О, ты такой гостеприимный, — Макс закатывает глаза и, обходя мое кресло, ставит небольшую дорожную сумку на пол. С громким грохотом в дом вбегает Король, снося при этом стоящее у него на пути кресло и, встав на задние лапы, облизывает лицо Макса.

— Мой мальчик, — Макс улыбается.

— Да, этот паскудник соскучился по хозяевам, — качаю головой и, развернувшись, направляюсь на кухню, поставить чайник.

Открываю воду и подставляю ладони. Приятная влага течет между пальцами. И меня мысленно уносит далеко отсюда. Я вижу океан. Перед глазами морская гладь лазурного берега.

Чувствую, как вода покрывает ноги. Всё выше и выше. Помню то чувство. Мурашки по коже от прохладной воды. Помню, что чувствуешь при погружении в воду, испытывая наслаждение. Чувствуешь легкость и невесомость. Солнце греет плечи одновременно с тем, как вода охлаждает тело.

— ...Пит?

Резко поворачиваю голову в сторону входа.

Черт. Меня как-то на время совсем выбило из реальности.

— Макс... — слегка улыбаюсь.

— Ты в порядке? — он хмурится, и идёт ко мне.

— Да, конечно. А что? — киваю и смотрю на свои руки. Они в воде. Чайник полон и вода выливается через край. — Вот черт. — Выключаю кран, выливаю лишнюю воду. Ставлю его на плиту. Как я так отвлекся?

— Как работа? — спрашиваю его. Он сидит за столом, смотря на меня.

— Хорошо, а как твои дела здесь?

— Как обычно, — отвечаю обыденным тоном, — завтра днем придут несколько человек покататься на лошадях.

— Это хорошо, — он кивает.

Чайник шумит. Между нами с Максом повисает неловкое молчание. Положение спасает Хезер.

— Что-то вы притихли, — она прищурившись, улыбается, — о чём-это вы тут беседовали?

— Ничего, просто мужской диалог, — подмигиваю ей. Она хихикает, и садится на колени к Максиму.

Мы обедаем, после Хезер уходит в комнату отдохнуть, а мы с другом идем на задний двор, посмотреть конюшню. Король бежит впереди и Макс слегка улыбается, он счастлив видеть своего пса.

— Ты не разговорчив сегодня, — говорит Макс.

Я молча смотрю вперед, на красоту зимнего поля. Вокруг тишина, и только издали видно, как верхушки деревьев слегка покачиваются от неуловимого дуновения легкого зимнего ветра.

— Нет, все как обычно, — пожимаю плечами.

— Я слышал, что у Аманды какие-то грандиозные изменения.

Какого черта он говорит мне про неё? У меня что, все проблемы написаны на лице?

Поворачиваю голову в сторону Макса, но он продолжает смотреть вперед.

- И? Я не понимаю, к чему ты мне об этом говоришь.

— Да так, просто говорю. Хез скучает по ней, — Макс высказывает как будто мысли вслух. Ветер немного усиливается и обдувает руки, становится прохладнее.

Ещё немного мы стоим и Макс уходит к Хезер, в то время как я ещё остаюсь на улице. Аманда... я не видел ее со свадьбы. Помню, как она танцевала. Лёгкая, такая озорная и манящая.

Усмехаюсь и качаю головой собственным воспоминаниям.

Она плавно двигалась, танцуя вместе с другими девушками. Помню, как синее платье прекрасно облегалo ее фигуру. Рыжие волосы были распущены, создавая огненный ореол. Каждый раз я удивлялся и в то же время восхищался ее грациозности, будучи на высоких каблуках, она словно парила и будто не замечала всей высоты каблука.

Черт! Чертовы ноги. Как же я хотел с ней станцевать.

Ненавижу. Ненавижу себя за собственные глупые мысли. К черту их.

Кажется, это слово стало тем, что я произношу каждый день, как только открываю глаза.

Я ненавижу каждый день. Я ненавижу его за то, что я все еще здесь и черт, нужно быть честным с самим собой. Такая, как Аманда никогда не сможет быть с таким, как я. С калекой.

И здесь не может быть счастливого конца. Это не хренова сказка со счастливым концом, это жизнь, и в ней не может сбыться все то, о чем мечтается.

В кармане вибрирует телефон. Пришло оповещение о новом письме на электронный адрес.

Добираюсь до спальни как можно тише. На диване уже давно спят молодые, и слышится тихий храп Макса и Короля. Вот это они дают в унисон! Тихо смеюсь и закрываю в спальню дверь.

Перебираюсь на кровать, ставя ноутбук на колени, и проверяю почту. Хм... Странно...

Открываю сообщение от неизвестного адреса и включаю видео.

На видео Аманда. И внизу стоит пересылка от её подружки, мирно сопящей в соседней комнате.

Бл*ть. Хезер!

Рычу про себя и хлопаю крышкой ноутбука. Ложусь на кровать, злющий на женушку своего друга. Пошутить надо мной решила. Проницательная какая.

Сердце грохочет, отчетливым стуком пульса и гулом в ушах. Руки сжимаются в кулаки. Гнев, расплзается, как кровь по венам.

Эта девчонка несносна и Макс прав, она сучка. Хитрая проницательная сучка.

Проходит около пятнадцати минут до полного спокойствия, и я второй раз открываю сообщение, надев наушники. Я не могу пересилить себя. Мне хочется снова её увидеть. И я включаю это чертово видео.

Не могу себе этого позволить! Не должен! Слабость — это то, что я ненавижу. Но сейчас эта слабость может не только погубить меня, но и спасти, хотя бы на пару мгновений.

Снова смотрю это видео уже в сотый раз, четкие и слаженные движения, чувственность и открытость, она умеет приковать к себе взгляд. Рыжая...

Видео заканчивается, я ставлю на повтор и закрываю глаза. Снова закрываюсь в себе. Снова я далеко отсюда. В моих мечтах эта девушка танцует для меня, со мной. Она только моя...

По телу разливается приятная нега, и я утопаю в сон, снова с мыслями о ней, недостижимой для меня.

***

Утром, забрав Короля, Макс и Хезер уезжают.

Теперь я снова сам по себе. Чертов недееспособный, я не хочу никому навязываться, я привык сам справляться со своими проблемами.

Прибираясь в конюшне через пару дней, слышу звонок мобильного, но... я на мгновение замираю, слыша мелодию, которой обозначен абонент. Нет...неужели мне показалось? Достāju мобильный из кармана и делаю глубокий вдох, смотря на экран. Нет, мне не показалось. Она.

Нажимаю прием вызова и подношу трубку, откладывая молоток в сторону и выезжая из конюшни.

— Привет Питер, — слышу ее мягкий нежный голос в трубке, и внутри что-то сжимается, словно пружина.

— Аманда? Привет. — Интересно, что могло заставить ее позвонить? Ей что-то нужно? Улыбаюсь собственным глупым суждениям, что ей может быть от меня нужным.

— Ты еще на ферме?

Что? К чему вопрос?

— На ферме. Почему ты спрашиваешь?

— Я слышала, что ты перебираешься в Вашингтон. Ты действительно будешь работать в ФБР?

Откуда она знает, это известно мне, Дженсу и... Макс, конечно, он сказал Хезер. А та в свою очередь поделилась новостью с подружкой. Черт, мы же даже в их присутствии специально эту тему раньше времени не поднимали, чтобы это пока не распространялось. Это Макс обсуждал со мной или Дженсом по телефону и Хезер услышала. Вот же Хезер...

— Да, но сейчас нужно ферму передать в надежные руки. Мне нужен человек, который сможет за всем присмотреть, не хочу продавать свой дом.

— Понимаю. Я тебя поздравляю, думаю это здорово, ты все таки военный и думаю, ты не должен зарывать свои способности, ведь ты достоин служить дальше. Твои друзья правильно сделали, что нашли тебе должность в спецслужбе и даже не думай, что ты не способен чего-то добиться!

— Спасибо, посмотрим, что из этого выйдет.

Какого черта она несет? Она думает о высоких моральных ценностях, не зная, какие по факту проблемы могут возникнуть. И все же не буду спорить, мне приятно ее внимание. Льстит мне девчонка или нет, но приятно от неё это слышать. Я улыбаюсь.

— Эм... у меня в следующем месяце будет пара выступлений в Вашингтоне и я подумала... — слышу как она шумно выдыхает. — Ты не против встретиться?

Она хочет встречи. Нет, мы не должны встречаться, она и без того плотно засела в моей

голове. Я не должен ей позволять большего, но... чего «большого»? Как бы я не хотел противостоять ей, я сдаюсь. У меня и так толком ничего нет в жизни, пусть хоть будут воспоминания в моем жалком существовании. Я живу этими воспоминаниями.

— Да, обязательно встретимся. Я напишу тебе адрес, как обоснуюсь в городе.

— Тогда пока, буду ждать сообщения.

Добиться. Чего в моем положении можно добиться? Не думаю, что мне грозит заоблачная карьера, скорее всего место в каком-то архиве, и не более того.

Поговорив с девушкой, я переключаюсь на дела по ферме, которыми занимаюсь до самого отъезда. Ремонт конюшни и передача дел занимают все последующие дни. Моя соседка по ферме миссис Хейл будет присматривать за всем, имея долю с доходов фермы, так я решил, пока не вернусь домой.

***

Утро выдается очень холодным. Сыро. Мелкий дождь с изморозью оставляет на окнах причудливую россыпь. Согревает в такую погоду только кофе. В такую погоду дорога будет тяжелее, чем бы в ясный и погожий день. Возможно, стоит отложить отъезд на завтра.

Беру чашку с ароматным дымящимся горячим напитком. Вдыхаю яркий терпкий запах. От блаженства закрываю глаза.

На столешнице звонит мобильный, отвлекая меня.

— Дженс? — отвечаю, взяв телефон со стола.

— Дверь открой.

Какого?..

Оборачиваюсь к входной двери и добравшись, всё еще не до конца понимая, что происходит, открываю.

Облокотившись о дверной косяк с дорожной сумкой, стоит Дженс.

— Что тут делаешь? — недоуменно смотрю на Дженса.

— Ну, привет для начала. — скептически осматривает меня друг, — может, пропустишь, а то как-то холодно.

— Проходи, — пропускаю его внутрь.

— Планы немного изменились. Поступил звонок раньше, чем я думал. Нужна наша помощь и тебя уже ждут. Собирай шмотки, приятель, мы едем в Вашингтон.

Глава 3

Mr FijiWiji — Yours Truly (Vacant Remix)

Аманда

Вечернее казино. В такого рода заведении я нахожусь впервые, так как не являюсь любителем азартных игр. Это место, где крутятся большие деньги, ломаются чьи-то судьбы, рушатся и возрождаются надежды. Хотя лично я никогда не понимала, зачем идти туда, если знаешь, что можешь лишиться всего в одночасье.

Казино заполнено до отказа. Со всех сторон слышны крики, возгласы, шум рулетки и игровых автоматов. Я прохожу к столику Тристана Корса. Все яркое и пафосное окружает этого человека. Но он создает впечатление нездешнего, как будто все вокруг — это мишура, прикрытие и на самом деле, он является владельцем более страшных вещей. Рядом с ним мелькает девушка, которую я ранее не видела. Брюнетка. На вид красива, умна, опасна. Два охранника стоят позади, один из них подходит ко мне.

Представ перед ними, чувствую себя неловко, словно меня просматривают под

рентгеновскими лучами. Когда на мне сосредотачиваются взгляды порочных людей, чувствую себя перед ними, как беззащитный кролик. Не знаю, возможно, мое мнение предвзято, ведь это отложилось с детства от просмотра фильмов про нелегальный бизнес, гангстеров и крутых агентов под прикрытием. Но мне страшно.

— Пропусти ее, Нейт. — обращается он к одному из охранников. — Прошу присаживайтесь, мисс Линдсей. Вы как-то робеете передо мной, я вас пугаю? — внимательные темные глаза рассматривают меня с неподдельным интересом. От такого взгляда хочется спрятаться в раковину. Но я пересиливаю себя и стараюсь не показывать свою боязнь этих людей. — Вы можете быть свободны, — он переводит взгляд на клерка и тот быстро ретируется.

— Спасибо мистер Корс, — сажусь на кресло рядом с ним и жду дальнейшего вопроса.

— Ваше выступление меня сегодня вдохновило, а эти медные волосы... — он бросает взгляд на мою прическу, — вы очень красивая и эффектная женщина. Бриллиант, который можно приукрасить хорошей огранкой, — он прикладывает палец к губам, что-то обдумывая. Жаль, не могу прочесть мыслей этого человека, мое подсознание только лишь может подсказывать мне остерегаться его.

— Мистер Корс...

— Тристан, — обрывает он, не дав мне договорить.

— Тристан, — вновь продолжаю я, — что вы имеете в виду под огранкой? Я все-таки не металл и эта аллегория меня немного вводит в замешательство. Что значит приукрасить? Меня, по вашему мнению, нужно усовершенствовать? — я в возмущении поднимаю бровь. Наглость этого человека, возможно, является его жизненным кредо, но меня это злит. Я такая, какая есть, и не хочу меняться под влиянием кого-то, чье мнение и позиция для меня не имеют никакого значения.

— Нет, ничего такого не имел в виду, просто в моем воображении я вижу вас в красивых нарядах, дорогих украшениях, только и всего, — он, из расслабленной позы, подавшись вперед, снова смотрит на мои волосы. — Эта пышная грива рыжих волос, никогда не видел ничего подобного. Аманда, вы со мной пообедаете завтра?

Обедать с хозяином нашего коллектива. Это может породить разного рода слухи и наградить меня не очень хорошей репутацией. Но оплата за выступления у нас очень хорошая и думаю, лучше мне согласиться на обед, в конце концов, это всего лишь обед.

— Пообедать? Думаю, я смогу найти время в перерывах между репетициями. — Я осматриваюсь снова, взгляд брюнетки и ее присутствие меня тяготят. — Если вы не против Тристан, я поеду в отель отдохнуть, сегодняшней день с репетициями и выступлением вымотали, и мне хотелось бы отдохнуть. — Я делаю напускной усталый вид, хочу побыстрее избавиться от этого неприятного общества.

— Конечно Аманда, не буду вас удерживать, завтра я вам позвоню. — Он встает, подходит ко мне и взяв мою руку, подносит ее к губам. — Жду встречи, — Корс поднимает на меня взгляд, отпускает руку и уходит вместе с охраной, — Триш, иди в кабинет.

Брюнетка уходит следом за ними, оставив меня одну и дав возможность облегченно вздохнуть. Осталось забрать вещи из гримерки и можно ехать в отель.

Забрав сумку, выхожу на улицу. Прохладный воздух щекочет нос, дышать становится легче. Облегченно выдыхаю.

— Ну и о чем был разговор? — слышу недовольный знакомый мужской голос позади себя, заставляющий меня вздрогнуть от неожиданности.

— Сэм? Господи! — оборачиваясь, смотрю на него, облокотившегося об стену в недоумении, — я думала, все уже давно уехали. Что ты тут делаешь?

— Ждал тебя у примерной, чтобы вместе поехать в отель, но войдя туда, увидел только сумку. Я вышел в игровой зал и заметил тебя с этим Корсом. Аманда, что происходит? Что ты рядом с ним делала?

— У тебя ко мне, как у моего партнера по танцам, слишком много вопросов Сэм. Это я должна задать тебе вопрос, какое тебе дело до того, почему меня позвал Корс. — Мое удивление на его недовольство начинает сменяться раздражительностью. Еще и ему что-то нужно от меня.

— Меня терзает одна мысль, может нас всех уберут, а ты уже греешь себе местечко? — с ехидством спрашивает Сэм, а меня уже начинает колотить в негодовании.

— Во-первых Сэм, Корс меня сам позвал, во-вторых, наш разговор никоим образом отношения к нашему коллективу не имеет, и в-третьих, в твоей компании я точно в отель не поеду, тем более теперь.

— Ладно, извини, — он вдруг, немного сутулясь, виновато опускает глаза вниз, — я не знаю, что на меня нашло. Увидел тебя там с ним, и меня внезапно охватила злость. Сам не знаю, с чего вдруг.

Возможно я сбила немного с него спесь и излишнее любопытство. Но, если честно, мне всё-равно. Я устала, меня переполняет негодование, и даже отвращение от последних разговоров, я хочу вернуться поскорее в отель и запереться у себя в комнате.

В такси я отворачиваюсь и смотрю в окно, без споров, в абсолютной тишине, у меня нет желания продолжать разговор с Сэмом.

И только в своем отельном номере я могу полностью расслабиться и вспоминаю свои впечатления.

Какие странные мужчины. Странные вопросы. Странные ассоциации. И не нужное внимание чуждых мне мужчин. Огранка для бриллианта... Зачем это всё мне нужно?

На следующий день, всё еще думая над предложением Тристана, собрав основную часть вещей в сумку и решив прогуляться, я иду по улице, периодически заглядывая в витрины магазинов.

На достаточно оживленной улице туда-сюда снуют прохожие, время идет к обеду. В моей сумке звонит мобильный. Я догадываюсь, кто это. Даже не думаю, откуда он мог взять мой телефон. Для него, как человека купившего наш коллектив, не составит никакого труда узнать о нас любую информацию.

— Здравствуйте Аманда, — слышу на том конце низкий грудной голос, — это Тристан. Все в силе? Ничего не поменялось?

Отнимаю трубку от лица и смотрю от нее. Для такого человека причина отказа должна быть весомой, а у меня нет такой. Значит, деваться некуда.

— Нет, ничего, куда мне подъехать?

— Никуда не нужно, за вами приедет машина, через 20 минут, идет?

— Я сейчас на улице, мне нужно вернуться в отель и переодеться.

— Тогда, машина будет ждать у отеля через час. Я думаю, вы помните Нейта, он вас встретит.

— Да конечно, — в голове прокручиваю, что я брала с собой, что могло бы подойти для встречи. У меня были с собой в сумке платье и комбинезон, вот что-то из них и надену.

— Тогда до встречи. — Он отключается, а я снова начинаю съезживаться, представляя

очередную встречу с ним. Почему-то это происходит непроизвольно. Что же делать? Снова натягивать напускную безмятежность, когда что-то внутри подсказывает держаться от него подальше? Успокаиваю себя, что через 5 часов у меня самолет, и я окажусь далеко от Корса.

Возвращаюсь в отель и начинаю собираться, не так много времени осталось до встречи.

В номер стучат.

Интересно, кто бы это мог быть? Для Нейта это еще рано.

Открываю дверь. В дверях стоит курьер с небольшой посылкой и просит расписаться за нее. Я в удивлении смотрю на бланк у курьера — мистер Тристан Корс.

Подарок?

Закрыв дверь, раскрываю упаковку. Под оберточной бумагой я нахожу коробочку, обтянутую темно-красным бархатом. Не иначе как драгоценности. Вчера речь шла именно об этом. Открыв коробочку, обнаруживаю там пару золотых сережек с рубинами в центре и россыпью бриллиантов, служащих окантовкой рубина.

Провожу по ним подушечками пальцев, ощущая гладкие стенки камня.

Красивые. Дорогие. Мы только вчера познакомились и уже столь щедрый подарок? Нет, однозначно я это принять не могу.

Надев брючный комбинезон зеленого цвета, о котором подумала на прогулке, зеленые лодочки и положив в клатч коробочку с сережками, я спускаюсь вниз к уже ожидающему меня охраннику возле машины.

— Мисс Линдсей, — приветствует меня охранник и открывает дверцу машины.

— Здравствуйте, — улыбнувшись, сажусь на заднее сидение. Нейт закрывает дверь, проходит к водительскому сидению, заводит машину, и мы трогаемся с места.

Недолго проехав, Нейт останавливается и открыв мне дверь, указывает рукой на ресторан перед нами. Взяв клатч и приняв руку охранника, выхожу из машины.

В ресторане подхожу к администратору узнать, куда мне идти. Приятного вида молодая девушка любезно соглашается провести меня к столику, где ожидает Тристан Корс.

— Здравствуйте Аманда. — Завидев меня, он встает из-за стола и, обходя его, подходит к противоположному стулу, отодвигая его для меня. Сегодня с ним нет брюнетки, намного меньше личной охраны, чем я заметила вчера в казино, и он сам имеет более непринужденный вид. Обычный деловой костюм с галстуком делают его внешний вид менее враждебным, в отличие от вчера, былой опаски я уже не ощущаю.

— Спасибо Тристан, — я сажусь на стул, и ожидаю, пока он вернется на своё место. Обстановка в ресторане оказывается даже лучше, чем я могла предполагать и я себя чувствую вполне свободно и раскованно. — Хочу вернуть ваш подарок, — достаю из сумочки коробочку и ставлю посередине стола, на равное расстояние между нами, — это слишком дорогой подарок, как для человека, которого вы знаете всего второй день. А еще я не люблю, когда меня хотят купить.

— Что ж, — он смотрит на коробочку и забирая ее назад, продолжает, — простите, что заставил вас так думать, у меня вовсе не это было на уме, — он убирает ее во внутренний карман пиджака.

— А что же? — я с интересом ожидаю услышать ответ. Этот человек сегодня мне кажется немного другим, и его извиняющийся тон даже немного смягчает мое первое мнение, сложившееся о нем вчера.

— Это просто вещица, которая придала бриллианту напротив меня еще большего блеска. — Его откровенный ответ вгоняет меня в краску. — Надеюсь, этот неприятный

момент не помешает нам пообедать?

— Думаю нет, — я слегка улыбаюсь и беру в руки меню. Немного изучив его, делаю заказ из легкого овощного бульона салата и запеченной форели обслуживающему наш столик официанту. При нас открывают бутылку белого вина и официант уходит.

— Вы сегодня улетаете? — Корс снова внимательно смотрит, — у вас еще есть день в запасе, может останетесь здесь?

— Нет, Тристан, — решительно машу головой. Я не люблю прилетать в день выступления, лучше, когда есть время в запасе.

— Расскажите мне о вашем коллективе, — он откидывается на спинку стула с бокалом вина в руке.

— Ну даже не знаю с чего начать, — делаю глоток вина и снова продолжаю, — разве что с самого начала.

К моему удивлению, сейчас я чувствую себя уже менее скованно. Может, потому что сейчас он смотрит на меня иначе?

Мы ведем беседу, как образовался первый состав коллектива в театре, как менялся состав и хореографы, и как это повлияло на нас, нашу репутацию и то, чего мы достигли.

В это время приносят наш заказ. Он спрашивает о театре, наших гастролях, хореографах. Я приятно удивлена, это совсем не тот человек, который был передо мной вчера и мне приятно общаться с сегодняшним Тристаном Корсом. Возможно, в казино он и его свита составляют определенный имидж, чтобы враги, конкуренты и неудачники их боялись.

Весь обед проходит в довольно ненавязчивом общении, и я меняю свое мнение. На работе и в другой обстановке он ведёт себя по-разному. И я даже ловлю себя на мысли, что могла бы провести еще один день в обществе Тристана, но нет... не в этот раз. Он только мой босс и иного я не хочу.

Я ничего не могу с собой поделать, я решила и мне предстоит сделать куда более важный шаг для своей гордости. Спрятать и её и обиду. Я сделаю ещё одну попытку.

В отеле, в моей сумке рядом с документами лежит билет в Вашингтон. Билет к тому, с кем мы всего-лишь друзья, к тому, кого я действительно хочу видеть, не смотря ни на что.

Глава 4

Kings Of Leon — Closer

Питер

Вашингтон. Город больших надежд и возможностей. Только какого хера меня сюда притащили я не понимаю. ФБР. Зачем им нужен я? Какой от меня толк?

— Здесь нет ни экранов, ни компьютеров, ни станций, ничего. Как ты хочешь, чтоб я работал? — оборачиваюсь и смотрю на Дженса.

— А зачем тебе дохрена всего? Ты что, насмотрелся фильмов о космических станциях и огромных экранах в штабе ФБР? Тебе-то и нужно всего, компьютер, мобильник, эксперт из лаборатории и напарник.

— Напарник? — непонимающе смотрю на него, — вы что, совсем охренели с Кингом? На какие дела вы меня собрались отправлять? На что я могу быть способным, передвигаясь на этой долбанной развалюхе?

— А кто сказал, что ты будешь работать на развалюхе? — он показывает знак рукой парню, стоящему в дверях кабинета, тот выходит, и затем заводит новое кресло. Сказать что

оно новое — это ничего не сказать. Я вижу немало кнопок и рычагов, и это меня настораживает. Парень видит мою озадаченность и, спохватившись, начинает показывать свойства кресла.

— Смотрите, это рычаг наклона спинки в три положения. А этот рычаг будет регулировать скорость.

— Скорость? — смотрю на колеса, наклоняя голову набок и пытаюсь лучше их рассмотреть.

— Да, именно скорость. Это кресло-автомат, полуробот. Тут уже нет чистой механики, это одна из наших новейших разработок.

— Как вы смогли так быстро его подготовить? — поднимаю глаза на Дженса. Он поглядывает на часы, а инженер продолжает крутить кресло.

— Это входит в наши задачи, — неуверенно протягивает парень, смотря поочередно на нас.

— Ты не один такой Пит, — он стучит меня по плечу. — Давай посмотрим лучше, чем они его нафаршировали.

— Да, — продолжает парень, — вот под правым подлокотником находится тайник для револьвера. В левом тайник поменьше для ножа. По бокам идут дополнительные тайники, если вам понадобится. Мы потом сможем с вами лично обсудить, когда вы уже будете в кресле, чем его следует дополнить.

В кабинет входят двое мужчин, которых я вижу впервые, но парень тихо с ними здоровается и я понимаю, что вошедшие — далеко не последние по званию.

— Старший следователь Грэнсфилд, — он подходит и протягивает мне руку. — Наслышан о твоей отваге и мужестве. Думаю, мы сработаемся. Наши ребята попадают в передряги, но ты, я знаю, не из робких. Получишь амуницию у Дэвида, — он указывает на парня рядом с креслом. Это твой напарник Уолтер.

Ко мне подходит второй парень в темном костюме. Темные волосы, глаза светлые, начисто выбрит.

— Привет, я Уолтер Ривз.

— Ну что ребята, за работу. Дженсен, зайди ко мне. Ривз расскажи новичку, что у нас тут и как. Жду вас к концу недели с отчетом, ребята. — Грэнсфилд выходит из кабинета, а за ним идет Дженс.

- Пит, я еще вернусь. Осмотрись пока.

— Ну что, приступим? — Ривз проходит к своему столу.

Парень подкатывает ко мне новое кресло и я пересаживаюсь. Необычно, но такое не купишь на военную пенсию. Анатомическая спина и куча гребанных прибабасов. Придется к нему привыкать.

Парень из лаборатории уходит. Следующий час я смотрю основные дела, которые мне поручено вести вместе с Ривзом. Компьютерная база и связь — это всё теперь моя задача. Снова появляется Дженсен.

— Пит, есть пара моментов. Тебе положено ходить в костюме, ну можно в джинсах. Но верх — это обязательно пиджак и рубашка. Еще думаю, что с тобой делать, пойдешь ли ты на это?

— Что нужно? — настороженно смотрю на него.

— Сбрить бороду. Они хотят, чтобы ты был представительным на открытых мероприятиях.

Зачем всем меня показывать?

— Нахрен мне это нужно? Ты представляешь меня на каком-то мероприятии с кучей народу?

— Не кипятись Пит. Ты толковый и они хотят показать, что агент может быть и с ограниченными возможностями. Это надежда для многих агентов и служащих, кто пострадал в операциях, не падать духом, а дальше работать.

— Я не готов на такое. Это не по мне, я сваливаю отсюда. — Выруливаю из-за стола к своему старому креслу.

— Питер стой, — зовет Ривз, — это будет не часто и ты вправе отказаться, никто тебя не заставит. Но если сама работа тебе по душе, то чего горячиться. Подумай лучше о том, что ты можешь помочь обществу.

Я останавливаюсь в своих намерениях пересесть в старое кресло. Ривз прав. Мою жизнь смело можно назвать жалкой, но помочь людям можно. Борода, готов ли я сбрить бороду? Ради помощи попавшим в беду и отчаявшимся, думаю, смогу.

— Хорошо, бороду сбрую, костюм будет.

Дженс смотрит на Ривза, улыбается и молча кивает. — Пит, созвонимся вечером. — Я киваю, и он выходит из кабинета.

Последующие пять часов приходят люди из разных отделов, давая различные пароли, показывая базы. Да, работы по висящим делам не мало.

Под конец рабочего дня Уолтер ведет меня в лабораторию, где я получаю чемодан с различным оружием и бронежилет.

— Нахрена мне всё это? — осмотрев содержимое чемодана, смотрю с удивлением на Уолтера. Я же в этих стенах, как за семью печатями.

— Да разное бывает, — он пожимает плечами, — ты же не знаешь, распутывая клубок, в какое дерьмо ты лезешь. Иногда тебя могут поджидать возле дома. На некоторых работают хорошо обученные киллеры, ты всегда должен быть начеку.

— Понял. — забираю чемодан и жилет.

— Эту неделю можешь ходить без жилета, а со следующей все же рекомендую его надеть. Твои документы и пропуск, и удостоверение будут готовы послезавтра, а пока на охране возьмешь временное удостоверение.

Смена заканчивается, мы выходим на пропускном пункте. Расписавшись за всё оружие, выданное мне и получив временный пропуск, еду домой.

Захожу в свою новую квартиру. Черт. Я только доделал свой дом и теперь все придется начинать сначала. На первый взгляд здесь довольно стильно и, что на удивление, просторно. Я думал, что мне дадут квартиру в двадцать квадратных метров, но я приятно удивлен.

Небольшой коридор, отделанный деревянными панелями с темным паркетом на полу, переходящий в светлую гостиную, соединённую с кухней. Посреди комнаты стоит диван, напротив телевизор, а по бокам небольшие книжные шкафы и дверь. На полу мягкий ковер.

Неспешно проезжаю дальше. Небольшой круглый столик, вокруг которого четыре плетеных стула. Холодильник, плита, кухонные тумбы. Все как обычно, единственный момент, который я заметил, тумбы немного ниже, чем обычно и я могу с лёгкостью на них работать. Объезжаю диван, открываю дверь. Спальня. Она тоже небольшая и светлая. Большая кровать, на вид очень удобная и мягкая. Шкаф и подоконник-стол, на котором стоят два ноутбука, колонки, небольшой планшет, наушники, стопка документов.

Подоконник большой, под ним несколько полок.

Квартира теплая и уютная.

Мне не нравится это чувство, но я уже понял, что вляпался в это дерьмо и помог во всем этом Кинг. Чертов друг. К этой квартире он тоже приложил руку.

— Говнюк, — усмехаюсь и возвращаюсь в гостиную.

Включаю телевизор и готовлю ужин. На часах 19:45. В моих планах ужин и сбрить бороду. Уговариваю себя на этот шаг тем, что может кому-то я действительно пригожусь. Завтра нужно выйти в город и купить костюм.

На столешнице звонит мобильный. Я отставляю в сторону сковороду и смотрю на экран мобильного. Она. Мы говорили с ней сутки назад и снова звонок?

— Аманда?

— Привет. Зачастила я к тебе со звонками. — Слышу в трубке хихиканье и невольно сам улыбаюсь. — Питер, я завтра буду в Вашингтоне. И... — она замолчала, а я понимаю, что должен что-то сказать. Она хочет встретиться, намного раньше, чем я мог предположить.

— Я завтра на работе до вечера, а потом мы могли бы поужинать. Скажем, в 7?

— Да, с удовольствием. Где встретимся?

— Я вышлю тебе адрес сообщением, как забронирую столик.

— Хорошо, тогда до завтра... Пит. — Снова слышу ее неуверенность в голосе. Почему она волнуется?

Аманда отключается. Бросаю мобильник и возвращаюсь к сковороде. В воспоминаниях всплывают рыжие волосы, ясные зеленые глаза и стройные ноги на каблуках.

Слышу треск раскаленной сковороды. Черт! Чувствую резкую боль на руке. Масло начало стрелять. Я отвлекся.

Поужинав и просмотрев новости, добираюсь до ванной. Время расстаться с прошлым. Расстаться с бородой. Надеюсь, жертва будет оправданной.

Беру пену, бритву, включаю теплую воду. И вот, спустя несколько минут бороды нет. Приняв ванную и надев пижамные штаны и футболку, осматриваю себя в зеркало. Нужна стрижка. Костюма тоже нет. Из ванной еду в кухню и беру со столешницы мобильный. Набираю своего нового напарника.

— Уолтер, привет это Питер. Слушай, мне помощь нужна.

— Чем могу помочь?

— Мне нужно подстричься и купить костюм. Я еще не успел тут осмотреться и не знаю город.

— Давай я к тебе утром приеду, и мы все организуем.

— Спасибо.

— Да не вопрос.

Добираюсь до спальни, где тоже есть телевизор. Здесь много всяких удобств, которые можно назвать лишними. Похоже, квартиру обставили, как совсем для беспомощного. Хотя иногда себя таким и чувствуешь.

Готовлю джинсы и рубашку. Деньги, вырученные с продаж на ферме. Вроде всё. Выключаю телевизор и перелезаю на кровать. День выдался тяжелым, но такова новая жизнь. Завтра будет новый день, посмотрим, что он принесет.

Утро. Умывшись и позавтракав, жду Ривза. Он не заставляет себя долго ждать. Ривз приехал за мной на машине и помогает мне забраться в авто. В парикмахерской мы проводим чуть меньше получаса — и я с новой стрижкой. Дальше заезжаем в два магазина,

где мне помогают выбрать два костюма и две рубашки.

Мы снова возвращаемся в мою квартиру и, пока Ривз ждет меня возле машины, я переодеваюсь. Теперь на мне новая рубашка, пиджак, но я решаю остаться в джинсах. Так привычнее, чем полностью в костюме. Вспоминаю, как плевался Макс, когда его заставляли надевать костюм и невольно вырывается смешок.

Осматриваюсь в зеркале, на меня смотрит человек, которого я видел до того самого случая. Случая, который меня изменил. Нет, и всё же я не тот. Не стоит питать бесплотных надежд, что что-то можно вернуть или изменить.

Оставив остальные вещи и закрыв квартиру, я возвращаюсь к машине. Сажусь и мы едем в офис.

— Уолтер, можешь еще кое-что подсказать? Какой есть хороший ресторан, с уютной обстановкой и хорошей кухней?

— Тебе для деловой встречи или..? — он смотрит на меня через зеркало заднего вида, приподняв бровь.

— Скорее или, — смотрю на него, ухмыляясь одним уголком рта, — просто посидеть с другом.

— Друзья любят пивбары с хорошим бельгийским пивом, — он декламирует, смотря вперед на дорогу.

— Не того склада друг, — я отворачиваюсь в сторону, смотря в окно.

— Понял, не мое дело. Есть тут в паре кварталов один ресторан, я дам тебе контакты, как приедем.

— Спасибо.

Дальше мы едем в тишине и Ривз меня ничего не спрашивает. Люблю эту черту, отличающую всех военных — всегда вовремя закрыть рот.

Ривз дает адрес с телефоном ресторана и я бронирую столик на вечер. Отправляю сообщение Аманде и весь день опять изучаю дела. Три убийства, пять ограблений, несколько пропавших без вести. Наркаторговцы, киллеры, грязные деньги, проституция — похоже, город погряз в дерьме.

Моим обедом служит кофе и сигарета. Потом снова к делу. В морге выдают результаты по трупам из наших дел. Зрелище не для слабонервных, но я спокоен. На заданиях я видел намного больше ужасающие картины, чем вижу сейчас. Я видел, как вешали семьями, грабили и обесчестили невинных ради наживы. И снова кадры мелькают в голове, с которыми должен смириться. Забыть такое невозможно.

Вызвав такси я пишу небольшой отчет по ознакомлению с делами, выключаю компьютер и закрыв кабинет, расписываюсь на посту с охраной. Время ехать в ресторан.

Banks — Change

В ресторане действительно уютно. Небольшие столики с торшерами и приглушенным освещением, окна высокие, но прикрыты тяжелыми порттьерами. Тихо играет скрипка. Я немного в замешательстве, Аманда может все не так воспринять. Хотя я и сам еще не знаю, как воспринимать наше общение.

Мне открывают дверь и подходит администратор. Я называю имя и меня провожают к столику. С меню подходит официант и я заказываю бутылку вина. Беру салфетку из небольшой салфетницы и поднимаю глаза, она неспешно идет, осматриваясь, и тут ее взгляд останавливается на мне. На лице искреннее удивление, даже скорее ошеломление. Ее губы приоткрываются и я сглатываю. Она выглядит прекрасно, как и всегда. На ней зеленое

платье до колена и туфли на высоком каблуке. Волосы струятся по плечам. Она снова решила прочно засесть в моей голове только одним своим видом, еще даже ничего не сказав. Аманда подходит к столу. Официант подбегает к нам и отодвигает для нее стул. Поблагодарив его, она садится.

— Ты сбрил бороду. Прическа другая, пиджак и рубашка... — она пожимает плечами, — новая работа тебя кардинально изменила. Я вначале не сразу поняла, показалось ли мне или это действительно ты. — Она улыбается, — Питер, ты совсем другой.

— Надеюсь это будет кому-то в пользу, — отвечаю больше себе, чем ей.

— Твой голос пропитан сарказмом, Пит. Ты не веришь в себя и свои способности?

Какого хрена она это спрашивает? Решила задеть за живое?

— Мой новый вид — это образ структуры, в которой я работаю, не более. За последние пару дней я узнал столько всего, отчего становится жутко. Не знаю, будет ли толк от меня им.

— Пит, я не сомневаюсь, что будет. И ты, никогда не сомневайся в себе. — Она переводит взгляд на официанта, — ты что-то уже заказал? Я целый день бегала по магазинам, безумно голодна.

— Я заказал только вино, с остальным решил подождать тебя.

Мы делаем заказ и официант уходит.

— Кстати, у меня для тебя есть небольшой подарок. Чемоданчик с инструментами. Сегодня была в одной мастерской и не смогла пройти мимо. Ты же любил мастерить в свободное время. И я подумала, что ты не сможешь взять все с собой, вот и решила купить. А еще... — она наклоняется, заглядывая в пакет, и я слышу ее приглушенный голос — черт, неужели забыла? — Аманда поднимается, сидя на стуле и отдавая мне пакет, — Пит, еще у меня для тебя книга, которую я давно купила и вожу с собой, но я забыла ее в отеле. Я просто не знаю, как завтра с репетицией и выступлением, успею ли тебе передать. Мы можем после ужина заехать ко мне, и я ее тебе отдам?

— Конечно, без проблем.

Мы общаемся на разные темы. Она рассказывает о родителях, новом коллективе, хозяине. При его упоминании она немного меняется. Тристан Корс. Нужно посмотреть досье на этого бизнесмена, наверняка владелец крупного игорного бизнеса есть в базе ФБР.

Я рассказываю ей о ферме и делах, которыми там занимался последнее время. Поужинав, мы заказываем такси и едем к ней в отель. Решаю по — джентельменски провести ее до дверей и беру пакет из такси с ее подарком. Не в моем стиле быть провожатым, но эта рыжая что-то меняет у меня внутри, и я чувствую в себе эту потребность сделать для нее что-то приятное.

Она открывает дверь, но я не спешу внутрь. Она включает свет и проходит внутрь номера. Номер небольшой, состоящий из одной комнаты. Двуспальная кровать, шкаф, комод, стол. Довольно скромно, как для Аманды, но такое жилье вполне подходит на ночь. Сняв туфли и присев на корточки, она роется в своем чемодане и достает книгу.

— Вот, — она встает, подходит ко мне и протягивает мне Брауна. Ты же любишь всякие путаницы, я и подумала, что возможно Браун тебе будет по душе.

Не совсем моё, но от подарков не отказываются. Особенно от ее подарков. Она единственная девушка, с которой я...дружу?

- Спасибо Аманда, не стоило, но мне очень приятно. — С пару секунд мы молча смотрим друг на друга. Не знаю, что со мной творится, но с этим труднее совладать с

каждой минутой. Я беру книгу, рывком тяну девчонку за руку на себя, она усаживается мне на колени, и я притягиваю ее к себе, грубо и жадно целую. Отбрасываю книгу и крепко хватаю ее за затылок. Она громко стонет мне в рот. И я завожусь ещё сильнее. Впившись в нее поцелуем, я почти кусаю ее за губы. Но она совсем не сопротивляется. Девчонка моментально отвечает на поцелуй, хватаясь руками за мои плечи, и тяжело дышит. Я прерываю поцелуй, отстраняясь, и внимательно смотрю на неё, — малыш, ты понимаешь, что тебе придется все сделать самой?

Она молча кивает, встает и идет к выключателю. Выключив свет, возвращается ко мне и наклоняется для поцелуя.

— Пит, я... я хочу попробовать, — она мягко шепчет и расстегивает молнию на платье. Прильнув ко мне поцелуем, девчонка толкает кресло к кровати. Пересев с кресла на кровать, я наблюдаю как она снимает платье и садится возле меня. Слегка наклоняюсь назад, притягивая ее за собой. Одной рукой подтягиваюсь к подушкам, а второй держу ее за талию. Она снимает с меня пиджак и расстегивает рубашку. Ее пальцы дрожат, и эта дрожь отдается мне.

— Тише малыш, не волнуйся. Все хорошо.

Ее волнение отдается мне. Я на взводе по полной. Давно не был с женщиной, а которая мне бы нравилась, это еще до того момента. Со мной девчонка, которая не выходит из моей головы и она меня хочет. Таким, какой я есть.

Она расстегивает и спускает с меня джинсы и укладывает меня на подушку с новым поцелуем. Это даже несравнимо с тем, когда ты получаешь разрядку от девицы, которая просто решила дать или когда пытаешься справиться сам. С ней все иначе.

Аманда расстегивает бюстгальтер и сбрасывает на пол. Стягивает с меня боксеры и свои трусики. Поднимаясь ко мне, она берет мой член в руку и наклонившись целует головку. Я не сдерживаю стон. Обхватив его губами и проведя по стволу языком, она мягко его посасывает. Ох, блять, это слишком тяжело. Эта скромница на самом деле очень смелая и меня совсем ни на что сейчас с ней не хватит.

— Малыш подожди, давай обойдемся без этого, — рукой отстраняю ее от себя, — я так очень быстро кончу. А я не хочу, не хочу, чтобы все очень быстро закончилось.

Она поднимается и садится верхом на меня, но вес удерживает сама.

— Я могу...? - и она начинает опускаться на меня. Я молча киваю, поднимаюсь на локтях к ее груди. Она обнимает меня за затылок и кусает мочку уха, перемещаясь поцелуями к шее. Я беру в рот ее сосок и тихонько покусываю, потом перемещаюсь к другому, облизывая его. Слышу ее прерывистое и тяжелое дыхание. На каждое мое движение она отвечает стоном. Взяв в руку мой член, она плавно опускается на него. Влажная. Я чувствую, какая она горячая. Я не выпускаю сосок и тяну его сильнее. Она прижимается ко мне сильнее, держась одной рукой за плечо, а второй за затылок и начинает двигаться.

У меня в глазах рябит, а тело напряжено до предела. Сдерживаться тяжело, но я держусь, я хочу, чтобы ей со мной было хорошо.

— Сильней, не бойся, — я шепчу ей между поцелуями. Она отталкивает меня. Я падаю на подушку, она двигается сильнее и резче. С каждым ее толчком все тяжелее. Меня начинает трясти и я пытаюсь глубоко дышать, но тщетно. Мой организм меня не слушается, он полностью подчинен этой женщине. И вот я чувствую, как становится уже. Еще чуть-чуть, нужно продержаться еще немного и я зажмуриваюсь. Она судорожно вскрикивает и останавливается. Я чувствую сокращения вокруг меня. Сейчас все прекратится, если я

ничего не сделаю. Ставлю ее колени себе на живот и приподнявшись на локтях, подвигаюсь к спинке кровати. Опираясь на спинку, кладу руки на ее ягодицы и продолжаю насаживать на себя, пока она сжимает меня.

Когда она начинает понемногу расслабляться, чувствую, что я больше не могу геройствовать.

— Крошка, я больше не могу. Ты должна встать, за последствия я не могу отвечать.

Она встает и ложится на бок рядом со мной, а я кончаю с судорожной дрожью во всем теле. Везде, где только могу чувствовать.

Аманда подтягивается ко мне и тянет к себе мою руку.

— Ты же не уйдешь? Ты останешься? Ведь это было не просто так, правда? — В ее глазах надежда. Блять, снова эта надежда, которую я ей подарил. Нам подарил. Дура, она совсем не понимает, на что себя обрекает с калеккой. Я уйду, но сейчас я не готов с ней ссориться и не готов видеть ее слезы. Нет, только не видеть, как она плачет.

— Я останусь.

Она сворачивается у меня под боком, и мы молча лежим обнявшись. Она больше не задает вопросов. Думаю, она понимает, что я все равно уйду. Ее запах меня окутывает, я вдыхаю его, пытаюсь запомнить навсегда этот момент и как можно дольше удержать его в памяти моей жалкой жизни.

Через время ее дыхание становится ровным. Я легонько провожу рукой по ее коже на спине и бедре, но она не реагирует. Уснула.

Тихо встаю и пересаживаюсь в кресло. Уже оттуда нахожу на ощупь свои вещи и одеваюсь. Посветив мобильным, нахожу книгу. Забираю ее и как можно тише кручу колеса кресла самостоятельно без рычагов, стараясь ее не разбудить.

У входной двери забираю пакет с чемоданом и открываю дверь. Я должен уйти и мы оба знаем, что общего будущего у нас нет.

Глава 5

Westlife — Soledad

Аманда

Дверь закрылась.

Я открываю глаза. Он думал, что я сплю, но это не так. Я просто боялась пошевелиться, боялась дышать, боялась спугнуть... Зная, что уйдет внимала каждое его прикосновение, каждый стук сердца, словно это в последний раз. Мне кажется, я всё ещё чувствую его запах, такой дорогой для меня и такой далёкий.

Я слышала, как он остановился в дверях перед уходом. Хотел ли он вернуться? Мне этого не узнать.

Моя постель остыла. Я в ней одна. Питер меня оставил. А что я себе навдумывала? Чтс человека, разочаровавшемся во всём именно я смогу вернуть к жизни, заставить во что-то поверить? Самонадеянная... Мои надежды рушатся одна за другой. Наверное, я ошиблась. Самонадеянно ошиблась в Питере. Настроила своими грёзами несуществующего.

Нужно забыть это, затолкать в самый дальний уголок своей души и никогда не вытаскивать. Да, я так и сделаю... Забуду...

Я поправляю рукой подушку и вглядываюсь в стену напротив с большим окном. Всё будет хорошо, со мной всё будет хорошо. Закрываю глаза и одинокая слеза скатывается по

щеке на подушку. Слеза, о которой ОН не узнает...

Эта ночь мне показалась слишком долгой. Я так и не смогла уснуть. Всё разные мысли о Питере, посещавшие меня и кажется, уже витавшие в пространстве вокруг меня, не давали покоя до самого рассвета.

Вот уже и начинает светать. За окном белесыми полосами светлеет небо. А я снова думаю о нём. Уже без слёз, без обид, просто думаю...

Да, жизнь жестоко обошлась с ним. Он не может полноценно чувствовать и физически ощущать всё, чего бы ему хотелось, но это совсем не значит, что нужно закрываться в себе и прятаться от жизни. Прятаться от женщин. Прятаться от чувств. Я знаю, что он что-то чувствует, пусть и отрицает это своим поведением. Нет! Такой человек, как Питер, не станет размениваться на мелочи. Жизнь заставила его встать на колени, лишила жизни обычного мужчины и заставила сделать переоценку жизненных ценностей. Теперь он ценит всё, что имеет, а значит, и я имею какое-то значение для него, просто не могу достучаться.

Я закрываю глаза, и снова проступают воспоминания о его губах, его горячих поцелуях на моей груди, его сильных руках, нежных прикосновениях к моей коже. Вспоминаю, как чувствовала его внутри себя, и легкая дрожь проходит по телу. Я сильнее кутаюсь в одеяло от этой дрожи, но мысли уводят всё глубже и глубже и меня уже трясет.

Всё! Я не могу больше об этом думать, иначе моя голова просто взорвется. И жалеть себя я не хочу. Зачем жалеть нас обоих, если между нами что-то происходит? Пока я не знаю, что с этим делать и как с Питером говорить, но, возможно, со временем найдутся и слова, способные пробиться сквозь камень его устоев.

Я встаю с постели и надеваю халат. Позвонив портье и заказав завтрак в номер, открываю свою сумку. Вещей у меня с собой не очень много, это мое платье для выступления, одежда для репетиции и сменная одежда в отель. А еще книга, в которой лежит фотография. Эту фотографию я беру с собой во все поездки. Она всегда со мной. На ней Хезер с Максом и мы с Питером. Мама ее сделала, когда Питер приезжал к нам поговорить с Хез.

Я достаю книгу и снова смотрю на фотографию. На ней Питер еще с бородой и курчавыми волосами. Сейчас он стал немного другой, что сбило меня вчера с толку, но в душе он всё тот же человек с тяжёлым прошлым, которое наложило свой неисправимый отпечаток и изувечило и тело и душу. Кресло на фото старенькое и местами затертое, совсем не то, которое я увидела вчера. То кресло было новое, и Питер был очень уверенный. Но всё же он в кресле. Я знаю, что он страдает. Очень хорошо, как сейчас, помню его историю, когда осколки от гранаты попали в ноги и спину. Как Макс его тащил на себе в укрытие, как их били в ангаре и как он лишился всего, что ему было дорого и что, он считал, всегда будет с ним. Как изменилось всё вокруг, и с ним остался только Макс.

Я кладу фотографию назад в книгу и оставив книгу на кровати, иду в душ. Приняв душ и вымыв голову, выхожу в комнату. Выглядываю из номера в коридор. Портье еще не было. Возвращаюсь в ванную комнату и высушиваю волосы феном, смотрясь в зеркало.

А если бы он ходил. Был бы у нас шанс? Обратил бы он тогда на меня внимание, среди других женщин, вешающихся на морпеха? На этот вопрос тяжело дать ответ, зная, что есть сейчас, но всё же? И почему я только сейчас об этом подумала?

Я выхожу в комнату и иду к сумке, достать вещи для сегодняшней репетиции. Достаю свитшот, лосины и гольфы. А в голове снова прокручиваю мысли об истории Пита. Осколки достали, но так как был задет позвоночник, то ходить он не смог. Я вспоминаю папу, когда

он получил травму при неудачном прыжке. Ему к спине и ноге подключали нейростимулятор и после реабилитации он полностью восстановился. Но Питер давно уже в кресле и что это даст? На военную пенсию он и не мог ничего сделать, а если подключить отца Хезер, папиных врачей, а может и на новой работе Питера что-то такое есть?

От роя уже почти жужжащих мыслей у меня в голове отвлекает стук в дверь. Я открываю дверь, и молодой парень в форме вкатывает столик с чайником и двумя блюдами.

— Ваш завтрак, мисс.

— Спасибо. — Закрываю дверь и, переодевшись, беру мобильный. Надеюсь, я не слишком рано сделаю этот звонок.

— Вернон, доброе утро! Простите за столь ранний звонок, я вас не разбудила?

— Привет, что ты я уже час как в офисе. Что-то случилось?

— Ну... — прикусываю губу в нерешительности. Нужно хотя бы попробовать. — У меня к Вам очень деликатное дело и я бы очень хотела, чтобы это осталось между нами, получится оно или нет.

— Аманда, ты меня настораживаешь. Тебе нужна помощь?

— Да. Но по правде не совсем мне. Я вам звоню на счет Питера Дэвиса, нашего общего знакомого.

— А что с Питом?

— Я просто вспомнила, что моему отцу при травме проводили реабилитацию с помощью нейростимулятора, может и Питеру как-то можно помочь?

— А ты думаешь, врачи в госпитале этого не делали?

— Я не знаю, мне трудно говорить о той области, в которой я ничего не смыслю, но и медицина не стоит на месте. Мне Хезер рассказывала, как их последние модели автомобилей полностью компьютеризированы и водителю практически ничего не нужно делать, может и в медицине что-то такое придумали?

— Ты хочешь, чтобы я разузнал можно ли Питу помочь.

— Да. С его военной пенсией ему не смогли особо помочь, но ведь сейчас он в ФБР, может там у них есть какие-то связи или разработки...

— Я тебя понял. Хорошо детка, я подумаю, что можно сделать. Ты что-то ещё хочешь?

— Нет, мистер Аддерли, спасибо вам.

— Это не мое дело, но... он тебе нужен.

— Да... точнее... я не знаю, мистер Аддерли, всё очень сложно. Этот разговор может остаться между нами, как я просила?

— Да Аманда, конечно. Когда всё узнаю, я тебе позвоню.

— Спасибо. — Я опускаю руку и мобильный падает на кровать рядом с книгой. Подхожу к тумбе рядом с кроватью и набираю ресепшен отеля с просьбой вызвать мне такси до клуба. Включив небольшой телевизор на стене, я открываю крышку одного из блюд и наливаю себе чай из заварника. Больше о Пите я думать не хочу, совсем не хочу. Не сейчас и мне нужно отвлечься, поэтому нахожу новости и пытаюсь в них вникнуть.

Позавтракав яичницей с беконом и овсянкой, беру небольшую сумочку со сменной обувью, чехол с моим платьем для выступления, надеваю шубку с капюшоном, ботинки и еду на репетицию.

На дорогах полно машин, шум пробки и ругань. Машины стоят в три ряда, почти вплотную прижимаясь одна к другой. По навигатору я понимаю, что почти добралась и мне быстрее будет идти пешком, я расплачиваюсь с таксистом и выхожу из машины. Дальше

пешком.

В Вашингтоне зима. Это чувствуется и в воздухе, и в людях. Все, закутавшись, спешат по своим делам, стараясь не задерживаться на месте. Воздух свежий и морозный. При таком мысли хорошо проясняются. И это то, что нужно мне в данный момент.

Я дохожу до указанного адреса и смотрю на здание. Оно состоит из трёх этажей и совсем не в американском стиле. Это готический стиль, так как крыша этого здания имеет несколько горгулий и шпиль с небольшим витражом. Всегда любила Европу, именно за красоту зданий готического и викторианского стиля. Вот и здесь, кажется, что среди грузного современного и ультрамодного американского стекла и бетона затесался маленький и скромный кусочек Европы и какой-то истории. Интересно, внутри там тоже что-то историческое, или это только внешняя оболочка, чтобы выделиться?

Я захожу внутрь здания и называю себя охраннику. Он рассказывает, как найти примерную и я иду, следуя его инструкциям. Внутри коридор и фойе отделаны в современном стиле. А вот и сам зал. Нет, клубом я назвать это место никак не могу. Небольшая полукруглая сцена, тяжелые шторы, дубовые столы, стулья и барная стойка. Все сделано под старину, как в кабаре. На полу дубовый паркет. Все смотрится внушительно и массивно, возникает ощущение, что оказался в старом кабаре и сейчас на сцену выйдет варьете и под громкие аплодисменты публики и свист в зале станцует канкан. Да уж, Тристан Корс любит пафос.

На сцене уже репетируют Линда с Колтоном и в стороне разминается Сэм. Увидев меня, Линда машет, а Сэм останавливается. Подхожу ближе к сцене.

— Привет, — начинает Линда, — а мы вчера так хорошо посидели. Кое-кто тут обыскался тебя, — она искоса глядит на Сэма, — всё спрашивал, куда она могла пойти?

— Линда, заткнись, а? — фыркает на неё Сэм.

— Ох, какие мы нежные, — цокает языком Линда. А ты где была? — она оборачивается ко мне, мы думали, что ты появишься.

— Я ездила к другу, — я на секунду отвожу взгляд в сторону и снова возвращаю его на Линду.

— У тебя здесь есть друг? — она заинтересованно смотрит на меня, — он сегодня будет?

— Вряд ли, он не любитель такого рода заведений. — Я смотрю на Сэма, как его лицо будто камнеет, и решаю прекратить эту беседу. — Линда, мне уже жарко стоять в шубе. Я тоже хочу немного размяться, а Сэм, я думаю, уже готов репетировать. А друг... — я тяжело вздыхаю, пытаюсь скрыть, внезапно нахлынувшее на меня волнение, пока мы говорим о Пите, — он всего лишь друг.

— Ладно, — она смеется, глядя на Сэма, — отпускаю. Иди, переоденься и возвращайся к нам.

Я захожу в примерную, снимаю шубу и сажусь на софу, снять ботинки. Из сумки достаю чешки и переобуваюсь. Поправляю гольфы, когда дверь открывается. Я слегка поворачиваю голову. Передо мной, закрывая дверь, стоит Сэм. Он очень недоволен и на его скулах играют желваки.

— Сэм? Я уже почти, сейчас иду.

— Аманда, почему ты вчера не приехала сюда?

— Сэм, — я улыбаюсь, — я же говорила, у меня была встреча. Мы ведь не договаривались, что у нас репетиция или какое-то важное собрание. Вчера у всех было

личное время. И я им воспользовалась в своих личных целях.

— Скажи, он и сюда приехал, да? — Сэм садится рядом со мной и выжидающе смотрит, а мне становится немного не по себе от его глаз, с чернеющими зрачками.

— В смысле? — я вижу, что Сэм злится, но это не от слов Линды, а насколько я начинаю понимать, от того, что меня вчера не было с ними. — Сэм, он здесь живёт.

— Похоже, мы ведём речь о разных людях, — он непонимающе смотрит в сторону, — значит, это не Корс?

— Нет, не Корс.

— Есть и другие?

Я встаю с дивана, не смотря на Сэма иду к двери. Его не касается, с кем я встречалась и зачем.

— Ты прости, если я буду резкой, но свою личную жизнь и друзей я обсуждать с тобой не буду, — говорю, повернувшись лицом в ребро двери, — если ты готов репетировать — идем, или я иду одна.

Мы молча выходим на сцену. Я разминаю стопы, икры. Разминаю руки, ноги, спину. Уже через пол часа я готова репетировать. Колтон включает фонограмму для меня и Сэма *Michael Bolton — Dance with me*. Для сегодняшней программы это будет латина, почему так захотела Эмили, я не знаю, но именно звучащая песня отражает все мои эмоции. Мои переживания снова вырываются наружу и я могу их выплеснуть только в танце. Я разбегаюсь, делаю прыжок шпагатом в воздухе и кружусь по сцене, коснувшись ногами пола. Мне кажется, что руками я отпускаю свои слезы, отгоняю всё гнетущее меня и создаю над собой купол. Свой купол непроницаемости и неуязвимости. Поддержка с Сэмом, я снова в воздухе, только у него на руках. Я чувствую себя легкой, воздушной, оставившей свои тяжёлые, как камни, мысли на земле. С каждым движением музыка мне придает уверенности и сил к новой надежде. И вот музыка заканчивается, и я уже твёрдо уверена в том, чего хочу. Я не отступлюсь, пусть он не думает даже, что этим всё закончилось.

После нескольких прогонок вместе со звуко- и светорежиссером мы уходим с Линдой в гримерную.

— Ну что, время обеда?

— Я хочу прогуляться. — Снимаю чешки, гольфы и обуваю ботинки.

— Куда собралась? С тобой можно? — Линда поправляет свитер, — так достали вчера эти двое, сил нет!

— Идём, — она меня смешит от души. Линда очень открытая и честная, обычно всегда говорит правду, иногда даже которая режет. Но мне она нравится. — Не хочу здесь обедать, хочу освежиться немного. Да и Сэм...

— Сэм? — она поднимает брови вверх.

— Его поддержки немного крутоваты. Слишком крепкая хватка.

— Ага, — она ухмыляется, — а ты только и делаешь, что бортуешь его. Но я тебя понимаю, если бы ко мне проявлял интерес такой мужчина, как Тристан Корс, я бы, наверное, поступала точно так же.

— Линда, — я неодобрительно качаю головой, — можно это будет моим личным вопросом?

— Ой, да, — она подносит пальцы к губам, — снова я болтаю лишнее, беда-беда.

— Идём уже, беда. Я бы еще в парочку магазинов зашла, если мы успеем.

После лёгкого перекуса в ресторане и беседой о разных вещах, совсем не связанных с

личным, мы зашли в пару магазинов. Я купила для мамы и себе пару вещей. Линда действительно больше меня не спрашивала ни о Сэме, ни о Тристане, ни о друге из Вашингтона и с ней было приятно проводить время.

Когда на улице стемнело, мы снова с Линдой вернулись в клуб. Первые посетители уже занимали столики, хотя было совсем немногочленно. Мы прошли к себе, где уже была гримёр и ожидала нас. Через час мы с Линдой были полностью готовы к выступлению.

Атташе объявляет наш с Сэмом номер. Я выхожу с ним на сцену и снова музыка меня поглощает. Всё мое естество отдаётся ритму. Да, я знаю, что сейчас я с другим, что другой меня крепко держит за руку и что-то ищет в моём взгляде, но я надеваю свой купол и улетаю далеко, к своим мыслям и целям. К НЕМУ. Я вспоминаю, как он смотрел на меня во Флориде, и представляю, как бы это могло выглядеть сейчас.

Мы делаем несколько связок ча-ча-ча и переходим на элементы джаз-модерна. Для нас, уже годами оттачивающих и совмещающих разные стили, это уже не составляет сложности и даже в своих мыслях я танцую, просто уже на автомате зная, какой элемент за каким делать.

Сэм сильнее дергает меня за руку.

— Аманда, вернись из своих мыслей, — он шепчет, поднимая меня и удерживая над собой.

Я расправляю руки и закрываю глаза. Сэм меня кружит, а я снова представляю ЕГО. Музыка подходит к концу и мы заканчиваем танец поддержкой, где Сэм держит меня по диагонали и моя голова опущена к полу. Сам Сэм склоняется надо мной, как над чем-то ценным. Да, я вижу, что нравлюсь ему, но ответить взаимностью я ему не могу.

Поклонившись перед публикой и после того, как мы зашли за занавес, я одергиваю свою руку. Обычное до этого безразличие превращается в откровенную неприязнь и хочется поскорее сбежать от Сэма и его навязчивости.

— Не сдавливай мне так руку.

— А ты всё его искала в зале. Думаешь, я не видел, как ты оглядывала зал?

— Сэм, — я устало вздыхаю, вымученная своими мыслями и абсолютно лишней придирчивостью Сэма, — чего ты от меня хочешь?

Он молчит, и молчание растягивается в длинное нестерпимое ожидание. Набрав в грудь побольше воздуха, я продолжаю:

— Мы можем стать друзьями. Хорошими друзьями, нам это нужно. Но больше я не могу ничего обещать.

— Но ты же переживаешь из-за него. Не заметил, чтобы ты была счастлива. Что, трахнул и ушёл? — грубо процеживает он сквозь зубы, откровенно глядя мне в глаза.

Его слова звучат, как гром. Я поднимаю на него в изумлении глаза. Такого я совсем не ожидала. Ну это уже точно ни в какие рамки не лезет!

— О, кажется, прямо в точку.

Моя неприязнь разрастается уже до всепоглощающего гнева. По телу быстро разгоняется разгоряченная кровь, учатившийся пульс бьёт по вискам. Моя рука резко взлетает в воздух, и я со всего размаху даю Сэму пощечину.

— Пошёл к чёрту! Не твоё дело, что у меня случилось и впредь я вообще не хочу от тебя ничего слышать о моей жизни. Ничего! Слышишь? Иначе нашего дуэта больше не будет.

— Не тебе это решать, детка, — хмыкнув, он потирает щеку от хлесткого удара по щеке.

— Ты так уверен? — я поднимаю одну бровь, уже изрядно разозлившись. — Я могу попросить нашего нового босса.

— Ах, ну да, еще один, желающий чтобы ты расставила перед ним ножки, — всё так-же ухмыляясь, не унимается Сэм.

— А тебя, похоже, это тоже волнует. Причем, больше других, — я злобно улыбаюсь, и моя улыбка уже напоминает оскал.

— По крайней мере, я никуда не сбегаяю.

— Тебе такой случай и не представится. Я люблю другого мужчину и вам всем далеко до него! — почти выкрикивая в сердцах, я, развернувшись, иду в гримерную.

Закрыв дверь на замок переодеваюсь и складываю вещи. Заглядываю в мобильный. Пропущенный вызов от Вернона. Смотрю на часы — 11 вечера. Поздно, но у меня начинают трястись колени от незнания. Нет, я не могу ждать. Неведение просто сжигает изнутри, оно испепеляет терзаниями. Я извинюсь за поздний звонок, но всё-таки позвоню. Я не могу ждать. Дрожащими руками набираю Вернона.

— Вернон! Простите, что так поздно вам звоню. У меня выступление в клубе, а до завтра я не могла ждать.

— Привет. Я так и понял. Аманда, случай Питера тяжёлый, но не безнадёжный. Я нашёл нейрохирургов и нейробиологов, которые готовы за него взяться. Ты хочешь анонимности, поэтому я устрою всё сам. Главное — это его согласие.

— Значит, — я медленно оседаю от этих слов на диван, — он будет ходить?

— Не спеши с выводами. Но вероятность есть и большая.

— Спасибо вам за помощь. — Я опускаю трубку на колени и роняю голову на руки, опираясь о колени. «Он будет ходить» — словно эхом отдается в моей голове. Это именно то, чего я даже не мечтала услышать. Он сможет встать и тогда, возможно, мы поговорим иначе. Или... если он не захочет говорить со мной, я буду знать, что это — просто его выбор, потому что забыть этого мужчину не в моих силах.

Глава 6

Eminem ft. Gwen Stefani — Kings Never Die

Питер

— Ладно, капитан, пора рассказывать, что к чему и во сколько вылет, — сказал Кинг капитану.

— Сначала завтрак, — спокойно ответил мужчина и продолжил пить крепкий кофе.

Позже, вся группа собралась в другом небольшом зале, где располагались стулья на всю команду, прожектор, карты и еще некоторые вещи.

— Значит, так, — мужчина сложил руки на груди. — Мясник снова появился и уже убил нескольких наших, сегодня ровно в 18:00 мы вылетаем.

***

Тогда я мог ходить. Я мог чувствовать, радоваться жизни и простым вещам. И у меня была душа. Душа, которую вытащили, выпотрошили, как животное и умертвили.

Дело казалось не таким уж и сложным. Деревня, существующая и страдавшая одновременно от торговцев оружием и наркотой. Вроде и плёвое дело, сколько таких на нашем счету было. Мы даже и не готовились особенно к штурму, подготовка проходила как обычно.

Гористая местность не внушала доверия. Кругом редкий лес — хорошо просматриваемая территория с любой точки наблюдения. Деревня, которую мы собирались

штурмовать была в низине.

Но когда мы засели в засаде, всё пошло совсем не так. Мы были готовы к штурму, но дело приняло новый оборот. Пастухи зашли слишком далеко от зоны пастбищ в лес на и засекли нас. Старик, парень и мальчишка. Никто не был готов к этому. Наш капитан Ронни это не рассчитал, а миротворцы простых людей не могут тронуть. Но, они должны молчать, и нужно было срочно что-то предпринять.

Завязав им руки, мы взяли пастухов в плен. Но это был большой риск, мы понимали, что если пастухи не вернуться в деревню, их к вечеру начнут искать. Парень старался всё время вырваться, и мы знали, что он расскажет о «пришедших».

— Мы не можем их убить, — я был твёрд в своем убеждении, мы миротворцы и не можем принести вред простым людям. Мы пришли избавить их от хозяев.

— Можем или они убьют нас, — Макс посмотрел на меня, а после на Ронни.

— Мы их отпускаем, — Ронни развязал руки старику, а после и мальчишки. Я наблюдал, как Макс подошел к молодому парню, от него исходила ненависть. Мы уже понимали, что парень не заткнется.

— Макс, — я окликнул товарища. Макс прищурил глаза, отпустил парня.

— Теперь мы должны валить, миссия провалена, — Макс взглянул на Ронни.

— Связи нет, — сказал Бек. Все понимали, что пастухи всё рассказали и снизу за нами уже идут.

Команда поднялась наверх — на пик скалы, что была перед нами. Мы оказались на пустыре. Это место хорошо просматривалось по всему периметру. Никакая камуфляжка и маскирующая сетка не спасет на открытой местности, и никаких прикрытий здесь не устроишь. Мы решили вернуться и ждать наших в лесу.

Макс первый заметил гостей. Он терпеть не мог оружие и использовал его, в крайнем случае, чаще полагаясь на свой кулак. Но Макс взял винтовку и я понял, что мы не одни. Команда отошла дальше в лес и притаилась в тени. Тишину разрезали два первых выстрела Макса.

— Уходим! — громко сказал Бек и Макс в прыжке дернул меня за собой. Граната упала прямо туда, где несколько секунд назад были мы.

Противники превышали своим количеством. Их было на пару десятков больше. Считать их нам удавалось частично. Мы могли только отстреливаться и уходить назад. И зная, что на нас нагрудники из брони, стреляли по ногам. Но в нас снова бросили гранату. Я движимый рефлексами и долгой подготовкой, резко откинул Макса в дерево.

Резкий глубокий вдох и я перезаряжаю винтовку. У меня на прицеле двое, но вот один идёт прямо на Макса. Секунда и резкая боль в ноге на мгновение выбивает меня из под контроля.

— Черт, черт, черт! — Я мельком смотрю на свою ногу и снова перезаряжаю обойму. Из ноги сочится кровь, с лица градом стекает жижка из крови, грязи и пота, но сейчас нет времени на перевязки или отдых, когда тебя и твоего товарища могут прикончить в любую секунду.

Макс помог мне подняться. Мы прикрывали друг друга, убираясь в укрытие. Скала осталась позади нас.

— Макс, Пит, сюда! — кто-то кричал.

— Сколько же здесь этих сукиных детей?! — у меня уже не было времени их считать, количеством они намного превышали наш состав.

— Вниз. Быстро! — приказал Ронни.

Макс был прав. Мы не должны были оставить этих пастухов в живых. У нас был бы шанс убраться отсюда целыми.

— Знаешь, сейчас я жалею, что не согласился с тобой. — Я перезарядил винтовку и снова выстрелил.

— Забудь, — сказал Макс и в этот момент я почувствовал снова удар по ноге. Новая пуля прошла навывлет.

— Сук... — Макс зажмурился.

— Макс, — я посмотрел на друга, из его бока сочилась кровь. Нас обоих ранили. У этих ребят были бронебойные пули.

— Быстро, вниз! — прорычал Макс. — Давай, Пит, — он сделал несколько выстрелов, перед тем, как в него попала еще одна пуля.

Я попытался побежать вниз, но не смог. Ноги стали ватными. Я ощущал их и мог контролировать свои движения всё меньше и меньше.

— Я не чувствую ног.

Мы стреляли по всем в зоне нашей видимости, но от всех ударов и пуль по нам не смогли уйти. Упав на землю, мы продолжали отстреливаться. Рядом взорвалась граната, разлетевшись на мелкие осколки.

Я закрываю глаза, и, кажется, снова чувствую ту дикую, пронизывающую боль. Граната множеством осколков впивается в мое тело, и острая режущая боль пронзает до судорог. В ушах звенит, а перед глазами плывет небо в рыже-бордовых красках. Сквозь дикий гул в ушах я слышу голос Макса. Он подбегает ко мне, но затем куда-то исчезает.

— Блять. — Жгучая боль создает судороги. Я крепче сжимаю зубы и крепко держу винтовку. Я буду сопротивляться до последнего вздоха. Но у меня сильная потеря крови, удерживаться в сознании и контролировать своё тело с каждой минутой становится всё сложнее и сложнее. И в глазах начинает темнеть.

Я слышу шорох и чувствую, что меня несут. Кажется, я всё-таки отключился. Пытаюсь разлепить веки со слипшимися от грязи, пота и крови ресницами. Это не наши и тянут меня вниз, в свою берлогу. Я пытаюсь осмотреться, кто еще у них, но слышу слова на незнакомом мне языке и гулкой удар по затылку снова меня отключает.

Открываю глаза. Меня окружает темнота, а тело налитое свинцом. Чувствую тянущую боль, но потянуться не могу, мои руки связаны. Я не шевелюсь, только сосредотачиваю взгляд на чем-то, чтоб восстановить четкость зрения. Присматриваюсь внимательнее. Помещение похоже на ангар. На противоположной стене висят инструменты, по углам стоит в стогах сено. Немного поворачиваю голову вбок и вижу Макса. Он также подвешен за руки. Слышны голоса. Язык снова мне незнаком, но один из них подходит ко мне с ножом и приставляет к горлу.

— Кто вас послал, — слышен сильный акцент. Сзади него стоят ещё двое. Между ними снова идёт разговор, но слишком бегло, и ничего не разобрать. — Молчишь? Защищаешь своих? — Нож немного вдавливается мне в горло. — Еще раз спрашиваю, как вы здесь оказались?

Я закрываю глаза и улыбаюсь. Если наши не послали за подмогой, то нам с Максом не выбраться отсюда. Но в любом случае я давал присягу и не выдам наших. Мои товарищи и моя семья должны остаться целыми и невредимыми.

Мой противник смеется вместе со мной и эхом тишину заполняет хлесткая пощечина,

от которой я кручусь как юла. Веревки сильнее затягиваются и впиваются в кожу. Что-то холодное прикладывают к груди. По телу пробегает разряд тока и меня трясет в мощнейших судорогах. Прибор выключают, но меня еще трясет. Боль постепенно притухает, судороги уходят. В глазах рябит, голова идет кругом, и я снова отключаюсь.

Меня снова будит удар по лицу. Чертовы твари. Нож приставляют к моему боку, но я не отвечаю на поставленные мне вопросы. Они уходят от меня к Макс. Но саднящая и крышу сносящая боль заглушает и притупляет остальные чувства. Но я уверен, нас не могли здесь оставить. За нами должны были кого-то послать. Нас спасут...

Соглашаясь на то задание, мы не знали чем это дерьмо кончится для нас. Какими обернется потерями. Принимая присягу морских пехотинцев, мы знали, что честью, гребанной доблестью и ценой собственной никчемной жизни, защищаем свободы и права своей державы. Но, никто не знал, каким опустошением и жалким существованием это закончится. Ты получишь орден мужества, но на этом всё. Про тебя просто забудут. Ты калека и своему государству ты больше не пригоден. Ты ничто, часть человека. Ты был просто куском мяса, а теперь ты отброс. И тебя заменят другим, здоровым и обученным. А ты? От тебя откажется и твоё государство и твои родные.

Позже я перенес несколько операций. Была реабилитация, но подняться на ноги я не смог. Мать и сестра сбежали, узнав, что для службы в морпехах я больше не пригоден и буду содержаться на военной пенсии. Так же ликвидировалась и моя подружка. Остался только Макс, единственный друг и он был моей семьей. Но и Макса я не мог удержать возле себя. Он любит Хезер и не мог дать ему упустить свой шанс быть с любимой женщиной. Но я — не он.

Я не способен любить. Женщины у меня были, но временно. Я не воспринимал их серьёзно. Служба не давала времени особо к кому-то привязаться. Я мог приехать домой, трахнуть свою временную подружку и снова уехать на задание, этим вся любовь и заканчивалась. Никаких слёз, обид и обещаний. В жизни морпеха нет места женщине. У меня в голове было совсем другое. Мы — защита общества. Громко сказано, согласен, но у нас были высокие цели, принципы и мораль. Казалось, ты выше всех. Но это временно, всё временно.

Но она совсем другая, что ее сравнивать с остальными. И я не считаю себя мудаком, что просто взял и ушёл. У меня нет выбора. Она красивая, милая, талантливая. Она веселая и яркая, как звездочка. Эта девушка как поток свежего воздуха, в бездушном закрытом пространстве моего существования. Я ее хочу и готов перегрызть глотку любому, кто посмеет ее обидеть, но эта женщина не для меня. Я неполноценный и во многом ограниченный. Я не способен подарить и принести женщине счастье, зная, что буду только обузой, и она будет страдать.

Так. Пит, а ну соберись! Херовое утро — херовый день! Нечего распускать сопли и плакаться подушкам о своей жизни. Тряпка!

Подбив кулаком подушку встаю с постели. Время собираться на работу. Как обычно ставлю чайник на плиту и в ванную. Теперь каждое утро я должен быть начисто выбрит. После обычных утренних процедур, направляюсь в гардеробную. Моя новая работа имеет свои плюсы — свои костюмы я выглаживаю, этим занимается специальная служба. Также у меня есть теперь и авто с водителем, что тоже приятно. Но при этом работа в ФБР опасна. Не знаешь, что будет в новом деле и насколько снесло крышу очередному извращенцу-убийце.

Но сегодня у нас в отделе спокойно. Все ходят расслабленные. У меня на сегодня тоже несрочное задание сверять отпечатки пальцев по трем имеющимся базам. Но в голову лезут мысли о девчонке. Я снова вспоминаю ее легкие касания. Она как пушинка — лёгкая, воздушная. Ее губы и кожа казались сладкими с ароматным запахом. Я вбирал каждый ее стон в себя, пытаюсь запомнить всё о ней. Мельчайшие детали. Блять, Пит! Какого хера?! Я закрываю и тру руками лицо. Соберись! Она не для тебя. Не стоит о ней и думать.

Чтобы отвлечься, еду за кофе и вернувшись в кабинет, включаю музыку. Уже ближе к вечеру у кабинета крутится несколько парней из моей смены и рядом с ними Ривз.

— Эй, не хочешь с нами пропустить по стаканчику? — Ривз стоит в дверях кабинета. Поднимаю на него глаза, обдумывая предложение. Ривз — мой напарник. Он не проверен еще мною, но на вид кажется адекватным. Да и день был никакой, в голову всё время лезла всякая дрянь. Дерьмовые мысли — дерьмовый день. Дерьмовой концовки не хочу, но дома лучше не будет. Так что тогда меня удерживает?

— Да. Еще пару моментов закончу. Где и во сколько сбор?

— Внизу. У машины Уитча.

Закончив работу, ребята помогают сесть в машину и мы трогаемся. По пути обсуждаем рабочие моменты и всякую бесполезную дрянь. Миновав несколько перекрестков, мы на месте. Клуб «Сирена» привлекает своё внимание одним названием, чтобы можно было понять, где мы. Яркая и мерцающая в ночном свете уличных фонарей вывеска. Не иначе как стрип-бар. Я давно не был в такого рода местах.

Внутри приглушенный свет, около семи шестов. Зал в темных зеленых тонах разделен на две зоны — с барной стойкой и столиками с креслами и диванами вокруг шестов с девочками. Один из таких столиков и заказан нами. Мы рассаживаемся и я смотрю на шест. Свет откуда-то сверху падает вниз, освещая пилон перед нами и отражаясь от него, создает блики на столе и полу.

Заказав официанту выпивку, все обсуждают текущие дела по отделам, но Ривз встает и, предупредив нас, на время уходит заказать девушку. Пока мы с парнями пропустили по стакану и ждали Ривза, он вернулся с двумя девушками.

— Такс, а вот и мы. Джентльмены — это Дженни, а это Лэри. Девчонки, располагайтесь. — Ривз садится за своё место. К шесту подходит третья девушка и начинает танцевать и снимать одежду. Я поднимаю голову, смотря на танцующую девушку, но слышу шорох рядом. Одна из девчонок, по-моему Дженни, подсаживается возле меня.

Sugarbabes — I'm too lost in you

— Привет. Я Дженни.

— Я помню, — и, улыбнувшись девушке, отпиваю глоток виски.

— А ты? Не скажешь, как тебя зовут? — Девчонка подсаживается ближе. Она блондинка, с округлой задницей и немаленькой грудью, пухлыми губами и ...большими зелеными глазами. Черт! Я закрываю глаза, зажмурившись и потираю переносицу. Твою мать! У меня что, начинается паранойя?

— Питер.

— Питер... — немного тише протягивает она. — Ты слишком напряжен, — девушка кладет мне руку на плечо, — расслабься. Я могу помочь. Идём.

Меньше чем за 15 минут мы оказываемся в VIP-комнате и девица, расположившись на подставке для ног кресла, лихо втягивает своими пухлыми губами мой член, лаская головку языком и покусывая зубами. Все дерьмовые мысли ушли, в голове пусто. Я всё отпустил, мне

просто нужна разрядка. Напряжение в спине всё больше и больше. В эти моменты мне кажется, что я и ноги могу чувствовать, но это обманное чувство. Девчонка усиливает поглаживания и нажим рукой и сильнее заглывает. Я чувствую, как упираюсь ей в заднюю стенку горла. Ох, блять! Глубоко.

Напряжение достигает пределов, в глазах начинает рябить. Я сжимаю подлокотники и открываю глаза. Снизу вверх на меня смотрят эти зелёные глаза. Перед глазами начинает затуманиваться, и я вижу уже не её. Передо мной мелькает рыжая копна, сладковатый запах, тихий нежный голос и зелёные глаза. Она стоит и смотрит на меня, но на глазах слёзы. Дерьмо! Забудь это, избавься от этого нахрен!

Я резко открываю глаза и, отцепившись от подлокотника, прижимаю голову девчонки ещё сильнее к себе, кончая в неё. Она не сопротивляется и глотает, а я сжимаю в кулаке ее волосы всё сильнее.

Черт! Я только и думаю о ней. Эта девчонка сведет меня с ума, растоптав остатки моего сопротивления и мои убеждения. Она сожжёт это на костре и станцует свой танец на пепле от жалких опметков меня. Нет, этого допустить я не могу. Мы оба будем жалкими. Пусть будет всё, как есть. Другого варианта у нас не т и не будет.

Девушка отстраняется и встает. Она поправляет одежду и смотрит на меня, покусывая губы, пока я застегиваю ширинку.

— Я же говорила, что ты сможешь расслабиться. Я справилась хорошо? — она, игриво улыбаясь, смотрит, ожидая ответа.

— Справилась, — ровным тоном отчеканиваю каждое слово, — можешь быть свободна. Счет оставь на बारे, я оплачу.

— Мудак! — отвечает девица, скривившись, и развернувшись, выходит из комнаты.

Уж лучше быть мудаком, чем тряпкой под ногами. С этим проще жить. Никаких привязанностей нет, и не будет. Только работа. Я знал, на что иду, став морпехом. Я — одиночка и это моё призвание.

Глава 7

Lara Fabian — You're Not From Here

Аманда

После разговора с Верноном не хотелось никого видеть. Не слышать извне ничего. Хотелось запереться в своей раковине, никого туда не впускать и просто побыть одной. Мне больно, очень больно. Но боль не от того, что я осталась одна. Больно от того, что Питеру я не безразлична, но он отвергает чувства, которые возникли между нами.

Возможно, я действительно многого не понимаю, не осознаю, как будет тяжело жить с человеком, прикованным к инвалидному креслу, но разве чувство не перекроет этих трудностей? Неужели это невозможно преодолеть? Многие же люди так живут, в частности семьи военных, пострадавших от различных заданий и миссий. Их жёны смирились и любят своих мужей и дальше. Просто любят, гордятся и живут. Это его гложет? Но сейчас столько нововведений и технологий в медицине для помощи людям с ограниченными способностями, и я... Я сама иду на это. Я хочу ему помочь, и я хочу быть с ним.

В номере отеля было так тихо, что хотелось выть. Я забила в самый дальний уголок комнаты, чувствуя себя абсолютно опустошенной и разбитой, и долго просто смотрела в окно, не обращая внимания на входящие сообщения в телефоне. Хотелось привести мысли в

порядок, потому что я была всё-ещё под впечатлением от нового Пита. Казалось, это был всё тот же Питер, лучший друг Макса, весёлый парень с фермерских угодий, отложившийся в моих воспоминаниях, но... в кафе меня встретил совсем другой мужчина. И дело даже не в отсутствии бороды и новой причёске. Он изменился. В его поведении просматривалась уверенность, серьёзность и проскользнуло что-то новое, еле уловимая, но всё же заметная нотка жёсткости.

Может я ненормальная? Я уже сама не понимаю. Меня парень отталкивает, а я тянусь к нему ещё сильнее. Точно странная.

Меня всё не покидала мысль о проведенной ночи с Питером. Мог ли он просто воспользоваться случаем, зная, что мне нравится, или это был охвативший обоих порыв чувств? Я понимала, что сама в этом не разберусь. И хотелось хоть каких-то объяснений от него самого. Пусть внесёт хоть немногоясности в то, что же теперь происходит между нами.

Я несколько раз набрала номер Питера, но звонки так и остались без ответа. Было ясно, что говорить он не хочет, но всё оставить, как есть я не могла. В глубине души меня не оставляло чувство, что между нами осталась недосказанность, нам есть что сказать друг другу.

Набирая Хезер, я понимала, что отчасти поступаю безрассудно, что услышу несогласие, а может и осуждение, но для меня было важным одно — найти его и поговорить. Сказать то, что таится в моём сердце.

Хез — моя лучшая подруга. Так сложилось, что моей болезнью, что сопровождала меня в детстве, с моими занятиями танцами и постоянными разъездами друзей у меня особо не было, и появились они уже во взрослой жизни. По сути их всего несколько: Хезер и Найджел. Остальные — просто знакомые. Конечно у меня есть и родня, но мои кузены все младше меня. Поэтому нашей дружбой с Хезер Аддерли: взбалмошной, чудной, озорной и даже местами дикой я очень дорожу.

Подруга не заставила себя долго ждать и после третьего гудка взяла трубку.

— Хез! — я как обычно, непринуждённо, но на пару октав выше и звонче позвала подругу. У меня в голове был сформирован полный текст того, что я собиралась сказать, но услышав на фоне голос Макса, я немного растерялась. — Эм... Как у вас дела? — решила я пока не спрашивать сразу то, что меня интересовало, а просто поболтать с подругой, хотя нужен мне был именно Макс.

— Отлично. Вот собираюсь по магазинам пройтись. Сделать детскую комнату оказалось намного труднее, чем я ожидала. Эта мебель, цвета и текстуры — начала увлечённо озабоченным тоном рассказывать Хез, — всё уже в голове перемешалось. От Макса толку в этом мало. Приехала бы ты ко мне. Аманда, я скучаю, ты же обещала. Когда же ты посетишь нас? — жалостливо посетовала Хез.

— Не знаю Хез... Скоро... — всё, что я могла ответить подруге, стараясь как можно четче говорить слова, скрывая свою неуверенность. Зачем я ей, в положении, явлюсь со своими проблемами. Нет, однозначно не сейчас. — Понимаешь, сейчас гастроли, новый хозяин у нашей труппы, у меня новый партнёр. Я, как только освобожусь, так обязательно и приеду к своим любимым, ты только не обижайся, ладно? — я попыталась произнести это немного виноватым голосом. Понимая, что тянуть больше не надо, я спросила то, зачем и сделала звонок. — Хез, я сейчас в Вашингтоне. Ты не могла бы мне помочь? Я где-то потеряла новый адрес Пита, — решила я соврать, чтоб не волновать её случившимся, понимая, что если ей всё расскажу, то подруга начнёт сильно беспокоиться за меня, что для

неё сейчас очень вредно в её положении, — а дозвониться не смогла, видимо, он занят. У вас случайно нет его адреса в Вашингтоне? — как можно спокойнее спросила, я, скрывая внезапно нахлынувшее волнение. Во рту пересохло. Черт. Только бы не попасться на лжи.

Я накрыла динамик телефона пальцами, пытаюсь привести в порядок сбившееся дыхание, и закрыла глаза, считая про себя. Несколько глубоких вдохов и дыхание стало привычно размеренным.

— Сейчас гляну, — не заметив мою перемену в голосе, привычно ответила подруга, и в трубке послышался шорох и шум. От облегчения я шумно выдохнула, но радоваться было рано, она могла пойти к Макс, а тот бы позвонил Питеру, и всё бы раскрылось, чего мне совсем не хотелось. И в ожидании сердце начинало снова учащенно биться в груди, выбивая барабанную дробь. Но вновь после шороха послышался голос Хез: — Не могла найти органайзер Макса. Я продиктую. Готова записывать?

— Да, конечно! — я спохватилась со своего угла, глазами шаря по комнате в поисках ручки или чего-то, чем и на чём могла записать заветный адрес. Не найдя ничего такого, что бы могло подойти, я включила динамик на громкую связь и открыв заметки на телефоне, стала прямо в нём писать.

— А сколько ты пробудешь в Вашингтоне? Хочешь встретиться с Питом?

— Завтра утром улетаю в Майами. Да, думала увидеться с ним.

— Он классный, правда? — смеется в трубке Хезер, — правда Макс считает это не лучшей идеей, — вдруг запинаясь подруга и прочищает горло после смеха.

— Макс? Он рядом? — снова уровень тревоги подскакивает в моей крови и приливом адреналина заставляет меня нервничать. — Хез, дай ему трубку, пожалуйста.

— Да Аманда, — слышу в трубке его серьёзный и слегка недовольный голос.

— Макс, прошу тебя, не осуждай меня. И ничего не говори Хезер... пока... — произношу уже тише, — но разве он не заслуживает жить полноценно?

— Послушай, не стремись... — начинает Макс, но я прерываю его: — я не буду пытаться его поменять, но Макс, я полюбила человека таким, какой он есть, и я хочу вернуть его к жизни.

— Мы все этого хотим.

— Прошу Макс, — из горла вырывается отчаянный шёпот, — один шанс, всего один. Много ли людей его любило?

— Бл*ть... — приглушённо в трубке ругается Макс, — я не буду тебе мешать, но ты же понимаешь, что он всё держит в себе. Его предала его же семья.

— Да. Я всё понимаю.

— Я передаю трубку Хез. И... Бл*ть, — слышу тяжёлый выдох Макса, — нет... ничего...

...

— Угу... — только и могу выдавить из себя. Макс меня не поддерживает, но и не протестует. Он дал мне шанс, а значит и он не хочет видеть своего друга, проживающим свою жизнь в одиночестве.

Попрошавшись с Хез, негромко включаю музыку на мобильном.

Christina Aguilera and Blake Shelton — Just A Fool

Танец — это разговор. Это исповедь танцующего. Танцем можно описать всё, что мы чувствуем: радость, боль, счастье и горечь, злость, страх, неуверенность и даже беспечность. Каждое движение, каждый шаг и прыжок — отражение эмоций, которыми мы живём,

чувств, которые нами движут. И здесь ты не сыграешь, не спрячешь того, что тебя мучает. Танец искренне и правдиво покажет всё, что наболело, что терзает тебя изнутри.

Мои движения и выпады резкие, без изысканности и грации. Взмах головой — и перед глазами снова его лицо. Прыжок — вспоминаются касания его рук и мурашки пробегают по телу. Разворот — и его губы находят мои, сливаясь в поцелуе. Нет, это не было просто сексом, это совсем не похоже на обычную физическую близость, это что-то другое.

И до вечера я уже отсчитываю каждый час, всё больше начиная нервничать с приближающимся временем встречи.

К семи вечера заказываю такси по адресу, который дали Хез с Максом.

Выхожу из машины и поднимаю голову вверх. Таксист остановил перед большим современным квартирным домом в тихом дворике. Остались считанные минуты, и я увижу его, если он дома.

Поднявшись по лестнице в подъезд, я замираю в просторном холле перед его дверью. Пальцы начинают дрожать, а дыхание сбилось. В голове начинает пульсировать, и я теряю в себе уверенность. Но пока в страхе не передумала, и еще имея хоть долю решимости, я нажимаю на дверной звонок.

За дверью слышится шорох, а затем тишина. Я поднимаю голову и смотрю в камеру. Конечно, он меня увидел, только вот каким будет его следующий шаг? На что я могу надеяться?

Молча стою, не решаясь что-либо делать дальше. Просто жду. Спустя какое-то время слышится щелчок, поворачиваемого замка и дверь открывается. На пороге меня встречает Питер в черных брюках и белой футболке. При нём кобура. Возможно это для самозащиты, а может он ещё не успел переодеться.

— Ты не отвечал на звонки, — неуверенно начинаю говорить себе под нос, опуская глаза. Боже, почему я себя так странно чувствую рядом с ним?

— Аманда, — он тяжело выдыхает и качает головой, — нам не следует видеться. Хотя бы первое время. Мы перешли черту дружбы, понимаешь?

— И что? — моя неуверенность от его слов перерастает в злость. — И это тебе не нравится? Страх нормальных полноценных отношений? Ты что, боишься женщин?

— Ты не понимаешь... — он начинает, и, развернув кресло в сторону комнаты, уезжает прочь.

— Так объясни! — бегу следом за креслом с комнату, которая оказывается спальней. — Я не понимаю, от чего ты убегаешь! Если бы я тебе не нравилась, то всё бы было понятно...

— Мы просто тр*хнулись, пойми... И это все, — отчеканивает он, не глядя на меня. Всё, что я вижу, это его затылок и рельефные плечи.

Его слова ранят в самое сердце. Словно ножом. Нет! Я не верю.

— Не верю. Ты не мог. Ты не такой. Не со мной, — шепчу, грубо вытирая скатывающиеся по щекам слёзы. — Слышишь?! Скажи мне это в лицо! — не спеша обхожу кресло и сажусь напротив него на кровать, ощущая дрожь в подкосившихся ногах. — Повтори это.

— Аманда... отпусти меня, — говорит он уже мягче, голосом, пропитанным болью.

— Нет... — сдавленно хриплю, мотая головой.

— Отпусти... — он непреклонен в своём решении.

— Я тебя не отпущу! — срываюсь почти на крик. По щекам катятся слезы, я знаю, что он сейчас выедет из комнаты, и это будет означать конец нашего разговора. Мои попытки

тщетны, и в этой битве я проиграла.

— Не смей мне указывать, Аманда, — он грозно смотрит на меня, — тебе не понять, как это жить, ощущая себя куском д*рьма! Я калека и нахрен никому не нужен и тебе давно!

— Нет, не смей так говорить! Ты не калека. И не смей решать вместо меня! Мне плевать, что ты на инвалидном кресле! Если тебя бросила твоя семья, это не значит, что так поступят все. Ты нужен мне, — мой крик переходит на хрип, а потом и вовсе на шепот, — я люблю тебя Питер Дэвис...

— Нет, детка, ты не можешь. Не должна, — он упрямо качает головой и подъезжает ко мне на инвалидном кресле. Он пристально смотрит мне в глаза, а пальцы несмело тянутся к моей щеке. На пару секунд в миллиметрах от моей щеки его рука замирает и, сжимая в кулак, он одёргивает её. Питер опускает голову и зажмуривает глаза, издавая тяжёлый вздох, больше похожий на приглушённое рычание. Подняв свой взгляд снова, и все же прикоснувшись ко мне рукой, он вытирает мои слёзы. — Послушай, я сделаю для тебя всё, что угодно, только прошу, не влюбляйся в меня. С женщинами я только тр*хаюсь, не завожу отношений, пойми.

— Пит! А что сделать, если я уже? Уже влюбилась. А ты не хочешь этого.

— Ты сама устанешь от меня, от такой жизни со мной. Мы разные с тобой, из разных слоев общества. Ты привыкла к другой жизни, где нет нужды, и все решают деньги. И ты, девочка — талант, у тебя большое будущее, в котором нет для меня места. У такой девушки, как ты, всегда будет много поклонников, не зацкливайся на мне. У меня же не жизнь, а гребанное существование калеки.

Я не смогу с тобой быть. Даже еще уверенно стоя на ногах у меня не было каких-то серьёзных отношений с женщинами, ни свиданий, ни романтики. У меня не было на это ни времени, ни желания, девчонки сами запрыгивали в мою постель и быстро испарялись оттуда. А теперь, я больше не уверен в себе, чем в тебе, детка. Тем более новая работа, новые задания. Я не могу подвергать риску близких мне людей, пойми меня.

И это его вердикт, последнее слово. Всё, что мне остаётся — молча глотать слёзы. Согласиться и уйти. И уйду я отсюда ни с чем. С разбитым сердцем, опустошённой душой, оставив себя здесь, с ним.

Так, со своим отчаянием наедине, я и вышла от Питера. Делать в Вашингтоне мне было больше нечего.

Ближе к 10 вечера позвонил Тристан Корс, сказав, что в аэропорту меня встретит машина. Не приняв все мои отговорки и отказы, он сообщил, что вечером ждёт меня в казино и завершил разговор.

Я отказываюсь от поступающих ухаживаний. А может это знак, что мне следует остановиться? Может не стоит гнаться за беззаветным и строить несуществующий замок тех отношений, которым не быть?

Собрав свои вещи и забравшись в постель, я крепко прижимаю к груди фотографию и тихонько плачу, уткнувшись в подушку. Завтра мне нужно блистать, покорять и быть дивой в роскоши и пафосе, напустив на себя безразличие присутствия в жизни богатых и влиятельных. Но всё это будет завтра, а сейчас я просто Аманда. Просто брошенная девушка и только слёзы отчаяния помогут мне забыться и унять боль неразделённого чувства.

Но и на следующий день облегчение не приходит. Сев в самолёт, я снова всё прокручиваю с самого начала, от нашего знакомства и до вчерашнего прощания. Он не

уверен в себе, но боится за мою безопасность. Всё же Вернон обещал помочь — это сейчас моя единственная надежда, что Питер ещё изменится, но тогда появятся и другие женщины в его жизни. А может, они были и сейчас, просто я слепо зациклилась на себе и нём? Ох нет, совсем не хочу об этом думать. Я буду ждать, пока он пройдёт реабилитацию. А вдруг Питер меня позовёт?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Через несколько часов после рейса, я отправляюсь в школу танцев к родителям. Это место моего детства, здесь я выросла. И в этом месте мне комфортно, я чувствую себя защищенной.

Увидев меня, мама объявляет перерыв и отпускает на время учеников.

— Зачем? — недоумевают мама, — детка, зачем ты туда поехала?

— Я хотела с ним поговорить.

— Поговорила? — печальный мамин взгляд даёт понять, что она меня жалеет.

— Поговорила. Только не осуждай меня, хорошо?

— Детка, — она, шумно выдыхая, обнимает и крепко прижимает меня к себе, поглаживая по голове, — с мужчинами всегда трудно. А он... — тут мама замолкает, видимо, подбирая слова, — он особенный парень. Он же боится раскрываться перед людьми. Ты же вспомни его — военная выправка, всегда собранный. Их же вышкаливают на базах.

— Отношений он не создаёт, они ему ни к чему. Он сказал, что боится за безопасность близких ему людей.

— Тоже верно. Он же в ФБР работает, да?

— Да. Ещё мне звонил Тристан Корс, он прислал за мной машину в аэропорт. А еще он ждёт меня сегодня вечером в его казино.

— Тогда может, примешь его приглашение? Милая, может тебе стоит переключиться. Если мужчина не принимает тебя, то... это жизнь, так бывает, мы ни от чего не застрахованы. Просто в этом случае нужно это пережить и идти дальше своей дорогой.

— Возможно, ты права. Тем более отказаться от его приглашения я не смогла, он не принял моих отказов.

— Живи дальше детка. Кто знает, что нас ждёт в будущем. Ты просто живи сегодняшним днём и надейся. Твои ожидания не будут напрасными, если очень верить, и если ты ему не безразлична, но сейчас оставь его и успокой своё сердечко. Просто может ещё не время. А нет, так со временем боль утихнет.

С маминими словами в голове и зашитыми нитями последних душевных сил сердцем, надев вечернее платье до пят и собрав волосы в высокую причёску, я наношу вечерний макияж. Сделав выразительными глаза, выделив губы и скулы, я надеваю браслеты и массивные серьги. Образ завершён. Скрыв косметикой измученный вид, я готова ехать. Чего я не смогу сейчас сделать, так это придать блеска в глазах. Они тусклые и помутневшие от слёз. Сошлюсь на то, что не высыпалась, и вымотал перелёт.

А ещё, я буду жить дальше, зная, что не совсем отвергнута. Он отверг потому, что не хочет отношений, чувствуя себя неполноценно и неуверенно, но не потому, что ничего не чувствует ко мне.

Для него важна безопасность близких, а значит, он меня охраняет. Хранитель моей души и моего сердца.

Глава 9

Rihanna — Russian Roulette

Аманда

Я стояла у окна, всматриваясь в вечернюю жизнь городка на окраине Майами. Вдали друг от друга одиноко стоявшие фонари отбрасывали тени от невысоких живых изгородей на массивные дома. Только вид на побережье в окнах напротив напоминал, что это Майами. Всегда тихий район, независимо от шумных туристов, приезжавших летом на побережье, сейчас казался вообще вымершим. Такая же пустота съедала меня изнутри, обрушившимся грузом воспоминаний. Питер... Я так и не смогла его забыть, снова и снова мучая себя и вспоминая.

Глаза вновь защемило от слёз, а в горле стал расти ком. По телу пробежала дрожь, обдавая позвоночник неприятным холодком.

Я осознавала, что Питер был надуман мной, просто моей фантазией, моей мечтой... Я пыталась привлечь его внимание, хотела ему доказать, что я смогу, я справлюсь, мы вместе преодолеем все трудности... Призналась ему в любви... Видимо одной моей любви мало. Он разбил все мои призрачные надежды, в одночасье рухнувшие и разлетевшиеся на мелкие осколки, как тонкое стекло, отдавая гулкой болью в душе.

Я не поделилась своей болью ни с мамой, ни с подругой. Не смогла. Не было сил.

Осмотрев себя перед выходом в зеркале, вспомнились мамины напутственные слова еще на одном из первых уроков танцев в детстве, хорошо и чётко усвоенные мною: «На сцене дивы не показывают своих истинных эмоций. Ты тоже актриса и ты должна уметь играть».

— Играть... и жить дальше, — смахнув слезинку, глубоко вдохнув и кивнув отражению женского силуэта в длинном вечернем платье и меховом манто в зеркале и горько улыбнувшись, я выхожу из дома.

Тристан Корс снова прислал за мной машину. Черная, с тонированными стёклами, и выдержана в строгом стиле, она точно отображала статус своего владельца. Забираться в неё не хотелось, но ещё больше я боялась противоречить этому человеку.

Оказавшись в салоне, я снова обнаружила на сидении небольшую коробочку, туго обтянутую плотным бархатом. Очередной знак внимания от него. Пугающий знак.

Нервно перебирая пальцами, я дотянулась до коробочки и осторожно с опаской приоткрыла её. Браслет. Тонкий, изящный, с инкрустированными изумрудами и бриллиантами.

— Ох! — из меня вырвался благоговейный стон. Ничего себе! В груди зарождается чувство тревоги и с громким хлопком закрываю коробочку. Нет, нет, нет! Это слишком дорого. Я не могу такое принять. Это уж слишком обязывающий подарок. Возможно он станет отрицать, что это что-то значит, но мы оба будем прекрасно понимать, что если я приму этот подарок, то буду чем-то ему обязана или, что ещё хуже, стану его содержанкой.

Машина остановилась возле казино. Водитель открыл мне дверь, подав руку, помогая выйти из машины. Взглянув на разноцветные огни вывесок и мерцающих баннеров при входе в казино кричащих своими зазывающими слоганами, я направилась в фойе.

Назвавшись стоявшему у входа охраннику, я проследовала за ним.

Стук рулетки, дорогие костюмы громкие возгласы и смех, летящие фишки, едкий тяжёлый табачный запах — вот она, раскрывшаяся во всей своей красе, вечерняя жизнь бессмысленных трат накопленных миллионов. И ты в ней как на весах — отсюда ты выйдешь либо хозяином жизни, либо без единого цента.

В кабинете Тристана Корса былолюдно. Бармен расставлял на стол тяжёлые массивные бокалы с тёмной жидкостью. За спиной Корса стояли несколько телохранителей и снова она, та самая брюнетка с пронизывающим взглядом.

Почувствовав на себе его тяжёлый оценивающий взгляд, захотелось отсюда побыстрее убраться. В горле запершило. Я попыталась взять себя в руки. Прежде чем уйду отсюда, я верну владельцу не принятый мною столь дорогой и обязывающий подарок. И попытаюсь его внимание ко мне свести к минимуму.

Но Корс был не один. Лежавшая на подлокотнике морщинистая рука в кресле напротив, свидетельствовала, что сидел немолодой мужчина.

— А вот и она, — Корс обратился к своему собеседнику, сместив взгляд с меня на него, — через час собрание персонала и дирекции, а сейчас давайте обсудим наши планы по вашим благотворительным миссиям.

— Аманда, — ровным голосом, но я заметила, как уголки его губ слегка дрогнули в улыбке, обратился ко мне Тристан и указал на второе кресло, пустовавшее рядом с незнакомым мужчиной, — прошу присаживайтесь к нам, у нас есть к Вам предложение.

— М-да, недурна... — задумчиво окинув меня оценивающим взглядом, произнес, слегка скрипящим голосом, незнакомец в кресле. — Да, — он повернулся к Корсу, — я согласен, она подойдёт.

— Для чего подойду? — я села в кресло и непонимающе посмотрела на незнакомоего мужчину в кресле рядом со мной.

— Давайте я, — Корс прищурившись, словно давая какой-то знак своему собеседнику, обернулся ко мне. — Аманда, — произнёс он как-то гортанно, словно пропев моё имя и внимательно смотря мне в глаза, отчего я почувствовала себя неловко и щеки залило краской. Ощувив лёгкий прилив возбуждения и замешательства, я опустила глаза. Заметив мою реакцию он хищно улыбнулся, но буквально через мгновение его лицо снова стало непроницаемым и серьёзным. Всё-же эмоции этому человеку были не чужды, просто они были очень и очень своеобразны.

Почувствовав себя жертвой между двух хищников, я вжалась в спинку своего кресла и мысленно ошетибилась. Меня настораживало их безмолвное переглядывание и их речь.

— Это мистер Эдвард Моррисон. Помимо бизнеса он занимается благотворительностью и предложил мне частично стать инвестором благотворительного фонда. Но я человек жёсткий, мне нужен человек, который станет моим помощником и представителем. Я хочу предложить это Вам.

Благотворительность? Корс будет заниматься благотворительностью? Помогать детям или обездоленным? Образ этого железного, жёсткого и непроницаемого человека у меня никак не вязался с помощью нуждающимся. А влезать в какие-то грязные аферы я не имела ни малейшего желания. Но и отказываться было ещё рано, не зная, что же мне предстоит и во что меня втягивают. Быть может мои опасения напрасны, и тут нет тёмной подоплёки и не будет ничего противозаконного. Но настораживало ещё и то, что выбрали меня. Я не имела никакого понятия о благотворительности, кроме того, что видела из сюжетов новостей или социальных проектов по телевизору. Да, моя семья занималась благотворительностью, отчисляя средства на банковские счета благотворительных фондов, но не более того.

— Мне? Но я не знаю об этом ничего.

— Так же как и я, — тяжело откинувшись на спинку стула, Корс развел руками, — из

тех людей, которые на меня работают, именно Вас я бы хотел сделать моим представителем. Вы из хорошей семьи, известны, образованы. Кроме того мы подключим к Вам волонтеров и Вам всё расскажут и помогут. Поверьте, Вы справитесь. Речь идёт о детях и общении с ними, а это у Вас получится лучше, чем у меня.

— Детьми? — я снова недоуменно перевела взгляд на пожилого мужчину.

— В реабилитационном психологическом центре помощи детям-сиротам, забранными социальными работниками из неблагополучных семей и перенёшим психические расстройства.

— О Боже! — от понимания, в каком месте я могу оказаться, я шумно выдохнула. Мне было жаль таких детей только по сюжетам, а оказаться среди них — это тяжелее вдвойне. — Я... мне надо подумать.

— Мы дадим Вам немного времени, пока будет проходить наше собрание дирекции. Я хочу сегодня получить от Вас ответ.

— Уже сегодня? Вы даёте мне так мало времени? — я не могла решиться сразу на такое. Мне нужно было подумать, хорошо подумать.

Мы вышли из кабинета Тристана и проследовали в небольшой зал. Отчего-то Тристан взял меня под руку, а я всё шла и размышляла над предложением.

— Мистер Купер выиграл 500 тысяч на рулетке. — Как отдалённый фон раздавался голос главного крупье с отчетом о вчерашнем дне. — Мистер Грин сыграл в миллион на картах и держал банк мистера Бронса, но потом решил не продолжать. Мистер Бронс сыграл в миллион двести. Теперь прошу просмотреть сводку у вас на столе, — он указал пальцем на стол, где лежали листочки бумаги с распечатанными данными. — По рулетке 2 миллиона 800 тысяч, баккара —... — крупье перечислял все суммы по отдельности от каждого вида игры, а я снова переключилась на то, что последние полчаса не давало мне покоя. Всё это слишком странно. Благотворительность от Корса. Корса! Он забирает в казино деньги у богатых и отдает их нуждающимся больным детям? С тем мнением, которое успело у меня сложиться об этом человеке, всё это как-то не вязалось. Как я не пыталась, у меня никак не получалось представить рядом с Тристаном ребёнка и что тот с ним возится. Но ведь он так и сказал, что сам не сможет таким заниматься, а вот я? Смогу ли я? Признаюсь честно, я боюсь. Найти к детям подход всегда умела моя мама, а вот я... я очень редко помогала маме с занятиями в школе и как найти подход к ребёнку, который мог подвергнуться насилию в семье или просто лишён родителей, вот об этом я понятия не имею.

Нет, это сложно, наверное, лучше всё же отказаться. Я уже хочу вернуться к Тристану, чтобы отказаться, но вспоминаю про Гвинет. Она была маминой ученицей. Ее мать и отца лишили родительских прав за издевательства над ребёнком и недосмотр, и именно танцы стали её вдохновением и помогли реализоваться в жизни. Она не стала великой и известной танцовщицей, но танцы помогли ей обрести себя. Когда она к нам пришла, девочка боялась громких голосов, мужской поднятой руки, но в танцах она была прекрасна. Она раскрывалась, как маленький цветочек в плавных движениях и резких разворотах. Танец ей дарил спокойствие, умиротворение, а вскоре дал уверенность в себе. Со временем эта девушка преодолела свои страхи, счастливо построила свою жизнь и нашла в ней своё предназначение.

Вспомнив этот случай, я снова задумалась. А что если и я так смогу? Что если там кто-то нуждается в моей помощи, и именно я смогу помочь? И даже если я буду представлять интересы Корса, то что? Я же помогу этому маленькому человечку реализоваться, я сделаю

для него что-то хорошее.

— Когда собрание подошло к концу, я уже была чётко уверена в своём решении.

— Тристан, мне дать Вам ответ сейчас?

— А Вы уже готовы?

— Я согласна с этим предложением, если конечно в мои обязанности будут входить только поездки и общение с детьми.

— Я, как меценат или инвестор, должен буду тоже иногда ездить с Вами туда первое время. Следующие поездки вы уже сможете совершать сама. Также придется оперировать некоторыми счетами, Вы сможете взять на себя такую ответственность?

Я смотрела в эти темные, почти черные, яркие как угольки глаза, прокручивая снова и снова все сегодняшние разговоры и пытаясь уловить смысл сделанного мне предложения. Для меня он еще оставался неразгаданной тёмной лошадкой. За этим статным видом, строгим костюмом, манере держаться, сдержанным и серьёзным взглядом явно скрыта не одна тайна. Но этот человек умеет к себе расположить. И его предложение... слишком заманчиво, чтобы от него отказаться, ни теперь, когда мы с Питером расстались. Я лишь была связана с ним собственными мечтами влюблённой девушки.

У меня сжимается сердце. Я вздыхаю. Питер — моя несбывшаяся мечта. А этот человек — реальность.

Но меня не покидает сомнение. Помимо уважения, Тристан Корс вызывает острое чувство страха и благоговения. Обладая мощной покровительственной силой, распространяющейся на всё близлежащее окружение, я чувствую себя маленьким беззащитным зверьком в лапах у свирепого хищника. Я боюсь стать жертвой, но понимаю, что он не отступится, всегда добиваясь желаемого.

Тяжело выдохнув, я пытаюсь принять решение, довольно непростое для меня. Если я соглашусь, то свяжу себя с этим человеком еще не до конца понятными мне отношениями.

Еще раз вспомнив жёсткий взгляд Питера, его напряженную осанку и категоричное «нет» я делаю свой выбор и, подняв лицо к своему собеседнику, ожидавшему ответ, спрашиваю: — А почему именно я, Тристан? Мне очень лестно услышать от Вас такое предложение, но не будет ли это означать, что я под Вашим покровительством?

— А Вы еще этого не заметили? — он в притворном удивлении вскидывает брови. Выглядит как-то совсем не естественно, он не удивлён. Такое впечатление, что этот человек просчитал мою реакцию и всё уже решил вместо меня.

— Вы привыкли иметь всё, что захотите, правда? — набравшись смелости, решаюсь прямо спросить, с вызовом глядя в лицо.

— Как смело. Видимо, я не ошибся, именно Вас выбрав на эту должность.

— Но я — танцовщица. Какой из меня волонтер? Тем более представитель от... эм... — я чуть не выпалила, «игорного магната», но вовремя осеклась, — крупного бизнесмена. Не лучше ли на эту роль было пригласить хорошо зарекомендовавшего себя человека из отрасли благотворительных фондов?

— Аманда, там волонтеров хватает и без Вас. Вам нужно мелькать перед камерами, подписать пару бумаг от нашего фонда и общаться с детьми, только-то и всего.

— Ладно. — Решила полностью согласиться, пока снова не передумала, но, ещё не совсем понимая, на что соглашаюсь. — Только я хочу вернуть вот это, — достав из клатча коробочку в бархате, кладу её на стол перед ним. — Я не могу принять, извините, — категорично мотаю головой.

— Будем считать это подарком за Ваше согласие.

— Тристан, нет, — слегка понизила голос, настаивая на своём — я не могу это принять.

Он пристально посмотрел мне в глаза, слегка сощурившись, как бы изучая, потом ответил: — Делайте то, что считаете нужным. Паспорт от этого украшения записан на Вас. Ваше право распоряжаться им, как заблагорассудится.

— Я отдам его детям, — внимательно наблюдаю за реакцией Корса, но на его лице не дрогнул ни один мускул. Как можно быть таким непроницаемым? Или, возможно, он мог ожидать такой реакции от меня.

— Ваше право, — пожав плечами, он встает, и, засунув руки в карманы, выходит из зала. Я его не понимаю. Или в силу своего бизнеса этот человек научился хорошо скрывать свои эмоции, или он совсем чёрствый, или... да, он по-прежнему для меня тёмная лошадка.

Еще немного в замешательстве от предложения Тристана, я покидаю казино.

И вот, спустя два дня, перенеся свои репетиции я еду одна, без Тристана, увидеть центр и познакомиться с его работниками, волонтерами и самими воспитанниками.

Меня ещё немного охватывают сомнения, правильно ли я поступила, согласившись помогать Тристану, и я очень волнуюсь о предстоящей встрече с детьми.

Машина въезжает на территорию реабилитационного центра и останавливается. Вижу детскую площадку, приведенную в порядок с окрашенными, но довольно старыми качелями и чуть дальше серое 4-этажное здание. И мои сомнения развеялись полностью. Этому месту однозначно нужна помощь.

Управляющая центром для реабилитации оказалась очень приятной женщиной. Выслушав её, я была совсем расстроена. Дела у этого дома обстояли не очень. Здесь работали психологи и психотерапевты, но в основном это была волонтерская помощь, так как платить особо было нечем. Помощь детям из государственного бюджета оказывалась только в самом необходимом. Вот в чём теперь заключалась моя задача, так это с помощью фонда помочь обеспечить этих детей всем необходимым, в том числе квалифицированным медицинским персоналом.

Уже к вечеру у меня были списки, что нужно было закупить для центра, в том числе и игрушки для детей. Всё это нужно было подготовить до приезда Тристана, когда будет официально объявлено о новом меценате фонда поддержки этого центра.

В казино я не появлялась около недели, и каждый день ездила в этот центр. Каждый день, сидя рядом с психологом и делая пометки в блокноте, я присутствовала на групповых занятиях психологов с детьми. Насколько тяжело это было, иногда невозможно было скрыть слёз, когда ребёнок просил плюшевого мишку, зайца, куклу, машину на радиоуправлении или пакетик сладостей. Я ни в чём не могла отказать этим детям и я держалась, стойко держалась пока не увидела её... тёмные слегка вьющиеся волосики длиной до плеча, в тёмно-сером платье и великоватом мохеровом свитере, в руках мишка с порванной лапой. Карие глазки, курносый носик, густые реснички, насупленные бровки и очень серьёзный взгляд... такая милая, она тихо сидела и единственная, так и не подошла ко мне.

— Почему она не подходит? — шепотом я обратилась к психологу, сидевшей рядом со мной.

— Девочку зовут Дженна, ей 5 лет, она у нас примерно год. Нелюдима, вся в себе. Родителей лишили прав опекуна за издевательство над ребёнком.

— А родственники?

— Ищем. В городе не оказалось. Они сами были воспитанники домов, казалось бы,

вроде и семью должны хотеть создать крепкую, которой сами не имели, но...

Я не смогла усидеть на месте и подошла к девочке. Присев рядом с ней на корточки я заглянула в её личико.

— Эй, привет. Меня Аманда зовут, а ты Дженна?

Девочка молча кивнула.

— А что произошло с твоим Тедди? — я перевела взгляд на порванную лапу плюшевого медведя.

— Это Митчелл порвал. — девочка еще больше насупилась.

— А хочешь мы тебе нового мишку купим?

— Нет. — Она притянула медведя к себе и обняла. Похоже этот мишка был очень ей дорог. Меня это тронуло. В горле запершило. Эта девочка была настолько милой. И трепетно относилась к своему другу, пусть и не живому.

— А хочешь, мы твоего мишку полечим?

Сдвинутые к переносице насупленные бровки, поползли вверх и девочка посмотрела на меня.

— Полечить?

— Ну да. Пришьём ему лапу, перебинтуем, заклеим цветным пластырем и дадим печеньё за смелость, — уже последнее я говорила, не скрывая улыбки, так как моё предложение ей явно понравилось, у девочки заблестели глазки, и она очень внимательно посмотрела мне прямо в глаза. В тот момент я что-то почувствовала, не могу понять, что именно, но... меня потянуло к этой девочке. — Подожди, сейчас всё исправим, — улыбнувшись ей, я подошла к психологу попросить оставить эту девочку со мной и не уводить с группой. Остальных детей увели, а мы с Дженной, взяв у воспитателя нитку с иголкой и цветной пластырь с печеньем, принялись чинить её медвежонка.

Лапа была зашита, перебинтована и на ней красовался яркий пластырь с разноцветными котятами.

Пока я возилась с медведем, рассказывала Дженне чем занимаюсь, где бывала и что видела. Глаза девочки сияли таким ярким блеском, выдавая искренний детский интерес, что я не удержалась.

— А хочешь я возьму тебя в танцкласс?

— Я не умею танцевать, — буркнула Дженна и снова насупилась, прижав мишку к себе.

— И я не умела. Джен, — я аккуратно погладила маленькое детское плечико, — я тоже не умела, но если тебе интересно, то ты можешь просто прийти и посмотреть, я не буду тебя заставлять делать то, чего тебе не хочется.

Так мы с Дженной, можно сказать, договорились о её поездке в школу танца к моим родителям. Мы пригласили всех детей. Я очень не хотела, чтобы моё внимание к Дженне заметили другие дети, и девочка пострадала от других детей, не меньше требующих к себе внимание.

Уже сидя в машине, я всё думала о маленькой и милой Дженне. Почему-то именно для неё мне хотелось сделать что-то особенное, чтобы заблестели её глазки, и она улыбнулась.

Через день, подготовившись, мои родители и ученики школы встречали воспитанников детского центра. И Дженна была с ними. Детям показывали школу и как проходят уроки танцев. Среди детей были желающие, кто захотел попробовать. Движения были простыми, а танец весёлый и задорный. Мы прыгали и хлопали в ладоши, визжали и веселились от души. Дети были счастливы, им было весело.

После танцев всех детей собрали на ланч. Спустившись в столовую я стала искать Дженну, и найдя её, кивнула девочке. Увидев меня, Дженна робко заулыбалась.

Сердце дрогнуло и я на миг задержала дыхание. Дженна улыбнулась, впервые за всё время нашего знакомства, её робость и страх понемногу отступали.

Детей увезли, а я целый день думала о девочке. Вспоминая и её усилия выучить танец и улыбку, мне хотелось её увидеть снова, больше всего рассказать и показать. Мне просто хотелось побыть с ней рядом.

Но в следующие дни я не могла приехать в центр. Эмили снова дала новую программу и нас звали в новое место для выступления. Было понятно, что после официального представления детского центра, я снова с головой уйду в репетиции и не увижусь с малышкой.

Дни в репетициях и только отдалённых разговорах с управляющей центра по телефону шли один за другим. Мне не хватало малышки, и я понимала, что тоскую по этой улыбке и тому горящему детскому взгляду. И еще я чувствовала вину за то, что пропала, ведь я могла дать ребёнку надежду на новую дружбу, а теперь меня нет, и девочка могла скучать за мной, как я за ней.

Но время к открытию центра приближалось и снова я еду в казино, где меня уже ждёт Тристан. И снова этот тяжёлый запах табака и мужского пота от напряжения исхода игры.

— У нас с управляющей центра всё готово официально Вас представить. Журналисты приглашены на завтра.

Он смотрит в свой органайзер, пальцем пролистывая встречи и события, и напряженно вздыхает.

— Тристан, я не могу переносить. У меня новая программа от Эмили, я должна готовиться, простите.

— Ладно, завтра так завтра. Здесь для Вас есть ещё бумаги от Моррисона. — Он показывает на папку, лежащую на его столе и, встав с кресла, выходит из-за стола набирая что-то на мобильном. — Я устал и буду в зале. Если возникнут вопросы, найдёте меня возле рулетки. Предлагаю присоединиться и Вам, обсудим подробности в более неформальной обстановке — вытащив из кармана 6 фишек и оставив их возле меня, Тристан выходит из кабинета, оставив меня изучать бумаги.

В папке оказались отчёты от управляющей центра и новые предложения от волонтеров. Заинтересовавшись некоторыми, которые можно было озвучить именно на официальном событии, я взяла фишки, решив присоединиться к Тристану.

Неформально, так неформально. Оборудовать новой электронной библиотекой центр мне казалось нужной и очень хорошей идеей.

Перебирая фишки в руке, я вспоминала Дженну. Я снова её увижу. Уже завтра. И я ей всё объясню. Объясню, что не пропала, что я её друг и расскажу о своих выступлениях и гастролях.

Спросив у охранника, где я могу найти Тристана, меня проводили к рулетке.

В зале чувствуется напряжение от игры, ожидание финала. И вот оно — зелёное полотно, визг волчка и стук фишек, громкий голос крупье, объявляющего ставки. Вижу Тристана с охраной и подхожу к столу ближе, отвлечь его от игры и озвучить мои мысли.

Только моему плану, видимо, свершиться не суждено. Случайно обведя взглядом присутствующих за столом, я замираю. Дыхание перехватывает и воздуха не хватает совсем, я словно задыхаюсь. Нет, не может быть! Сосредоточенный взгляд, слегка виднеющаяся

тагуировка под распахнутым воротом рубашки, инвалидное кресло. Такое не может привидеться. Это ОН.

— Питер... — шепчу одними губами, а рука тихо опускается, роняя фишки с гулким шумом на пол...

Глава 10

Sam Smith — Writing's On The Wall

Питер

Еще с самого утра новый день как-то не задался. Я думал, какого черта всё так не складывается?

Взяв стопку бумаг, отчетов и наблюдений, просматриваю и складываю одну к другой, пытаюсь найти долбанную связь или хотя-бы зацепку на этих чёртовых ублюдков, свободно торгующих оружием любого калибра.

Зачем же им сыворотка?

Почему они так ее охраняют?

Как же не просто оказалось к ним подобраться. В Вашингтоне, где была первая зацепка, она же пока остается и единственной.

Я понимаю, что это длинная цепочка темных схем, и обычно всегда в такой схеме задействованы много звеньев, зацепишь одно звено — обнаружишь и следующее, но в этом деле всё иначе. Хорошо продуманный и замаскированный бизнес, отлаженная сеть поставок оружия, и не так-то просто будет выйти на тех, кто возглавляет это бизнес. Они не совсем простые смертные, возможно у них есть связи и в правительстве, и репутация у них не запятнана, только сверху наблюдают за процессом и руководят, удачно всё спланировано.

Думай! Думай, Пит, думай, черт тебя возьми!

Должна же быть хоть какая-то еще зацепка.

Голова идет кругом.

Отодвинув бумаги, я по привычке, положил карандаш за ухо, и посмотрел в монитор включенного компьютера.

Глаза были припухшие и уставшие. Я решил немного отвлечься от всей этого напряжения и «каши» из информации в моей голове, открыв свой имейл с идеей почистить почту, и поудалять всякий ненужный информационный хлам.

Одно письмо было помечено как важное и находилось в избранных. Я усмехнулся. Конечно избранное. Я хранил уже долгое время, это видео — письмо. То самое, где я впервые увидел, как Аманда танцует.

Включаю медиа-проигрыватель и воспроизводится видео.

Такая милая, наивная, открытая девушка... Ее образ постоянно преследует меня. Крепко же она меня зацепила, без спроса вторглась в моё нутро, и как бы я не старался вырвать ее от туда, ни хрена не получается.

С звучанием мелодии всплыло воспоминание. Лёгкие плавные движения — она не танцевала, она парила в руках своего партнёра. Открытый взгляд наполненный эмоциями. Именно тогда я и понял, она не просто танцует, в танце Аманда проживает маленькую жизнь, раскрывая всю себя, свои эмоции, свои чувства, свою историю.

Ловлю себя на том, что сижу, как дурак и улыбаюсь сам себе... Ох, Аманда, девочка... ну что же ты со мной делаешь? И как вспышка, вдруг всплывает другое воспоминание.... Её рваное дыхание, гибкое тело, выгнутое дугой в спине, гладкая шелковистая кожа под моими ладонями, срывающийся стон...

Меня бросает в жар, и я закрываю глаза, пытаюсь совладать со своими внезапно нахлынувшими чувствами. Сам того не замечая, издаю протяжный стон-рык... Я и сам не знаю, смог бы я её любить, если бы... Нет, не стоит об этом думать... это не мой случай и не моя жизнь.

В кармане загудел мобильный. Я вздрагиваю, пытаюсь сконцентрироваться, прогоняя остатки воспоминаний, и глубоко вздыхаю, прочищая лёгкие.

Вытащив телефон, я уставился на экран. Странно. Вернон Аддерли — отец Хезер звонил мне крайне редко.

Нажимаю на кнопку.

— Вернон?

— Привет Питер.

- У Макса и Хезер всё хорошо? — меня сразу накрыло тревогой за друга и его жену. Не случилось ли чего.?!

— Нет Питер, у них всё хорошо. Я звоню тебе. Послушай Пит, — небольшая пауза, хмм...голос Вернона меняет интонацию и звучит немного неуверенно, — сейчас есть такая программа, частично финансируемая правительством США, на реабилитацию солдат с помощью вживления нейростимуляторов. Конечно, они не дают стопроцентных гарантий на полное восстановление, но в твоём случае, есть шанс встать на ноги.

— С каких это пор наше правительство начало беспокоиться о покалеченных солдатах? — едко с сарказмом процедил я в трубку. Понимаю, мой сарказм, некрасиво с моей стороны по отношению к Вернону, но у меня вирвалось это не произвольно, я остался предоставлен сам себе после госпиталя, тогда.

— Это новая разработка учёных. Она только внедряется в медицину. Питер, это экспериментальный проект, и находится на стадии разработки и тестирования.

— Значит, Вы мне предлагаете быть подопытным, да? — перебиваю я Вернона, и немного повышаю голос.

— Нет Питер, я предлагаю тебе испробовать один из шансов встать на ноги.

— Спасибо Вернон.

— Я понимаю тебя Питер, ты сейчас не веришь, в свой шанс на восстановление и новые научные разработки, но прошу тебя, не горячись, хорошенько все обдумай, время ещё есть попасть под эту программу, но долго тоже не тяни, желающих много не упустить свой шанс. Я позвоню через несколько дней.

— Я все понял, я Вам сам перезвоню. И... Вернон...спасибо за беспокойство.

— На свое новое задание я не мог использовать этот телефонный номер, чтобы не провалить дело и не подвергнуть ни себя ни близких мне людей опасности. И смогу позвонить я только после возвращения из Вашингтона.

Понимая, что никакой новой информации из бумаг по делу Ривза не добуду, я открыл интернет и начал искать эти чертовы новые разработки. Как-то этот разговор меня немного взволновал и вертелся в голове, давая новую пищу для размышлений и сомнения, и еще наверне, хоть я и не хотел это признавать, маленькую веру в этот свой шанс.

Целый вечер я читал разные статьи в интернете о реабилитации спортсменов с

помощью нейростимуляторов, и мучил себя сомнениями, соглашаться или нет.

Это действительно напоминало что-то из ряда фантастики и кадры из каких-то научных фильмов или блокбастеров про роботов и киборгов. Я ни хрена в этом не смыслю, но понял, что операции не являются смертельными и при плохом вживлении стимуляторы просто вытаскивают. В худшем случае, если нейростимуляторы не оживят мои нервные окончания, я просто буду сидеть в кресле, как и сейчас, и тогда получается, я ничего не теряю, кроме времени и своих усилий и надежды на шанс стать на ноги.

Я устало потер лицо... Да. уж... задачка... Посмотрел на часы. Время приближалось к утру и к моему рейсу в Вашингтон. Я закрыл ноутбук.

Я уже согласился на помощь напарнику, поэтому оставляю этот вопрос о нейростимуляторах до возвращения из Вашингтона.

Раньше я имел немного иное понятие о вечерней жизни Вашингтона. Нет, нельзя сказать, что я совсем ничего не знал, но ведя долгое время затворнический образ жизни отшельника, я мало себе представлял такой вид развлечения и как способ спустить или же наоборот, попытаться счастья у фортуны, заработать денег, в казино.

В деле Ривза мне предстояло сыграть роль бизнесмена-фермера, решившего немного спустить на развлечения заработанных долларов.

Так я очутился за карточным столом игры в покер. Чувства нервного напряжения, страха и сосредоточенности достигают накала. Я не так много ставил, но и та небольшая ставка, что стоит на кону, заставляет изрядно поволноваться. Ладони и затылок покрываются испариной пота.

Откладывая карты лицом вниз и закатываю рукава по локоть. Мой соперник закуривает сигару. За те три часа, что мы успели раззнакомиться и сыграть несколько партий, ничего о нужных мне ребятах с непредсказуемыми планами реализации сыворотки я не узнал.

Но одна зацепка все же была, а именно она вела в это казино, а вернее к его имуществу. Холодильники с сывороткой, числились за этим заведением.

Я прождал еще час в бесполезной игре и наблюдениях за другими столами, но никаких подозрительных типов так и не встретил. Пора было сворачиваться.

С выигрышем за вечер в 300 баксов, я закончил игру и попрощавшись с соперниками, направился к кассе.

Все время находясь в казино, я старался изучить публику, всматривался в лица, действия, поведения, пытаюсь хоть, что то уловить, но ничего и ни кто подозрения у меня не вызывали.

На следующий день всё повторяется. Но сегодня, закончив одну партию в покер, я решил понаблюдать за обстановкой со стороны бара. Заказываю себе выпить, устраиваюсь у стойки бара и просто рассматриваю здешний контингент.

Где же вы можете быть? Кто? Тот мужик, весь обливающийся потом от волнения у рулетки точно не может быть из таких недоносков. А может быть этот парень, с хитрым прищуром смотрящий в свои карты? Нет. Хмыкнув себе под нос, верчу головой, опровергая этот вариант, точно не он.

Изучив всю публику заведения и допив третий бокал виски, я снова, почти под утро покинул казино.

Складывалось впечатление, что эти ребята либо где-то сидят подполье, либо, что-то почуяв или прознав, что дело расследуется в ФБР, решили временно залечь на дно и выждать.

За этих пару дней ни Дженкс, ни я не смогли добыть новой информации. А время неумолимо шло и сколько его ещё есть у нас, пока эту сыворотку не пустили в дело, никто не знает.

На четвёртый день, не получив никаких новостей от Дженкса, я снова собирался на свой пост наблюдателя и игрока, но уже вынашивая в голове новый план и стратегию. Если сегодня я не найду никого из торговцев, то сам напрямик задам вопрос крупье. Они должны знать своих клиентов, особенно если это не простые люди.

Мне нужен Джилз Кроули, один из оставшихся из двух торговцев, с репутацией калибром поменьше убитого Спиннера. И я знаю, кого мне искать — его фото я видел пару дней назад вместе с остальной информацией, что была у Ривза.

Чтобы не вызывать лишних подозрений, я буду спрашивать об охотничьих винтовках, которые вполне когут сгодиться фермеру отгонять заблудших диких животных или для охоты на копытных животных. Для их же заинтересованности я должен интересоваться немалым количеством, как минимум 5-10 штуками.

Взяв 10 тысяч наличными, я с новой попыткой еду на разведку.

Осмотревшись и заказав виски, я уже не стал ждать, как обычно, я подъехал к столу, за которым уже успел за эти дни примелькаться. Рассказав крупье, что я не местный, занимаюсь фермерским хозяйством я невзначай спрашиваю, что услышал от людей про Джилза Кроули и не бывает ли он у них.

Крупье искоса глянул на меня, на секунду замявшись и перестав раскладывать карты, а потом снова опустил глаза на стол.

Ага. Вот оно.

Одного взгляда и заминки крупье мне хватило понять, что этого человека здесь знают. Но расспрашивать далее я о нём не стал. Этого было достаточно для их заинтересованности во мне и о моих целях поиска Кроули. После окончания игры, я отъехал к бару, присматриваясь, что делается за тем столом, где пару минут назад закончилась партия в покер. Крупье подозвал к себе одного из охранников, ходивших по залу, и что-то ему говорил. Мне оставалось ждать выйдет ли из моей стратегии что-то.

Но результат того, что я сам высунулся, не заставил себя долго ждать и в середине новой игры, ко мне и ещё трём игрокам, присоединилось ещё двое новых игроков.

Мужчины были грузного вида, один даже толстоват, казалось жизнь обоих, изрядно потрепала, было видно, по их суровому виду.

За две сыгранных партии в покер они почти ничего не сказали, только часто поглядывали на меня и переглядывались между собой. Я понял, что меня изучают. Мне же не удалось выудить ничего, местный торговец оружием Джилз Кроули и его дружок были не словоохотливы.

Уже после окончания игры, когда я направился к кассе обменять фишки, меня настиг и остановил охранник.

— Мистер Кроули интересуется, почему вы его ищете.

Я снова, согласно моему плану, рассказал о поиске хорошего охотничьего оружия и что о Кроули слышан, как о серьёзном продавце с хорошей рекомендацией. Чего на самом деле совсем не мог о нём сказать.

Охранник поднял руку с рацией и отошёл от меня. С пару секунд я просто находился на месте, ожидая ответа, чем и был вознаграждён.

Кивком головы охранник указал следовать за ним по коридору в направлении черного

хода. Идти туда было опасно, но зная, что могу попасть в засаду, иного варианта выйти на Кроули просто не представлялось.

— Мы с вами уже знакомы, — сухо процедил, Кроули, — что Вас интересует?

— Вас уже известили, чем я интересовался, зачем повторяться? — я пожал плечами, показывая непринуждённость в движениях и скрывая при этом мою истинную настороженность

— Что именно и в каких количествах вы хотите? — всё так же размеренно и монотонно продолжал торговец не выказывая никакого интереса. Обычная сделка с обычным мелким покупателем, именно на это и походил наш разговор и именно то, чего я хотел изначально, пока не добуду нужную для меня информацию.

— Ну... я не знаю, а что есть?

Кроули усмехнулся.

— Всё, что хотите. Но по вашему виду я бы не стал вам предлагать европейки. Вы производите впечатление не новичка и мне кажется, вас будет интересовать, что-то оригинальное: дополнительные рукоятки, складывающиеся приклады, укороченные стволы, новые приспособления для прицела.

— Нет, не совсем. Это будет мешать на охоте. — Уж это я немного знал, иногда приходилось защищать амбар от непрошеного гостя, волка. — Нарушается баланс оружия, увеличивается вес ружья, укороченный ствол не способствует точной стрельбе дробью.

— О, — с нескрываемым интересом Кроули бросил взгляд в мою сторону, его брови изогнулись, — вы знаете толк в ружьях. — Пришлось. Я живу и работаю на ферме. В хозяйстве всякое бывает, знаете ли.

— Тогда полуавтомат или помпа. Или может двустволка.

— Мне бы хотелось самому посмотреть и выбрать.

— Чем платите?

У таких темных дельцов, всегда наличные были в цене, поэтому мой ответ был очевиден.

— Наличные.

— Хорошо — торговец задержал свой пристальный взгляд на мне, — Завтра. В это же время. Повернулся и ушел.

Сказать, что я сильно нервничал или боялся этих темных дельцов, нет конечно, но все же какое — то внутреннее напряжение было. И только когда я вернулся в номер, напряжение постепенно стало спадать, и я смог расслабиться.

Но мне нужно было продумать дальнейшую мою стратегию действий, как покрепче зацепиться и где лучше потянуть, что бы распутать этот змеиный клубок. Еще одна проблема гложила и не давала мне покоя, застряв где-то в моем подсознании. Я все анализировал предложение Вернона. Такие предложения поступают не каждый день.

А что если мне это поможет? Если эти стимуляторы меня поднимут? Хотя... я слишком много времени провёл в кресле. Даже принимая во внимание то, что с ногами проводили специальные процедуры. Но... мне кажется, этого всё равно недостаточно.

Все, спать. Не буду больше себя мучить сомнениями и надеждами на новую жизнь «на своих двоих». Надо закончить с этим гадючником, ну а потом уже и решать.

Проснувшись и не спеша позавтракав, я продумывал, чем себя занять в ожидании вечера.

Телевизор, прогулки по парку, всё это стало моими ежедневными занятиями, в нудном

ожидании наступления вечера и похода в казино. Я привык заниматься работой, а это вынужденное безделье, меня просто утомляло.

Собираясь в казино, я взял ни много, ни мало, 30 тысяч наличными.

В договоренное время, я прибыл в казино.

Меня, как оказалось, уже ждали и сразу сопроводили в небольшой кабинет, где рядом с Кроули сидело ещё двое мужчин. А на массивном столе было разложено оружие...

Оглядев помповые винтовки и полуавтоматику, я повернулся к Кроули.

— А что-то коллекционное есть?

— Я на этом не специализируюсь. Этого человека нужно подождать с пару недель.

Интересно, о ком идёт речь. Брунер — второй торговец, оставшийся в живых, действительно отсутствовал в это время в Вашингтоне, не о нём ли говорит Кроули?

— Нет, ждать я не могу. А что с двустволками?

— На них сейчас переоформляется лицензия.

— А посмотреть на них есть возможность?

— Нет.

Я знал, что этим могу себя подставить, но информации не было никакой по делу.

— А у кого-то еще в городе я могу достать оружие?

— Ни у кого. Я же говорю, нужно подождать.

Теперь точно было ясно, что Кроули один. А еще появилась гипотеза, что Кроули и Брунер работают сообща, если Кроули так спокойно говорит о втором торговце, значит, скорее всего, они не конкуренты. Если я не могу посмотреть на другие виды оружия, выходит, что склад закрыт. Тогда нужно дожидаться и Брунера и каким-то образом ухитриться попасть на склад.

Больше расспрашивать Кроули, я ни о чём не стал, чтобы не подвергать себя риску.

На следующее утро с почтового отделения я отправлял зашифрованную телеграмму-запрос Дженксу на Брунера и уже к вечеру ответ был у меня. Брунер был в Майами. И как это ни странно, тоже замечен возле казино. Но по справкам Дженса ничего не сходилось, игорный дом в Вашингтоне и казино в Майами принадлежали разным владельцам.

Этим же вечером я забронировал себе билет на утро, до Майами.

Если лицензию достаёт Брунер, он же занимается и коллекционным оружием, то и знает больше, и находится поближе к боссу.

Прилетев в Майами, я стал обустраиваться в отельном номере. Уже замешанный в деле по торговле оружием, я должен был себя обезопасить. За мной могли установить слежку.

Прикупив еще в Вашингтоне тальк, я решил им воспользоваться и нанёс на дверные ручки, перед уходом в казино. Теперь необходимы были меры предосторожности и оповещения, если в номере кто-то появится кроме меня.

Поздним вечером, захватив 5 тысяч наличными, я снова уехал в казино. Сегодня передо мной стояла обычная задача наблюдателя, я примерно знал возле какого казино Брунер был замечен и, возможно, там он и проворачивает сделки.

Заказав бокал виски со льдом, я подъехал к рулетке, где скопилось наибольшее количество наблюдателей.

Здесь я мог быть менее замеченным.

Из азартных игр рулетку я знал меньше всего. Видео-уроки известного игрока Люка Фирса особых плодов не принесли. Я больше ориентировался в покере, там была возможность просчитать карты, но здесь, увы, следовало положиться на интуицию или

фортуны.

Я и не должен был показать крутые результаты, но привлечь внимание был обязан. Увидев среди игроков хозяина казино Тристана Корса, а это была большая удача, и этой возможностью нужно было пользоваться.

Поставив пять фишек на красное, я снова ушёл в размышления, наблюдая за его действиями и поведением. Он вёл партию. Моя задача была узнать этого человека, и я занялся анализом своих наблюдений. Что я успел заметить — немногословный, сдержанный, осторожный. Судя по часам на его запястье, пару сотен миллионов у него на счету явно имеются. Помимо этого я не находил в нём ничего особенного, чтобы могло его выделить, среди остальных богатых подонков из его среды. Обычный наглый мафиози. Таких полно в штатах. Содержат казино, бордели, торгует оружием, но что делал Брунер у него в заведении...?

Внезапно мой поток мыслей прерывает голос крупье, и я поднимаю взгляд в сторону Корса. В горле пересыхает. На доли секунды я задерживаю дыхание.

Какого чёрта?.. Что она тут делает?..Рядом с этим?..

Я ошарашено наблюдаю, как Аманда, с кротким и недоуменным взглядом глядя прямо на меня, садится рядом с ним и что-то ему говорит. В шуме собравшихся не могу разобрать, что именно, но их разговор длится совсем недолго и она, вновь украдкой взглянув на меня, опускает взгляд на полотно к рулетке.

Какого вообще чёрта она здесь забыла?

Чувствую, как по спине пробегает холодок, а руки начинают потеть. Вот такого поворота я совсем не ожидал. Эта девушка, та самая, которая не даёт мне и моим воспоминаниям чертового покоя... здесь... и с ним...

Во мне нарастает злость, и я сжимаю руки в кулаки так, что ногти впиваются в кожу.

Если она с ним, то получается, по стечению обстоятельств, она меня, что, хотела проверить? Или может они хотели меня завербовать и сделать своим человеком в ФБР?

Если она знает Корса, то он запросто узнает обо мне всё, и тогда это дело обречено на провал, не говоря уже обо мне, моей безопасности. Бл*ть...Опять если, если... Думай Питер...

Теряешь хватку Питер.

Я что, так облажался в ней?! А ведь я чуть было и в правду не поверил в ее искренность, в ее чувства, слезы, ах...да ... что там она еще говорила?.. любовь... А в койку ко мне, интересно, она тоже по приказу залезла ...?

Игра идёт, и я делаю вид, что не знаю девчонку. Как только игра закончится, мне нужно будет немедленно убирать свою задницу отсюда и первым же рейсом вылететь на базу.

Учитывая новые обстоятельства, дело приняло слишком уж рискованный оборот и я точно уже не могу в нем участвовать.

Но Аманда, к моему удивлению, сказав ему что-то, оставляет фишки и снова вскользь взглянув на меня, встаёт и уходит. Корс сидит в задумчивости, но на меня даже и не смотрит.

Что она могла ему сказать? Если что-то про меня, то сегодня же меня могут схватить, обыскать или попросту прикончить. Что ж, мне то и остается только ждать.

Игра заканчивается. Выигрывает ставка какого-то игрока на чёрном.

Отъехав от полотна, я осматриваюсь. Аманды не видно, Корс уходит к покерному столу. Машинально оглядываюсь по постам охранников, явно за мной не следят.

Возвращаюсь в свой номер уже под утро. Меня не схватили, слежки вроде как я не заметил.

Ещё рано было делать выводы, я только мог предположить, что не вызвал особых подозрений у Кроули своими вопросами. А вот что мисс Линдсей, делает возле Тристана Корса, и что их может связывать, мне бы хотелось это узнать. Судя по всему, она меня не выдала, или они ведут какую-то хитрую игру. Но нет, просто так Питер не сдастся.

Если они обо мне знали, то скрываться было уже нечего. Я принял решение утром позвонить Аманде, и попытаться получить ответы на свои вопросы.

На временном мобильном набираю номер Аманды. Гудок, второй, третий...

— Да...

Глава 11

Adele- Hello

Аманда

Этой ночью я долго не могла уснуть. Всё лежала и глотала слёзы, а яркие воспоминания сменялись, как цветные слайды на проекторе: я снова спускаюсь по лестнице... захожу в зал... подхожу к столу... и Питер сосредоточенно смотрит на рулетку...

Как странно было его увидеть среди постояльцев казино с тугими кошельками. Питера... играющего в рулетку? Человека, с слишком «правильными» и сильными моральными принципами и устоями.

Глаза начинает щипать от наворачнувшихся слезинок, и я с иронией вспоминаю реакцию Питера в казино.

Как всегда, спокойный и уравновешенный, он сделал вид, что меня даже не знает. Сидел, как ни в чем ни бывало с невозмутимым лицом, даже не проявил ни единой эмоции при моём появлении. Ну да, это его присущая выправка и сдержанность — военная закалка, не иначе.

Я пытаюсь жить дальше... без него, больше не питая надежд. Он поставил жирную точку в наших отношениях, решив всё за нас, сам, а что мне оставалось... принять его решение. Принять, может со временем понять, и постараться простить и забыть его. Забыть... Но как? Как это сделать, если стоит мне только закрыть глаза, как мгновенно всё становится настолько свежо в памяти... и опять боль, эта щемящая боль, как кровоточащая рана.

Я не хочу больше мучить себя воспоминаниями о нём. Не могу больше. Моя душа истерзана болью прошлого и несбывшимися грёзами. А что Питер, он как робот, солдафон, без чувств и эмоций. Его не тронули ни мои слёзы, ни мои доводы, что у нас есть шанс, ни мои признания в любви. Я бы смогла, я бы преодолела с ним всё, всё бы это было оправданным, если бы он был рядом. Если бы я была уверена, что он тоже питает ко мне хоть долю тех чувств, что и я. Но он свел на «нет» все мои попытки приблизиться к нему. И я пытаюсь жить с этим, принимая действительность таковой, какая она есть. Но судьба, похоже, решила не дать мне окрепнуть, подбросив совсем неожиданную для меня новую встречу с ним.

Пробирает до дрожи, сердце колотится в груди, как заведенное. Мне явно нужна передышка, справиться со своими эмоциями и спрятать их.

Тяжело вздыхаю, смотря в содержимое чашки, и делаю очередной глоток утреннего чая.

Отставив чашку в сторону, зажмуриваюсь, не в силах сдерживать набежавшие слёзы и вытираю влажные щеки. От злости и боли хочется выть. Но к старым эмоциям добавились новые вопросы. Почему Питер был в казино? Он же ФБРовец. Зачем он играл за столом с Тристаном? Это его задание? А он понимает, насколько это опасно и что за человек Тристан?

При одном упоминании о Тристане по спине проходит нервный холодок страха.

К часу дня нужно было ехать на официальное открытие детского благотворительного фонда, но вставать не хотелось. Не хотелось ровным счетом ничего.

Взглянув ещё раз на мобильный и незнакомый номер, я положила его на тумбу, прикусив губу. Утренний звонок Питера с незнакомого мне номера, вызвал во мне разные чувства.

Я не знала, то ли мне злиться, что он не даёт мне покоя, то ли радоваться тому, что судьба снова сталкивает нас, даже помимо нашей собственной воли.

Вопреки собственным чувствам я понимала, что должна встретиться с Питером, чтобы понять истинную причину его появления в казино. Его присутствие в таком месте было для меня непонятным.

Вопреки собственным чувствам и боли воспоминаний, я решила, что должна встретиться с Питером, узнать истинную причину его появления в казино. Как бы мне не было больно, но я немного волнуюсь за него, вдруг это его задание, и он может быть в опасности. Поэтому я и согласилась на встречу.

Ха, кому же ты врешь, ведь не только поэтому, ты еще раз решила себя помучить, увидев его вновь.

Встреча была назначена в небольшом кафе с забавным названием «Форк» на набережной.

На удивление, собралась я довольно быстро и прибыла в кафе даже раньше на целых полчаса. Выбрав столик подальше от окон, я стала ожидать Питера, снова терзаясь сомнениями и задавая вопросы.

На стенах в массивных рамах под стеклами было множество вилок разных форм, размеров и сделанных в разное время. Теперь было ясно, почему кафе имеет такое название. Именно благодаря такой обширной коллекции вилок, которую хозяин-любитель антиквариата, как мне показалось, смог собрать.

Официант принёс сок в то самое время, когда Питер подъехал к столику.

Я окинула Питера, изучающим и подмечающим все взглядом.

Как и в казино, он был не в костюме, лёгкая щетина снова стала превращаться в бороду, а коротко стриженный волос снова стал отрастать курчавыми завитками.

— Привет, — чуть заметно кивнув мне головой, придвинув своё кресло к столику, он сложил руки в замок, положив их на стол. Какое-то время он просто внимательно смотрел на меня, как бы изучая или обдумывая свою речь. От его настороженного и изучающего взгляда веяло холодом. Потом опустил свой взгляд. — Ххм... — Питер прочистил горло. — Ты наверное уже поняла, разговор будет серьезный. — Тон был серьезным и отчужденным, как у делового партнера, что меня даже разозлило. Как он смеет быть таким со мной?!

— Нет Питер, я ничего не поняла, — скрестив руки на груди в защитной реакции я уставилась на него состроив гримасу негодования, — ты просто позвонил и в приказном порядке сообщил, где и во сколько нам встретиться. Этого думаешь, достаточно, чтобы понять смысл твоего звонка?

— Хорошо, хорошо. — Он поднял ладонь вверх, заставляя меня замолчать, — Итак, ты работаешь на Корса.

— Для тебя это новость? — Вот теперь меня постигло искреннее удивление. Я не всех посвящала в подробности своей жизни, но Питер был осведомлён, кто выкупил наш танцевальный коллектив. — Ты же знал, что Корс теперь владелец нашего коллектива.

- Нет, для меня это не новость, Аманда, — слегка прищурившись, он пристально смотрит на меня и недоверчиво качает головой, потом обвиняющим, более грубым тоном говорит, — Ты была вчера не на танцевальной площадке с коллективом, а в казино...рядом с ним. Не слишком ли близко к нему, как для обычной танцовщицы? Что ты на это скажешь?

Он это серьезно? Звучит как обвинение. Я не понимаю его вопросов. Как то он странно себя ведет и вопросы его...

— Питер, серьезно, к чему эти все вопросы? Ты можешь объяснить конкретно, что тебя интересует?

Он внимательно смотрит мне в глаза, а затем переводит взгляд на губы, задержавшись на секунду, и снова поднимает взгляд. Только взгляд становится иной, в нём появилась какая-то озлобленность. А потом с сарказмом произносит: — Как влюблённая девушка с разбитым сердцем, ты вчера не выглядела совсем. Быстро ты нашла замену на моё место, не успела и постель остыть, — прозвучало с издёвкой, и наглой ухмылкой, а взгляд колющий, словно высверливал во мне дыру.

Да, он издевается еще! Да как он смеет!

— Что? Ты это серьезно? — я в потрясении смотрю на Питера. Хочется ему отвесить пощечину, или просто хорошенько и очень больно ударить, или выплеснуть всё содержимое своего стакана в него, но из последних сил, и мне стоит это не малых усилий, я себя сдерживаю. Так вот что он обо мне думает, что я сплю с Тристаном? — Я не могу поверить, что ты это сказал?! И вообще, какое право ты имеешь меня в чем то обвинять?. Позволь напомнить тебе, это ты...именно ты отверг меня, растоптал, и отправил восвояси ... как... как ненужную и использованную вещь, — чувствую, что глаза режут непрошеные слезы. Я вся горю, от обиды, возмущения, унижения, боли... — Но я тебе отвечаю, я не такая, я не прыгаю из постели в постель, и я до сих пор не могу, как бы мне не хотелось, так быстро вычеркнуть одного тупого придурка из своей жизни, — тычу пальцем в него. — И если ты подумал, что я быстро забыла о тебе, утешая себя с другим мужчиной, то нам с тобой явно говорить больше не о чем.

Я резко вскакиваю, в намерении закончить этот разговор и покинуть кафе. Уж чего, чего, а такого о себе мнения от Питера, я точно не ожидала. Он считает меня шлюхой. Мне горько и обидно до глубины души. Я-то думала, что он хорошо меня знает, достаточно хорошо, чтобы не вешать на меня такой ярлык.

— Стой, я... я не... — твою мать, — произнеся еле слышно, он шумно выдохнул, потерев руками лицо, — Прости, прости...я не хотел...не имел права тебя в чем-то обвинять, — он резко опять выдыхает, — я знаю, я сам тебя прогнал, — поднимет свой взгляд, и я вижу там боль, раскаяние и сожаление. Питер опускает глаза. — Пожалуйста прости, я просто не знаю, как с тобой говорить. У меня голова разрывается от увиденного вчера...вас вместе. — он поднимает на меня глаза, и в них...отчаяние смешанное с замешательством. У меня замирает сердце. Питер продолжает: — Почему ты была вчера с ним в казино? Ты можешь мне честно сказать? Да, я помню, что он ваш хозяин, но почему ты..? Какие у вас с ним взаимоотношения?

— Поверь, и я много думала о нашей встрече в казино, и у меня имеются тоже свои вопросы. — говорю ему с вызовом и сарказмом. А сама не могу еще успокоиться от его обвинений. Но он, как мне кажется, даже не обращает внимание на мой сарказм и продолжает задавать вопросы.

— Ты говорила обо мне Корсу? — прозвучало сухо и безэмоционально.

Ну вот, снова возвращается его маска «Питер-солдат-робот».

— Нет, — четко и быстро отвечаю, вторя ему.

Казалось, мы как борцы на арене в какой-то битве и нападаем друг на друга.

— Питер. Что происходит? Хватит уже юлить со мной, я же тебе не враг, — не выдерживаю и произношу я, — ты можешь меня напрямую спросить, что конкретно тебя интересует? Ты на задании? Он резко поднимает голову и впивается в меня взглядом. По его настроенности я понимаю, что попала в точку.

Я понижаю голос, почти до шепота, и задаю следующий вопрос:— И ты боишься, что я тебя выдам? Он молчит, как бы обдумывая свой ответ, потом решается:— Не знаю. Увидев тебя там, рядом с ним, я понял, что всё летит к чертям, — произнёс он сдавленным усталым голосом. У него такой несчастный вид. У меня сжимается сердце, мне хочется протянуть руку, погладить его щетину, поцеловать, успокоить. Но я сдерживаю себя, и просто решаю сказать правду, без всяких издёвок и сарказма.

— Тристан помимо основного бизнеса занимается благотворительностью, он отчисляет средства на счета детского приюта для детей-сирот, а я в этом приюте помогаю волонтерам, как представитель Тристана. И всё, больше я с ним не связана ничем. Вчера я была в казино только, чтобы решить текущие дела по приюту, потому что сегодня в час дня мы его официально открываем и представляем спонсоров.

— Благотворительностью? — Питер посмотрел на меня в искреннем удивлении и задумчиво провёл рукой по щетине. И мне тоже жутко захотелось её потрогать, ощутить, колючая или мягкая. Но я осеклась, понимая, что мысли уводят меня опять не туда.

— Да. Я стараюсь не подпускать его близко к себе. Тристан Корс у меня вызывает страх и отторжение.

— Тогда почему ты этим занимаешься? Почему именно с ним? Ты же можешь быть волонтером от вашей танцевальной школы.

Я на секунду задумалась. А стоит ли ему рассказывать о Дженне? За последнее время эта девочка для меня стала чем-то схожим с драгоценностью, и делиться этим даже с Питером я не посчитала нужным. Он не впустил меня в свою жизнь, а значит, нет смысла раскрываться и мне.

— Танцевальная школа тоже помогает, чем может. Но, Тристан Корс главный источник финансирования, поэтому без него никак, — я замолкаю, смотрю на задумчивого Питера. — Мы, мы просто помогаем детям, здесь нет ничего такого. А зачем тебе Корс? Чем он тебя так заинтересовал? — озадаченно смотрю на Питера.

— А вот об этом я не могу сказать, Аманда. Это может быть слишком опасным. Да я и сам еще толком не знаю. Если ты действительно не связана с Корсом ничем, кроме того, о чём говоришь, тогда тебе лучше и оставаться в неведении, как я и сказал, это может быть очень опасно.

— Но я уже сижу рядом с тобой сейчас. Это не опасно? Если вы оба в чём-то таком повязаны, то это же и меня коснётся, верно? — нервно оглядываюсь по сторонам, в поисках и сама не знаю кого или чего, что могло бы вести за нами слежку.

— Ты что-то ищешь? — не скрывается от его глаз моя реакция.

— Ну... не знаю... камера, слезка, типа того.

— Ммм, нет, не думаю. Если только ты обо мне ничего не говорила Корсу, — он внимательно смотрит мне в глаза, — ничего такого не должно происходить, я не засветился. Я проверял. И я тебя очень прошу, Аманда, детка, этот человек очень мутный, не связывайся с ним, помимо помощи детям, ты мне обещаешь? — в его взгляде мелькнула нежность, и забота, совсем не свойственная ему сегодня.

Он тянется рукой к моему лицу, но потом, как бы замирает, и резко возвращает её назад, и уже чуть тише произносит, — я прошу, будь осторожна.

Я сделала вид, что даже не заметила его этих движений, а как бы мне хотелось прижаться щекой к его мозолистой ладони, ощутить его тепло, ласку. Всё, стоп, стоит вернуться на землю. Это я уже проходила. И я задаю не менее тревожащий меня вопрос:

— Насколько это опасно? — при этих словах мой голос задрожал, явно выдавая нахлынувшую тревогу, я тяжело задышала. Хорошо, что сижу, потому, что колени стали подкашиваться. Насколько все так опасно для нас?

— Я не могу больше ничего говорить, прости, для твоего же блага, — с тревожным выражением Питер осматривается.

— Хорошо, — смутившись, я отвожу глаза в сторону и киваю. — А мы? — вырвалось из меня как-то сдавленно. Я всю эту встречу старалась владеть собой, но всё-же не выдержала, снова наступая на те же грабли и вороша прошлое.

— Нет Аманда, я не изменил своего решения. И я не стану подвергать тебя опасности.

Я горько усмехнулась и сцепила пальцы, чтобы унять дрожь. Как благородно! Прямо рыцарь в доспехах. Только вот кого спасут эти жертвы? А если я уже в опасности?

— А ты не подумал, что можешь подвергнуть меня опасности этой встречей?

— Нет, Аманда, сейчас всё под контролем.

Но в это уже слабо верилось. Я уже догадывалась, что если он захотел со мной встретиться, то информации у него мало, а он сам совсем не защищён. Но и выпрашивать я ничего не могла. Наш разговор заходил в тупик. Я посмотрела на часы на своем запястье — время подходило уже к 10 утра.

— Мне через час необходимо быть в приюте. — Я сама удивилась, насколько сухо это прозвучало. Да, такая вот простая констатация факта из жизни, когда ты знаешь, что все эмоции здесь просто излишни. — Я пойду. — И достав кошелек, открыла оставить пару купюр за сок.

— Аманда. Прекрати. Я сам расплачусь. Уходи... — прозвучало приказным тоном, и я подняла глаза, снова встретившись с колючим взглядом тёмных глаз.

Не став спорить с Питером, заранее уверенная в своём поражении, я положила кошелек назад в сумочку.

Уже развернувшись и шествуя к выходу, я расслышала тихо сказанное «Прости». Было ли это вправду сказано им или всего лишь показалось, но между нами пролегла пропасть непонимания, а теперь еще и добавившихся опасных тайн.

Дорога к дому в очередной прокрутке разговора с Питером показалась мне очень короткой. Так же быстро я собралась в приют. Оставалось ждать машину с Тристаном.

По пути в приют я смотрела в окно, перемолвившись с Тристаном всего несколькими фразами.

— С тобой всё хорошо? — окликнув меня, Тристан накрыл своей ладонью мою. Я

повернулась к нему и попала под острый и внимательный взгляд.

— Да, просто задумалась. Ну и... — я немного поёжилась, — немного волнуюсь, — соврала, чтобы попытаться скрыть мои истинные мысли, — для меня такое впервые.

— Всё будет отлично, нам только нужно улыбаться перед фотокамерами, и ответить на вопросы журналистов.

— Звучит так буднично, — я иронично улыбнулась, — как будто ты каждый день такое делаешь.

Тристан ничего не ответил, а только ухмыльнулся в ответ. Всю остальную дорогу до приюта мы доехали молча.

До официального начала оставалось около получаса. Тристан был полностью поглощен телефонным разговором, а я подошла к управляющей приюта. Всё было готово к официальному открытию, даже пресловутая красная лента, казалось бы, в этом случае находившаяся совсем не к месту, но тоже красовалась у входа.

— Спасибо Вам, Аманда, — с благодарным взглядом посмотрела управляющая, наши дети очень благодарны вам, за то, что Вы дарите им будущее.

— Я... — увидев на её глазах слёзы, я запнулась. В горле запершило, а слова застряли комом. — Что Вы, я все лишь посредник. Это средства двоих бизнесменов, я просто помогла Вам их получить и распределить.

Краем глаза я заметила приближающуюся мужскую фигуру. Слегка повернувшись, я увидела небольшой микрофон, прицепленный к нагрудному карману пиджака и бэйдж. Это был представитель прессы.

— Добрый день, — с вежливой улыбкой поздоровался невысокого роста мужчина, — мы готовы. Во сколько начинаем?

Я обернулась к Тристану. На его месте стояла та самая брюнетка, которую я видела и раньше в его окружении. Часто бывая с Тристаном, решая вопросы приюта, я уже знала немного его людей. Девушку звали Триш, она работала в охране Тристана. Странно было видеть всего одну девушку среди мужчин, но именно её я и запомнила больше остальных. С настороженным, а порой далеко недружелюбным взглядом, деловой осанкой и мужской выдержкой, она выглядела угрожающе и совсем не уступала мужчинам. Но среди них, грубоватых и сдержанных, эта очень красивая брюнетка выглядела королевой. И почему-то именно она вызывала во мне какое-то непонятное чувство тревоги. Я старалась держаться от неё подальше. Но сейчас мне ничего не оставалось, кроме того, как подойти к ней, найти Тристана.

— Триш, — обратилась я к девушке, — все готовы начинать. Нужно найти Тристана.

Девушка молча кивнула и что-то тихо стала говорить в микрофон, прикрепленный к карману пиджака.

Не став дожидаться Тристана возле Триш, я снова подошла к управляющей, стоящей рядом с трибуной.

Она уже взволнованно переминалась с ноги на ногу и посматривала в бумажки, перебирая их дрожащими руками.

— Всё будет хорошо, — подбодрила я, — просто говорите, что думаете и чувствуете.

— Аманда, Вы же потом сможете остаться? — вдруг спросила управляющая.

— Остаться?

— Да, Дженна спрашивала о Вас.

О Дженне я думала ещё вчера, что непременно встречу с девочкой. Слишком много

событий произошло за последнюю неделю и как-то это нужно Дженне объяснить, что я совсем не забыла про неё.

Теперь мне кажется, что я забыла о всех: Дженне, Хез, я даже с мамой теперь редко говорю. Одолевало какое-то чувство вины. Разбираясь в своих собственных проблемах, я совсем забыла про близких и родных мне людей.

— Я найду к ней.

Включились камеры, замерцав ярким светом, послышался стук и шорох проверяемых микрофонов. У крыльца приюта воцарилась тишина и управляющая начала свою речь.

Рассказав о приюте и его воспитанниках, она перешла к их нуждам и отчету, что мы смогли уже сделать. А работа была проведена не малая. Даже я задумалась, что за моё, пусть даже и короткое пребывание в приюте, что-то во мне изменилось, и я стала иначе относиться к детям. Они стали мне намного ближе и я их больше понимала, чем до этого момента, преподавая в школе танцев родителей. Возможно... всё это было из-за Дженны.

Когда управляющая передала слово Тристану, он взошёл на небольшую трибуну, официально заявив о намерениях обеспечивать воспитанников приюта всем необходимым, и представил меня, как представителя от своего благотворительного фонда.

Но я не готовила речь. Встав у трибуны рядом с ним, я поблагодарила его за оказанное мне доверие и заверила управляющую, что мы и далее будем поддерживать детей и оказывать им не только материальную, но и помощь социально-психологического характера.

Понимая, что на пресс-конференции лишняя и оставив за столом Тристана с управляющей приюта, я вышла из зала и пошла в сторону группы, где была Дженна. Постучав в дверь, я немного приоткрыла её в поисках воспитателя.

— Мисс Линдсей? — сидя за столом и обернувшись, улыбнулась воспитатель, — Здравствуйте.

— А где я могу найти Дженну? — я оглянулась, но комната была пуста, детей в ней не было.

— Они сейчас с психологом выполняют задание, но скоро вернутся к обеду.

— Ага, понятно, спасибо. — Прикрыв дверь, я снова побрела назад в зал.

Тристан всё ещё отвечал на вопросы. Мне оставалось только ждать окончания пресс-конференции. Я уселась на своё место. Тристан немного придвинулся ко мне.

— Где ты была?

— Интересовалась делами детей у воспитателей, — пришлось соврать. О Дженне я ему не хотела говорить.

В зал тихонько приоткрылась дверь и несмело заглядывая, психолог приюта негромко окликнула меня.

В холле меня ждала Дженна всё с тем же плюшевым медведем.

— Ну что? — психолог посмотрела на Дженну, — дать вам время поболтать?

— Да, — я улыбнулась вначале девочке, а потом психологу, — если можно.

Дженна обидчиво на меня смотрела, почти спрятав лицо за плюшевым мишкой, только глазки и носик выглядывали из-за большой медвежьей головы.

— Привет, — я присела на корточки и виновато перед ней улыбнулась, — ну да, знаю, я — пропажа. Джен, просто взрослая жизнь она предполагает много дел и забот. Поверь, я не забыла о тебе и нашей дружбе.

Обидчиво глядя, девочка ещё сильнее прижала себе медведя.

— Ну прости, малышка.

Девочка молча подошла ко мне и взяв за руку, повела в сторону комнаты, куда приходили будущие родители на встречи с детьми, над которыми хотели оформить опеку.

— Ты долго не приходила, — Дженна посадила медведя рядом с собой, усевшись на стуле. Я присела на корточки перед ней.

— Знаю, Джен. Как тебе проще объяснить, даже не знаю, — я тяжело вздохнула, — слишком много всего навалилось на меня в эти дни, и мне было тяжело, очень тяжело. Я же пропускала репетиции, а сейчас нужно всё нагнать, ведь скоро гастроли нашей группы, нужно будет с выступлениями уехать.

— А мы вот, делали сегодня, — она вытащила из кармана что-то небольшое и протянула мне. Это был бумажный цветочек. — Это тебе.

В дверях раздался стук, она открылась, и вместе с управляющей в комнату вошёл Тристан.

— Аманда, мы закончили, можем ехать. — Он глянул на Дженну, затем на меня и опустил взгляд на мою руку, держащую подарок от Дженны.

Я машинально развернула ладонь, пряча цветок и глянула на Дженну. При виде Тристана она съежилась. Да уж, Тристан и у меня вызывал то самое чувство — опаску.

— Да, я сейчас. Дай мне пару минут.

— Я буду в машине.

— Джен, мне пора, — виновато глядя на девочку, я погладила её по голове, когда за Тристаном закрылась дверь.

— Это твой муж? — спросила девочка.

— Нет. Это... скорее мой начальник. И именно благодаря ему я познакомилась с тобой.

Дженна встала со стула и оказалась впрытык ко мне.

— А ты еще приедешь?

— Конечно, — взяв девочку за руку, я посмотрела в доверчивые детские глазки, — послушай Джен, есть обстоятельства и люди, от которых я завишу, но к тебе я обязательно приеду, хорошо?

— Хорошо, — малышка кивнула.

Передав девочку психологу и сев в машину, я попала под пристальный и заинтересованный взгляд Тристана.

— Ты интересуешься этим ребёнком?

— Да.

— Зачем тебе этот ребёнок?

Я задумалась. Даже не могла объяснить, просто что-то было такое в этой девочке, что меня притягивало. И мне снова хотелось её увидеть и просыпалось чувство вины, что я что-то для неё не смогла сделать.

Тристана отвлек телефонный звонок, а я всю дорогу сидя в машине думала, а что если Дженна была бы со мной. И я стала представлять, как мы обедаем за семейным столом, как я везу Дженну в школу, хожу с ней по магазинам, как мы занимаемся на уроке танцев, как мы сидим на побережье океана или я читаю ей сказку перед сном. Интересно, как бы это было?

Договорившись с Тристаном о встрече на завтра, я вышла из машины у своего дома. Тристан ещё раз взглянув на меня, поднял стекло и машина уехала.

Я вошла в дом. Родителей не было. Прислонившись к косяку с ощущением внутренней разбитости, я взглянула на одиноко стоящую мою сумку с вещами для репетиций.

— А теперь к Эмили, — тяжело вздохнув, я оттолкнулась от дверного косяка и поднялась на лестницу переодеться.

Быстро сменив выходную одежду на более повседневные джинсы со свитером и захватив сумку, я выехала на своей машине к студии. И оказалась последней, кого все ждали. Линда с Крисом отрабатывали поддержку, Эмили была рядом с ними, а Сэм, покачиваясь на стуле, что-то увлеченно смотрел на мобильном.

— Привет, — тихо поздоровавшись и стараясь не привлекать к себе лишнего внимания, я пошла в примерную переодеться. Сейчас я попробую отвлечься.

Уже на сцене, поправив гетры, я повернулась к Сэму.

— Готова?

— Да. — Я подаю Сэму руку, и он раскручивает меня.

— Сейчас повторим старое и перейдём к постановке новых элементов, — слышится снизу голос Эмили. Она включает запись и поднимается к нам. — Аманда, осанка! — громким шлепком хлопает меня по спине, — держи спину ровно! Линда, разворот! Девочки, на меня, на меня идём!

Заученные и отточенные элементы я выполняю, как робот. Снова думаю о Дженне. А что, было бы неплохо и сюда её взять.

— Аманда! — прорывается в моё сознание строгий голос наставницы, — да что с тобой! Ты совсем меня не слышишь!

— Прости, — одернувшись, оглядываюсь на Сэма и становлюсь в позицию, выставленную Эмили у Линды.

Всю дальнейшую часть репетиции я стараюсь как можно больше сосредоточиться на музыке, но мысленно я снова далеко и это не уходит от Сэма. По окончании он ловит меня в дверях, уже на выходе из студии.

— Ты на машине?

— Да.

— Можно я тебя проведу?

— Да, — пожав плечами, я закидываю сумку на плечо, — пойдём. Ты что-то хотел?

Сэм мнётся.

— Я... не знаю, как тебя спросить. Не моё дело в такое лезть, но с тобой явно что-то творится и ты не можешь нормально работать. Изучив, какой ты профессионал, я знаю, когда ты сосредоточена на танце, а когда на чём-то другом. Что-то случилось? Это из-за Корса?

— Нет, Сэм. Это совсем другое, но это действительно не твоё дело, — я враждебно смотрю на Сэма, вспоминая наш прошлый разговор о Тристане.

— Не отталкивай меня, я просто хочу помочь. И хочу извиниться за свои нападки, я знаю, что был не прав, но слов своих назад вернёшь.

Не знаю, обижаться ещё и на Сэма — это будет уже перебор. А может он и действительно хочет извиниться.

— Хорошо Сэм, — тяжело вздыхаю, и слабо улыбнувшись, кладу руку на его плечо, — правда, всё хорошо. Просто много всего навалилось, устала немного, не выспалась. Спасибо, что беспокоишься обо мне. Не волнуйся, я не подведу на выступлении, всё будет как всегда.

Попрощавшись с Сэмом и заверив его, что со мной вроде как всё хорошо, сажусь в машину и, доехав до дома, я первым делом направляюсь в ванную. Тёплый душ мне всегда помогал, он служил ширмой, за которой можно было скрыть свои эмоции и заплакаться

вдоволь.

Но в этот раз я не плакала. Тонкими струйками стекая, вода словно уносила все невзгоды и печали, и всё стало таким незначительным. Боль притуплялась, уходило отчаяние, напряжённые мышцы уставшего тела расслаблялись. Я подставила спину под струи, массируя плечи. За день я была уставшей, а недосып с прошлой ночи уже давал о себе знать.

Из душа я вышла сонной и расслабленной. Высушив волосы, я подошла к комоду. Взгляд упал на отражение клатча в зеркале, лежащего на моей кровати. Обернувшись, я взяла клатч и открыла. В нём, на самом дне лежал слегка примятый подарок Дженны. Бумажный цветочек, сделанный детскими ручками. Подарок для меня.

На душе стало тепло.

Я легла в кровать, положив в изголовье подарок. То ли мне казалось, то ли он действительно меня согревал, и за последние ночи впервые слёз больше не было. Я засыпала с улыбкой на лице.

Глава 12

Yellawolf-Louder

Питер

После нашей встречи и разговора с Амандой, я ещё больше запутался, не зная, могу ли я доверять ей.

То ли девчонка действительно ничего не знает о темных делишках своего босса, то ли хорошо скрывает правду, умело играя в невинную жертву.

Вновь и вновь возвращаюсь к нашей встрече и все заново анализирую. В ее взгляде отражалась преданность, боль, печаль, и что-то еще, что я до конца не смог разобрать. Нет, это не может быть наигранным. Как она вспылила на мои обвинения, все было так реально, ее сбивчивое дыхание, несвязная речь в порыве гнева. Нет. Она не могла меня предать. А если это всё тонкая игра, которая на руку Корсу, заманить меня в ловушку? А если нет? Если она и правда любит меня? Чёрт. Чёрт. Чёрт. Голова идет кругом от всех этих вопросов. Что мне делать дальше? Как бы там ни было, мне надо с этим разобраться и как можно быстрее, а не вестись, как это произошло в кафе, и я потерял контроль над собой.

В моем воображении вспышкой мелькает картинка, где она с ним в обнимку, в кровати, счастливая и улыбающаяся.

Внутри разгорается пожар. Перед глазами всё багровеет и плывёт. Не моя. ОНА. НЕ МОЯ!

Во внезапном приливе ярости я одним рывком сметаю все бумаги со стола. Бумага с шелестом парит в воздухе и ложится на пол. Сердце, ускорив свой ритм, сильнее гоняет кровь по венам, и стук его отдается в висках.

— Твою мать! — Тяжело дышу, откинувшись на спинку кресла и пытаюсь восстановить душевное равновесие. В горле першит, будто его сжимают в тиски.

Чёрт, как же тяжело видеть её рядом с другим, как он прикасается к ней, как владеет

ею. Похоже у меня помутнение рассудка. Хочется взвыть от внезапного накотившего гнева и отчаяния. И в бессилии что-либо сделать, пытаюсь обуздать свои чувства, я сжимаю руки в кулаки. Из горла вырывается рык хриплого дыхания.

Нет, это нельзя допустить! Я ... не позволю, не смогу с этим жить и мириться. Аманда, детка, зачем же ты влезла в эту темную и опасную игру?

Прислонившись лбом к холодному металлу стойки у стены, рядом со столом и закрыв глаза, я дышу, хватаясь за остатки здравого рассудка, покидающего меня, когда речь заходит об этой девчонке.

Почему? Ну почему она так засела у меня в голове? Нет, не в голове. Глубже. Гораздо глубже... Я трогаю свою грудь в области сердца. Ноет, щемит... вот тут она засела.

Тишину комнаты пререзает громкая раздавшаяся мелодия на моем мобильном, отвлекая меня от дальнейших размышлений. Пришёл билет на самолёт в Сан-Диего.

После моего доклада о непредвиденных обстоятельства в виде появления Аманды, Дженс решил отстранить меня от дела, но установил слежку за Корсом. Хотя Дженкс и настаивает на моей отправке домой, я не могу все так бросить, не выяснив до конца, насколько это опасно для Аманды. Я должен быть уверен, что с девчонкой всё будет хорошо, и она не влипла из-за меня в передрагу. К черту все эти перестраховки Дженса.

Проверяю временный денежный счет. Денег должно хватить на еще одну покупку оружия. Время играть Ва-Банк и сегодня в моих намерениях снова появиться в этом гребанном казино, проверить все самому. В любом случае уже ясно, что если Аманда рассказала Корсу, что за ним слежка ФБР, то всех последующих ребят будут проверять, если же она меня не выдала, значит, дело можно продолжить расследовать.

Оделся я непримечательно, в джинсы и рубашку, как было задумано изначально по нашему с Дженсом плану, и был у казино к 11 вечера. Намереваясь зайти, я проехал по дорожке ко входу и остановился у охраны с металлоискателями. Предстояло пройти очередную процедуру обыска.

Один охранник подошёл ко мне, второй заговорил в микрофон. Металлоискатель, как обычно, запищал. Меня стали обыскивать и проверять кресло со скрупулёзностью и тщательностью, чего раньше не делали. Это было странным и тревожным. Я напрягся. Уровень адреналина в крови подскочил, отдаваясь громким биением сердца.

Черт. Неужели, я ошибся...она все-таки меня сдала? Если это так, то меня сейчас обыщут по-полной, а дальше уже вариантов несколько: могут просто не пустить в казино, а могут и задержать. Пытаясь оставаться хладнокровным и не выдавать тревогу, я молча подчинялся приказам. Проносить с собой оружие в казино запрещено и если кто-то из них сейчас нащупает замаскированную кнопку, то найдёт потайное отделение и небольшой нож, который всегда находится в нём.

Но, к моему везению, всё обходится. Осмотрев моё кресло, охрана пропускает меня в зал. Не сопровождают. Озираюсь по сторонам. Не преследуют. Странно. Тогда к чему была проверка?

Полон подозрений, подъезжаю ко входу в игровой зал. Это место полно всяких гребанных интриг и тайн. Осматриваю основное место пребывания хозяина казино, Корса не видно. Но нет, не он меня волнует. Нет его, а значит, не будет и её.

И хладнокровие снова меня покидает. Криво усмехаюсь. Но улыбка больше похожа на оскал. Самонадеянный идиот. Время жить реалиями. Ты сам её оттолкнул, а теперь ищешь, утешая себя, что она не в постели с другим. И веришь её словам, до сих пор веришь...

Сегодня в зале нет и торговцев. Всё как-то слишком подозрительно. Если они все в курсе, что ими заинтересована разведка, тогда почему меня не задержали прямо на входе. Возможно, они тоже следят и выжидают. Ждут следующий мой шаг. А у меня вариантов больше нет. И сегодня я просто обычный игрок, прожигающий содержимое своих карманов.

Присоединившись к игре в рулетку, ставлю 50 на красное. Волчок крутится. Все с придыханием глядят на стрелку и крупье. Еще момент, и кто-то будет выигрыше, а кто-то останется не у дел. И я затаив дыхание, жду исхода.

В кармане вибрирует мобильный. Я вздрагиваю от неожиданного звука, но не удивляюсь. Я знаю, что это Дженс. Самолёт уже прибыл в аэропорт, но меня там не увидели и уже доложили обо всём ему.

Поднимаю трубку, не сводя глаз с рулетки.

— Мать твою, Дэвис! Какого хрена ты творишь? — орёт Дженс — Решил поиграть в героя? Холодильники пропали, сегодня их вывезли со склада. Я собирался тебе сказать уже на месте. Скорее всего, она тебя сдала, твоя эта Аманда!

Я словно громом поражённый. Сдала? Нет, я не могу в это поверить. Не могу поверить что она проверяла меня. Факты ведут к этому, но она ли это?

Я раздавлен. Снова женщина меня растоптала. Сколько раз я зарекался не доверять женщинам, не связываться с ними, а просто получать физическое удовольствие от них и жить для себя.

Сколько набивал шишек. И снова. На те же грабли. Но я цепляюсь, как утопающий, за последнюю соломинку. Вдруг все же это не она? А вдруг и она простая пешка в этой игре?

— Ты точно уверен? Вы проверяли её?

— Нет, не уверен. Но ты можешь быть в опасности, Питер. Какого черта ты там остался? Ты понимаешь, что все обстоятельства играют против тебя? Тебе нужно убираться оттуда, пока это всё не кончилось плохо. Мы немного выждем и продумаем новый план действий.

— Я сейчас в казино, — выдаю чётко и кратко, понимая, что за мной могут наблюдать и прослушивать. Грубо выругавшись, Дженс тяжело и шумно дышит в трубку.

— Самоубийца. Сам лезешь на рожон, — повисает пауза. Дженс выдохнув, более спокойно добавляет. — Я понял, ты решил сам разобраться. Прошу, будь осторожен.

Дженс понял, что отступить я не намерен. Не сейчас, когда зашёл слишком далеко. Слишком хорошо он меня знает.

Игру за игрой, я не покидаю стол. Сам не знаю, чего жду. Сыворотку вывезли. Ни Корс, ни торговцы оружием так и не появляются. Противно осознавать, что это дело для меня проиграно и что вокруг пальца меня обвела какая-то девчонка, да еще и та, которой удалось залезть мне глубоко в душу.

Закончив играть к 2 часам ночи и опрокинув три стакана виски, я вызвал такси и поехал к себе в номер. Состояние было паршивое. За вечер никто так и не появился, а мысли о том, что Аманда меня предала, словно сжирала заживо.

Подъехав к двери своего номера, я вставил ключ-карту в отверстие. Дверь открылась.

В номере было тёмно, но по силуэтам вещей и мебели, признаков явного обыска не наблюдалось. Всё было в таком же порядке, каким я его оставлял.

Я развернул кресло, закрыть дверь и глянул через плечо. Нет, мне не показалось. Что-то было не так.

Резко развернув кресло лицом к комнате, я замер. Затаив дыхание, попытался

сосредоточиться, чтоб максимально обострить свои чувства. Прищурившись и настороженно вглядываясь в темноту, я осмотрелся. В это же время в простенке между окнами что-то зашевелилось.

С тревожным чувством, я стал всматриваться в отделяющуюся от стены тень, лихорадочно при этом соображая, успею ли нажать кнопку на боку сидения и с тайного отсека достать небольшой нож.

— Кто вы? — Наконец могу рассмотреть отделившуюся в темноте фигуру. По очертаниям женская.

— Здравствуйте Питер. — Негромко стуча каблуками по ламинату, женщина подходит к дивану, и сев на него, кладет ногу на ногу. Тянется рукой к ночнику, стоящему на небольшой тумбе рядом с диваном и включает свет. Освещенную неярким светом, теперь полностью отчетливо вижу высокую длинноволосую брюнетку в темном деловом костюме и туфлях на высоченных тонких каблуках-шпильках.

Брюнетка возвращается в предыдущее положение. Её движения, чёткие, точные. Тело гибкое. Взгляд проницательный и жёсткий. Всем своим видом она напоминает кошку.

— Вам это без надобности Питер, но всё-же представляюсь. Меня зовут Триш. И я пришла поговорить... — брюнетка, с вызовом глядя мне в глаза, вскидывает бровь — пока что.

Она что, мне угрожает? Первым был Ривз, а теперь добрались уже и до меня.

— Тристан Корс мне угрожает? Неужели моя задница в казино портит ему все планы?

— Нет Питер. — Брюнетка улыбается. — Он и вовсе о Вас ещё не знает. Я знаю, что Вас интересует — сыворотка. Но ФБР занялось немного не своим делом. Ривза просто припугнули, и только ради того, чтобы он бросил это расследование. А он втянул ещё и Вас.

Я потрясен. Обезоружен. Она знает слишком много о нас. Значит она либо одна из нас, либо агент из других спецслужб. Иначе она бы таких секретных сведений просто не знала бы.

— Вы не похожи на агента ФБР. ЦРУ?

Из уст девушки вырывается смешок.

— Ну... не совсем так.

— Не надо со мной играть. Раз уж Вы здесь... Я же понимаю, что за Вами стоят не совсем простые люди или крупная организация..? Такие сведения засекречены, и простым смертным их не разглашают. Кто Вы? Что Вам от меня нужно?

— Ну... скажем, хочу Вас предупредить. Дружески, — она улыбается уголками губ, но глаза остаются серьезные. — Мне кое-что удалось выяснить про Вас, Питер, — она замолкает и смотрит на меня, проверяя мою реакцию на ее слова, — Вы — отставной морпех, «Герой страны», Вам не зачем

в это влезать. Не втягивайтесь в это дело сами и заберите ваших ребят, мой Вам совет. Останетесь целы. Для вашей девушки.

— Моей девушки?

— Да. Мисс Линдсей. Ваша встреча в кафе...мне показалась, не совсем была дружеской, скорее... — брюнетка слегка наклоняет голову набок и умолкает.

Вот черт. Сам потерял сноровку и не ушел от слезки, так еще и Аманду потянул за собой. Вот дурак. Лихорадочно начинаю думать, что ответить этой Триш, чтобы Аманду не впутывать.

— А вот тут Вы ошибаетесь, Мисс Линдсей — моя давняя знакомая, подчеркиваю,

просто знакомая из моего прошлого, и эта встреча в кафе... просто встреча друзей, ничего большего. Она работает на Тристана Корса, и ничего о расследовании не знает, и к этому делу не имеет ни малейшего отношения.

— О! — она ехидно улыбается, — Успокойтесь Питер. Да, так и есть, Мисс Линдсей не знает о сыворотке. А Тристан Корс тоже в этом деле фигурирует только как посредник, такая себе перевалочная станция. Ему это выгодно со своей стороны — нам со своей.

— И что будет с сывороткой? — Хочу увести разговор об Аманде и акцентировать внимание на сыворотке, потому быстро задаю свой вопрос. — Повыгоднее продадите? Запустите эпидемию? Что дальше? Зачем Вам спасать ФБР-щиков, если может быть задумано, что-то против целой нации?

— О нет-нет, — она смеётся. Поверьте, хозяин сыворотки не псих, у него нет в планах чего-то жуткого из разряда фантастических фильмов. Эта новая формула оружия просто в разы ускорит захват территории. Да, она интересна всем, но те рефрижераторы, что были выкрадены у хозяина, стояли у Тристана на хранении. Он их поймал, как перекупщик, но узнав, что хранится в капсулах, безоговорочно вернул назад. Он местный бизнесмен, даже ему не нужно таких проблем, которые несёт за собой эта сыворотка.

— А то убийство на улице? Именно оно привело Ривза к этому складу.

— Да, но это обычные уличные разборки. Они никак не связаны с нахождением сыворотки на складе.

— Допустим. Но почему такая слежка за мной? Почему вы следили за мной?

— Потому что это дело гос. важности Питер. Более чем одной спецслужбы или торговцев оружием в пределах страны, моя задача отследить действия каждого, кто хоть как-то причастен к этому делу.

— Хорошо, я понял Вас. Мне бы не хотелось, чтобы из-за меня и моего расследования были неприятности у моих друзей. Та девушка в кафе, Аманда, она действительно просто друг. Я не хочу чтобы ее вовлекли во всё это из-за нашей встречи. Если я брошу расследование и уеду, она не пострадает?

— А что Вас смущает? Будет танцевать и заниматься детьми, как и до этого.

Я пытаюсь уловить суть этого дела, но ничего так и не проясняется. Слишком уж хорошо брюнетка всё рассказывает. Слишком миролюбиво всё, как для торговцев оружием. Но и распутывать дальше это дело уже мы не сможем, нас рассекретили продажные крысы из нашей же службы, причём не из низов, а именно те, кто имеет доступ к засекреченной информации.

— Хорошо, я вернусь в Вашингтон. — Вижу пока единственный выход из ситуации.

— Вот и ладненько. Отправляйтесь домой Питер. — С этими словами брюнетка встаёт с дивана, неторопливо идет к двери, и не оборачиваясь выходит из номера.

Б*ять. Продажные. Сдали меня и Ривза. Или как это нынче принято говорить отстранили от дела, твари. От злости в жилах закипает кровь. Отвратное состояние, когда тебя предали.

И что теперь? Домой? Так и не узнав, кому это всё принадлежит и что планирует делать с этой сывороткой хозяин?

А Корс? Он только лишь поучаствовал, как посредник, и не причастен к применению сыворотки? Нет, не верю в это. Слишком всё красиво и приторно прозвучало. Но вполне достаточно аргументов для того, чтобы нас отстранить

Достаю мобильник из кармана и набираю Дженса.

— Питер.

— Нас рассекретили Дженс. Сдали наши же. Они знают обо мне и Ривзе всё. Всё, что мы брали из рабочей системы ФБР, следят за каждым нашим шагом. Я возвращаюсь домой. В ФБР не вернусь, только в квартиру за своими вещами, я не намерен просиживать штаны вместе с этими крысами под одной крышей.

Сперва Дженс молчит.

— Хорошо. Бери билеты на рейсы.

— Ривз может вернуться в Вашингтон, они его трогать не станут.

— Ты уверен?

— Говорят, что это было лишь манёвром его отпугнуть.

— А ты что думаешь?

— Дженс, конечно я им не верю, но и делать мне здесь больше нечего. Нам нужно отойти от этого дела.

— Ясно. До связи Питер. — Дженс завершает разговор.

Подъезжаю креслом к столу с ноутбуком. Включаю и заказываю билеты на перекладные рейсы. Три минуты и электронные билеты на моём имэйле. Уже сегодня я буду в Вашингтоне, а завтра... а завтра вернусь домой.

По прилёту в Вашингтон, собираю вещи. Включаю свой мобильный. На автоответчике нахожу сообщение о пропущенных звонках от Вернона. Ах да, та экспериментальная программа. Как-то я и забыл о ней. Но что с неё толку? Мне не помогла операция тогда, а что смогут сделать сейчас, спустя столько времени?

Набрав Грэнсфилда, старшего следователя, под чьим началом я был, я поставил его в известность о своём намерении уйти из ФБР.

— Почему, Питер?

— Всё у нас продано и любую информацию можно выудить. Нас с напарником рассекретили и сделали абсолютно беспомощными. Работать в своре шакалов и чьих-то прихвостней я не могу. Ни на кого невозможно положиться. Вы готовы идти на дело с неприкрытым задом? Я думаю вряд ли кто на такое отважится. Допустим, я пошёл, не зная что меня ждёт и чем кончится, но мне, калеке, терять нечего, а вот Ривзу? — на последних словах я повышаю голос.

— Питер, я всё понимаю, не горячись. Произошла утечка информации, но мы уже расследуем, кто это был. Виновные будут притянуты к ответственности и ликвидированы из органов. Ты же сам знаешь порядки.

Порядки... Непроизвольно горько усмехаюсь.

— Эти грёбаные порядки всё равно никого не останавливают.

— Питер, мы всё уладим. Разберемся. Не пори горячку, ты нужен ФБР. Давай я оформлю тебе отпуск. Ривз пока пересидит в Сан-Диего, пока это всё не уляжется. Вы парни рискованные, но я с вами не готов расстаться.

— Оформляй, как знаешь. В офисе я не намерен появляться. — Нажимаю кнопку отбоя. Желания связывать себя с ФБР больше нет. Снова сидеть в кабинете, за компьютером и знать, что дела расследуются для галочки. Или что тебя сдадут в любую минуту. Нет, не для меня работа среди крыс.

До рейса в аэропорт Манчестер в округе Беннингтона оставалось 4 часа. Вещи были уже собраны. Но смутное чувство тревоги терзало изнутри, подвергая сомнениям правильность моей поездки. Да, мне действительно ничего не оставалось кроме того, как отправиться

домой. Но, что будет с Аmandой? Надо какое-то время присмотреть за ней, чтобы она не пострадала из-за меня.

Снова просить Дженса? Нет, морпехов лучше сюда теперь вообще не втягивать. Макс тоже мне сейчас не помощник с беременной Хезер. А что если об этом попросить Вернона. Аманда ему тоже не чужая, пусть присматривает за девчонкой.

В нерешительности кручу в руках телефон. Остальные варианты мною отброшены и это пока единственный выход.

Набрав номер отца Хезер, считаю в трубке гудки, но хозяин номера не заставляет себя долго ждать.

— Здравствуй Питер. Ты всё-таки решился принять участие в нашем правительственном проекте?

— Нет Вернон. Я не думал об этом. Я звоню Вам по другому поводу.

— Я слушаю.

— Я больше не нахожусь в рядах ФБР и еду домой. Прошу Вас присмотреть за Аmandой она может быть попасть в беду, тут ее работодатель.... очень темная личность, не нравится он мне.

— Хорошо Питер, я понял тебя. А кто он, ее работодатель?

— Я не могу больше ничего говорить мистер Аддерли, это может быть опасным. Вы просто присмотрите за ней. Пусть за ней смотрит человек, не связанный со спецслужбой, но и ни во что больше не влезает.

— Я попробую Питер. Ты точно уверен, что хочешь домой? Пит...

— Я... я не знаю...

— Питер, я понимаю твои сомнения, но эта программа работает. Это же шанс для тебя.

— Я подумаю Вернон.

И вот, спустя три часа я всё думаю над вопросом Вернона... но уже сидя в самолёте Нью-Йоркского направления и глядя в иллюминатор. Не знаю, почему лечу туда, и чем всё это для меня закончится. Может быть и ничем. А что будет с Аmandой? Пройдёт время... Может она построит свою семью. А я... Может у меня появится шанс её охранять.

До самого прибытия в Нью-Йорк я думаю только об Аманде. С приземлением самолёта прохожу паспортный контроль и выезжаю в холл терминала. Среди встречающих замечаю человека с моей фамилией на табличке, и сопровождаемый им, еду в реабилитационный центр.

Моего сопровождающего зовут Люк. Он один из учёных, что разработали этот проект совместно с врачами-травматологами. Поговорив о моём случае с Верноном, он решил встретиться и показать мне всё сам. Чёрт, как я не люблю эти излишние церемонии. Это жутко раздражает. Зачем ещё раз мне напоминать о моей грёбанной беспомощности.

Мы въехали на территорию просторного парка с длинными аллеями, тянувшимися к небольшому пруду. Кое-где мелькали люди, кто на костылях, кто в креслах, сопровождаемые персоналом центра.

— Вечерние прогулки пациентов, — заметил мой интерес Люк.

Машина остановилась у самого входа в центр. Я выехал из грузового отсека машины и осмотрел здание. С виду оно напоминало обычный госпиталь в 7 этажей. Ко входу в здание был выстроен пандус.

— Желаете заехать через пандус или можем подняться на лифте?

— Пандус, — сухо ответив Люку, машинально нажал кнопку и кресло поехало. Взберусь

и по пандусу. На лифте пусть перевозят лежащих.

— На первом этаже у нас находится просторный холл, приёмная, небольшая гардеробная для посетителей и кафе, — затараторил Люк, — на втором тренажерный зал, комната для лечебной гимнастики, массажист, на третьем исследовательская лаборатория, операционный блок и процедурная, а начиная с четвёртого, куда мы сейчас направляемся, палаты для пациентов.

— Завтра утром за вами приедет Энн, ваша медсестра для сдачи анализов. Также завтра мы вас обследуем в лаборатории и поймём чем вам можно помочь и нашу дальнейшую программу, а сейчас отдыхайте. Кнопка вызова дежурной медсестры у вашей кровати, а также на пульте, который вы можете всегда носить с собой.

— Спасибо, — я кивнул Люку.

Дверь закрылась. Я сбросил сумку с колен. Одноместная палата, включающая в себя одноместную кровать, тумбу с ночником, телевизор на стене, небольшой столик, планку с вешалками для одежды, комод. За дверью справа оказался санузел. Если честно палату эта комната не напоминала вовсе, скорее номер в гостинице. Возможно это было именно для того, чтобы не чувствовать себя здесь, как в госпитале.

Дорога немного вымотала, хотелось расслабиться. Я включил ноутбук и давно позаброшенный плейлист Leo Moracchioli. Негромко послышались тяжёлые аккорды и я направился под душ.

Наконец удалось принять душ, что очень давно хотелось, но не было возможности. Как ни крути, но в этом месте, в отличие от моего отельного номера в Майами, здесь было продумано всё для таких, как

я, с поручнями, низкими подлокотниками и всё было под рукой.

Музыка так и осталась играть на фоне, когда я засыпал, очутившись в новом для меня месте. Сомнения всё ещё не покидали, они наоборот стали более явными. Я не знал, на что я надеюсь и за что пытаюсь уцепиться. Но что-то меня подтолкнуло приехать сюда.

Утром я встал спозаранку, отлично выспавшись, как не странно. Когда Энн вошла в палату, я успел принять душ и был уже одет.

— Доброе утро, мистер Дэвис. Меня зовут Энн, — робко представилась девушка. На вид я мог дать девчонке лет до 25. Из-под белого медицинского колпака выбилась прядь тёмных волос.

— Сейчас я возьму у вас кровь на анализ, и затем отправлю все в лабораторию. А мы с вами отправимся в смотровую.

— Доброе утро. — Я закатил рукав рубашки и подъехал к столу. Девушка подошла к столу и поставила на него небольшой кейс.

— Сожмите кулак и немного им поработайте. — Девушка немного покраснела, когда я подал ей локоть. Отчего-то она робела передо мной.

Она открыла кейс, взяла обеззараживающий раствор и распечатав шприц, обработала иглу.

Посмотрев и нащупав на руке вену, девушка поставила систему. По трубке потекла тёмная густая кровь. Энн вытащила из кейса 5 пробирок.

— Целых пять? — глянув на пробирки, я посмотрел на девушку немного в замешательстве.

— Эм...да, — замешкавшись, ответила Энн, — здесь и развёрнутый анализ крови, и глюкоза, и образцы на гормоны и биохимию. Мы делаем все образцы сразу.

— Тогда понятно, — я отвернулся в сторону окна. Смотреть на всякую трехмудь для забора крови не хотелось. За окном было солнечно. День обещал быть ясным и погожим.

Послышался щелчок, ко мне прикоснулась рука девушки и в локте защипало.

— Зажмите локоть, и подержите его в согнутом положении, пока кровь не остановится. — Энн поставила пробирки в кейс и закрыла его. — Я отнесу ваши образцы в лабораторию. Результаты будут готовы к полудню. А сейчас спуститесь, пожалуйста, на первый этаж, в процедурную. Вам сделают электрокардиограмму и ультразвуковую диагностику.

Всё утро прошло в разъезде из кабинета в кабинет. Анализов было масса. К полудню результаты всех анализов были готовы, и я въехал в смотровую, находившуюся в лаборатории, как отдельный отсек.

Энн оставила меня с Люком. Из-за большого монитора показался ещё один человек в белом медицинском костюме.

— Добрый день Питер, — седоволосый мужчина лет 55 протянул мне для пожатия руку. — Я доктор Фрэнсис Никсон. Энн сейчас поможет Вам лечь в камеру, где мы с Люком Вас осмотрим. В камере вам будем подаваться седативный газ, чтобы Вы уснули и смогли определить меру чувствительности нервных окончаний.

Ответив на рукопожатие ему и Люку, я повернулся к камере, на которой Энн нажимала кнопки.

Камера напоминала огромную трубу.

— Я буду в сознании? — я обратился к Никсону.

— Да. Безусловно, — заверил меня доктор. — Вы будете слышать, что мы с Люком говорим и какие вопросы задаём. — Этот газ будет действовать как местный наркоз, только частично отключая зоны чувствительности нервных окончаний. То есть мы проверим вас и в сознании и под анестезией.

Меня поместили в камеру. Не могу точно сказать, сколько провёл в камере времени. Оно словно остановилось. Ощущения были разные: в тазу и спине пощипывало, потом создалось впечатление, что через меня пропускают небольшой разряд тока и меня жутко трясло и лихорадило. А потом... А потом перед глазами всё сереет, плывёт и темнота. Кромешная, пугающая, беспросветная темнота.

Я слышу стон. Жуткий, болезненный. Не могу разобрать, чей стон. Мой?.. Нет, я не уверен... Голова как чумная, мысли хаотичные, перед глазами рябь... Тело онемело, не чувствую ни рук, ни ног. И всё-таки это не мой стон, а раздающийся рядом. Стараюсь повернуть отяжелевшую голову. Макс... Они наносят ему удары, один за другим, а он смеется им в лицо.

Видя, что я пришёл в себя, подходят ко мне. Но я не могу как-то защищаться и противостоять, я подвешен на тросе, обезоружен и обездвижен. Я просто мишень. Но я молчу, я не сдам ребят.

— Ммммммм, — стиснув зубы, я заглушаю рвущийся изнутри вопль и вздрагиваю. В мою ногу снова вонзается нож. Удары следуют один за другим. Боль адская. По спине снова проходит ток, который я не в силах вынести и я отключаюсь...

И снова темнота... непроглядная, сплошная чёрная мгла... Я сижу в этой мгле. Обездвижен. И нет из неё выхода. Мне некуда идти, но и себя я не чувствую. Я ничего не чувствую...

Светлеет... И снова туман, густой, окутывает меня клубами. Слышу шипение

отдалённым фоном, постепенно нарастающее и превращающееся в голос, далеко зовущий голос.

— Питер... Питер, Вы меня слышите?

Слышу. Но ответить не могу. Я не могу ничего сделать, но я уже чувствую. Чувствую невероятную тяжесть и меня ничего не слушается, но теперь я ощущаю своё тело.

В глазах немного рябит, но уже проясняется. Пытаюсь открыть. Пошевелить пальцами, не выходит. Хочу ответить доктору, но вместо слова могу только промычать.

— Я рад, что вы меня слышите Питер. У меня для Вас серьёзные новости, — громко по камере звучит голос Никсона, — прогноз вполне утешительный. Чувствительность ног окончательно не ушла, и мы попробуем восстановить Вам спину. К счастью, осколком от гранаты затронуты мягкие ткани. Конечно, он находится почти у позвоночника, но это не должно нам помешать для вживления нейростимуляторов. А сейчас отдохните, приходите в себя, и я жду Вас у себя в кабинете.

Глава 13

Аманда

Перед гастрольным туром, всю неделю Эмили заставляет нас появляться в зале с самого утра и репетировать до позднего вечера, не щадя ни нас, ни себя. Моя жизнь зациклилась на студии в постоянных изнурительных репетициях. Мы все уже на пределе человеческих возможностей. В студии витает, как мне кажется, не дух вдохновения танцем, а дух раздражительности и даже злобы. Но Эмили беспощадна — кто не может отработать новое движение, остается в студии до глубокой ночи. Сама же Эмили стала более жёсткой и нервной. Она, вдруг, решила внести в наш гастрольный репертуар новое веяние под названием «Стэп».

Не могу сказать, что это непосильно. Для нас это понятие вообще неприемлемо, иначе ты не профессионал в своём деле. Но мы теряемся в догадках, с чего Эмили, да еще перед самыми гастролями, менять репертуар. Определенно, что-то происходит, и это «что-то», сказывается на нас. Помимо этого изменился и гастрольный график, включив в себя две новых локации.

Мне порой даже кажется, что все как-то косо на меня поглядывают, не знаю, может это просто предрассудки и виной всему моя усталость от изнурительных репетиций. Не могу же я быть причиной таких перемен и моя деятельность с Тристаном.

Уставшая, на дрожащих ногах я выхожу на парковку, покидая очередную репетицию далеко затемно. Сев в машину, потираю ноющие суставы и, посмотрев в зеркало, сдуваю упавшую прядь со лба. Ну и видок у тебя Аманда. От усталости и недосыпания от ранних репетиций, образовались темные круги под глазами. Усмехаюсь. Красавица... что тут еще можно сказать. Да и ладно. Ну и пусть. Именно сейчас мне уже это не важно.

Эмили замучила просто. Сейчас бы тёплую расслабляющую ванну и спать. Завожу машину и еду домой. Эмили сжалилась над нами и на завтра всем разрешила денек отдохнуть от репетиций.

На утро я планировала заехать в приют и навестить Джен. За эту неделю я соскучилась по этой милой крохе, и она меня ждёт. Пару дней назад администратор разрешила девочке позвонить мне, и мы договорились с Джен о встрече. Заодно я хочу попрощаться с ней на

время своего гастрольного тура.

Тут я вспоминаю о Тристане. Странно. О нем уже давно ничего не слышала. Знаю, что Эмили получает невразумительные распоряжения от его человека. Я слышала как-то, Эмили разговаривала с этим связным, и по разговору поняла, что она чем-то очень не довольна.

Решаю набрать его сама, узнать, как продвигается благотворительная компания помощи приюту, но в трубке только слышатся одинокие гудки. Очень странно. Обычно он всегда берет трубку после третьего-четвертого гудка.

Утром, как и планировала, выспавшаяся и в хорошем настроении, впрыгнув в машину, я отправилась в приют. Денек выдался солнечный, небо без единого облачка. В приподнятом настроении от того, что сегодня увижусь с Джен, я мчусь в приют, превышая скорость. Быстрее бы.

Джен уже позавтракала и ждёт моего приезда. Захожу в холл, здороваюсь с персоналом. Джен вызывают из группы. Девочка подбегает ко мне и обхватывает, обнимая.

- Привет. Я скучала, — провожу рукой по волосам, уткнувшись в меня девочки.

Джен поднимает головку, и так преданно, как маленький котенок, смотрит мне в глаза.

— Привет. Я больше скучала, — улыбается Джен, и еще крепче меня обнимает.

Взяв меня за руку, она ведет меня в комнату для посетителей. Она такая смышлёная малышка.

Мы садимся за детский столик, и Джен показывает мне свои рисунки. У нее очень хорошо получается рисовать. Но я обращаю внимание, что рисунки все какие-то грустные, в темных тонах. У меня сжимается сердце. Хочется подарить этой милой крохе частицу доброты и тепла. Как же жаль осознавать, что у этой девочки нет мамы.

Я ей рассказываю про танцы, репетиции и Джен очень внимательно меня слушает. Иногда задает вопросы, и в её вопросах, всё, что мы считаем таким сложным, звучит так просто. Порой, кажется, что она меня понимает, как не понимают другие.

И мы говорим и говорим... а потом я оставляю её на целый месяц. Целый месяц с чередой выступлений и концертов.

И жизнь становится рутинной. Я живу от звонков домой к репетициям и выступлениям, и так по кругу.

Сэм постоянно рядом, он поддерживает, помогает, но, вопреки маминому предложению переключить своё внимание на него, я так и не смогла последовать её совету. Он действительно хороший друг и хороший парень, но как мужчина, он меня не будоражит, нет того чувства, когда сердце замирает, а потом грохочет от волнения и возбуждения, или нет даже намёка на взлет бабочек внизу живота. Может со мной что-то не так, а может поведение Питера, отбило у меня всякое желание к мужчинам. Я не знаю.

В один прекрасный день, я Сэму так прямо и сказала, что мы сможем быть только партнёрами по танцу и хорошими друзьями, но не более. Возможно, он понял, может и нет, не знаю, но, по крайней мере, больше нет с его стороны проявлений ревности и собственнических обвинений в мой адрес. И мне стало легче и комфортнее рядом с ним.

А Питер... Я знаю, что он согласился пройти лечение в реабилитационном центре. После нашей с Питером странной встречи в кафе, как-то неожиданно позвонил Вернон. Спросив как бы между прочим о моих делах, он мне о Питере и рассказал. Только это ничего не меняет. Мне больно. До сих пор. Почему именно меня угораздило влюбиться в этого эгоистичного, холодного мужчину..? Холодного ли? Ох... нет... совсем напротив, он очень горячий и темпераментный. А теперь остались только воспоминания... нам ведь было

хорошо вместе, я же чувствовала и видела, что ему со мной было хорошо, его эмоции многое мне говорили. А потом... он возвел стену, отгородился от меня и эта его безразличная маска на лице.

Опять наворачиваются слезы на глаза... не плакать... больше ни слезинки.

Тяжело вздыхаю.

Я так и не смогла его забыть, поэтому он и сейчас занимает мои мысли. Но звонить ему я не стану. Наша встреча в кафе стала большой и жирной точкой наших отношений и за эту черту я уже не переступлю.

Ну вот, такова моя жизнь. У меня есть любимое дело жизни, есть цель, когда ты стоишь на сцене после ошеломительного успеха, весь вымотанный, но и выложился ты на максимум, открыв зрителю свою душу, показав эмоции, заставляя его сопереживать. Зритель плачет. Софиты ярко загораются, зал встаёт и аплодирует стоя. Вот она и отдача. И этот момент эйфории не сравнить ни с чем. Но, когда отзвучат аплодисменты и погаснут софиты, ты идешь в гримерку, а потом ...пустота, и тогда понимаешь... Нет конечно же есть твёрдое родительское плечо, но все это не то, на душе пусто и одиноко... Что-то я сегодня совсем расклеилась. Наверное, уже соскучилась за домом.

Устала. Как же я устала. Ничего, осталась еще одна неделя. Всего одна неделя и я вернусь домой. И не будет этих удушливых залов, изнурительных репетиций, жёстких криков Эмили. Я возьму отпуск. И обязательно навещу Джен. Может мне удастся ее забрать и повести в парк или кафе-мороженное. Надо узнать у нее, любит ли она мороженное..? Надо проведать Хез с Максом, давно не виделись. Интересно, как там будущий папочка Макс..? Да и у Хез, наверное, животик уже вырос. Ой, как давно я их не видела, точно, надо съездить к ним. Вот приеду домой, созвонимся и обязательно навещу их.

Я мечтаю об этом каждый день, подбадривая себя в череду унылых серых будней репетиций и выступлений. Но настанет новый день, и я снова, как обычно собираюсь на репетицию.

Выйдя из душа, к удивлению, я не нахожу на столе мой мобильный. Странно, здесь же был. Осматриваюсь вокруг, где же я его могла оставить? А вот и он. Нахожу его на полу. Странно... Недоуменно смотря на экран, поднимаю.

Ого..!

Экран пестрит кучей не принятых вызовов от родителей, Эмили и разных незнакомых номеров. Ничего себе, я была в душе всего 20 минут.

Спохватившись, как ошпаренная, первым делом я набираю папу.

— Пап привет, что случилось?

— Аманда, чёрт возьми, — кричит не своим голосом отец, — где тебя носит?

— Я... — оторопев, от отцовского крика, который уже давно не слышала, пытаюсь оправдаться, — в душе была.

— Эмили набери и живо собирай вещи. Ваш босс... Тристан... — говорит отец уже спокойнее, — Аманда, он мёртв.

О Господи!

— Как..? — Ошеломлённо смотрю в одну точку, ещё не до конца понимая папины слова. Колени подкашиваются, и я ищу опору, чтобы не свалиться на пол, а дойти до стула. — Как..? Мёртв...?

— Ами, дорогая, мы не знаем подробностей. Но Майами всё стоит на ушах. Уже утром была полиция и оставила уведомление тебе явиться в участок для дачи показаний, ты же

тесно была с ним знакома.

— Да, да, конечно пап. Я сегодня, первым же рейсом вылетаю в Майами.

— Сообщи мне номер рейса, детка. Мы с мамой тебя встретим.

— Да, — произношу слабым скрипучим голосом. Дрожащими пальцами нажимаю кнопку отбоя. В оцепенении так и сижу на стуле, боясь с него подняться.

Тристана больше нет.

Сколько времени не было о нём слышно? Почти месяц прошёл. И на мой звонок он так и не ответил.

Я вспоминаю наши встречи в казино, его внимание ко мне, заботу и опеку. Я боялась этого человека, старалась держаться от него на расстоянии, а он... он был рядом, и вот... он мёртв...

Из горла вырывается громкий всхлип, и я закрываю рот рукой, заглушая рвущийся вопль из груди. Сердце отдаёт барабанной дробью, сотрясая грудную клетку. Меня трясет, и по щекам катятся безмолвные слёзы.

Но я не зря этого боялась. Было то, о чём я и понятия не имею. Весь его бизнес. Это казино... Тристана убили!

По телу пробегает дрожь, закрадываясь и пропитывая каждую частичку моего тела животным страхом.

О, Господи.... Питер... Его расследование связано с Тристаном. Меня накрывает волна паники. Сердце замирает. Хоть бы с ним ничего не случилось...

Дрожащей рукой набираю номер Питера, но он не отвечает. Гудки идут один за другим, а я сверлю глазами стену, названивая этому идиоту.

Ну где же ты? Почему ты не отвечаешь? Что делать..? Вернон! Точно, он должен знать, где Питер.

Я звоню Вернону, он был последним, с кем я говорила о нём. Отец Хезер меня успокаивает. К счастью Питер находится в центре, и ни в каких расследованиях не задействован.

Нервно повертев телефон в ладони, звоню Эмили. Она оказывается, уже все знает с смерти Тристана. Сегодня же мы вылетаем домой, уже отменены наши дальнейшие гастроли.

И вот спустя шесть часов, наш самолет благополучно приземляется в Майами, меня встречают родители, и я бросаюсь в их объятия. Накопившаяся усталость, переживания и стресс, вот и все, предел... у меня срывает последнюю заслонку. Всё, что я держала в себе до этого момента, вырывается громкими рыданиями в надежных объятиях моих родных.

А дальше началось расследование по убийству Тристана. Меня вызывают на дачу показаний, опознание деловых партнёров и других людей из окружения Тристана, как свидетеля по делу о его убийстве. Мама с папой не отпускают меня ни на шаг и всюду меня сопровождают.

И Сэм... всегда рядом, просто поддерживает меня. И я ему очень за это благодарна. Мы даже как-то сблизились с ним. Он, как и родители, очень переживает за меня. Сейчас, как никогда, мне нужен друг, настоящий друг, и я принимаю его поддержку.

Сегодня похороны Тристана. И я еду на похороны вместе с Сэмом.

Людей очень много, все молча стоят, но я никого среди них не знаю. Никого, кроме людей из казино, персонала детского приюта и её — холёной и сдержанной брюнетки, которая всё время крутилась вокруг него. Прожигая её взглядом, задаю один и тот же вопрос

про себя. Отчего же она, всё время бывшая на чеку, не уберегла его от опасности? Она замечает меня, но быстро убирает взгляд.

Звучит голос священника, люди стоят вокруг большого деревянного лакированного с искусной резьбой закрытого гроба, который начинают опускать. Каждый подходит, и взяв горстку земли, бросает вниз вместе с цветами. Подхожу ближе, с горстью земли и цветком. Чувствую подкатывающую к горлу тошноту. Становится холодно, конечности зябнут, меня пробирает до дрожи. Тяжело здесь находиться.

Немного наклонившись, бросаю землю и цветок в глубокую яму. Отхожу в сторону и смотрю на портрет Тристана. Суровый взгляд, четко очерченные скулы... Даже только от вида его портрета по телу пробегают мурашки.

Для меня ты был тёмной лошадкой, Тристан. Всё, что тебя окружало — откровенно пугало... Но без тебя я бы не узнала о Джен. Я полна к тебе благодарности, о чем я тебе вряд ли бы осмелилась сказать. Спасибо тебе, что ты меня привёл к детям, и к ней. Спасибо тебе...

Гроб опускают и закапывают.

Мысленно попрощавшись с Тристаном и немного постояв среди пришедших проститься с ним, мы с Сэмом, покидаем кладбище. Сэм приобнимет меня. Наклоняется и легонько целует меня в висок.

— Давай я поведу машину, ты устала.

Я протягиваю ему ключи и сажусь в машину на пассажирское сиденье. Опускаю голову. Действительно я устала. Закрываю веки.

— Куда едем? — спрашивает Сэм, заводя машину.

В нашу студию или в школу для танцев нет ни малейшего желания ехать. Не поеду.

Лучше домой, принять душ ....

— Домой, — тихо говорю, не открывая глаз. Машина плавно движется. Сэм молчит, а я думаю о своем...о Джен. Я обещала ей, что приеду в ближайшие дни, но время идёт, а поехать в приют у меня никак не получается.

Машина останавливается. Чувствую на себе взгляд. Открываю глаза, вот и дом. Сэм заглушил мотор и сидит, смотрит на меня. Поворачиваюсь, смотрю на него. Он улыбается.

— Приехали.

— Вижу, — тоже улыбаюсь, — спасибо тебе, что был со мной, для меня это важно, правда, важно.

— Пустяки. Ты же знаешь...для тебя... — он опускает голову, и уже тише говорит, — для тебя всегда. Отдохни хорошенько, у тебя усталый вид, я доберусь на такси, — и выходит из машины. Не знаю, что и ответить ему. Я просто молчу, боясь сказать лишнее и дать ему ложную надежду.

Оказавшись в доме, сбросив на ходу туфли, поднимаюсь на второй этаж, к себе в комнату, устало опираясь на перила лестницы. Иду по комнате, сбрасывая одежду и напрямик направляюсь в душ, подставляя лицо под тёплые расслабляющие струи.

— Дорогая, ты бы может позвонила Хезер, съездила к ней, развеялась хоть немного, — неожиданно предложила мама, когда я вышла из душа, собираясь ехать в приют.

— Ну... не знаю мам, навязываться Хезер... Ей сейчас положительные эмоции нужны, а тут я со своими проблемами, не знаю...

— Тебе они тоже нужны, и не меньше, чем ей. Посмотри на себя, милая, ты скоро в призрака превратишься, ни румянца на щеках, ни улыбки. Куда подевалась моя милая

солнечная девочка? — Мама подходит и обнимает меня.

— Хорошо, хорошо мам. Я подумаю. Но сейчас я собираюсь к Джен.

— Джен? Кто это? Это та девочка из приюта, из-за которой ты привела к нам всех детей?

— Да мам.

— Аманда... — вздохнув, мама садится на кровать, — ты бы не ездила туда так часто. Ты же... понимаешь, — укоризненно качает головой, — так неправильно делать. Ты даёшь ребёнку ложные надежды на то, чего не сможешь ей дать. А ей нужна семья.

Мы с Джен сдружились. Она мне стала близка настолько, что я стала часто о ней думать. А ведь с ней может быть то же самое. И... мама права? Джен надеется, что я её заберу из приюта?

Я села на кровать рядом с мамой, составляя в голове пазл из кусочков наших с Джен встреч и разговоров. И да, действительно, к моему удивлению, картинка складывалась именно такой. Странно, почему я об этом не подумала, как теперь мне нужно поступить с Джен? Нет, бросить её сейчас и не приезжать больше, даже не объяснившись, будет ещё более неправильным. Я не смогу спокойно жить, зная, что обидела её. Не прощу себе этого. Я должна с ней поговорить.

— Мам, я поеду к ней. Да, я понимаю, что поступила может необдуманно, но бросить её и больше не приезжать будет совсем не правильно, понимаешь?

Мама снова тяжело вздыхает.

— Езжай. Поговори с ней. И объясни всё девочке. Если вы дружите, она должна это принять. Ей будет тяжело, но... со временем она все поймёт.

Обняв маму и собравшись, я напрямик помчалась в приют. Мне не терпелось увидеть и поговорить с Джен и я мчалась на максимальной скорости, которую могла себе позволить в пределах города, обгоняя соседние, сигналившие мне машины.

Да, да, знаю, я нарушаю. Но я спешу.

Наконец добравшись до приюта и оставив машину у входа, я постучала. Дверь открыли не сразу, с минуту я просто стояла, разглядывая плитку под ногами. Когда же дверь наконец отворилась, на меня по ту сторону двери глянула одна из воспитателей, которых я видела ранее.

— Здравствуйте мисс Линдсей, — участливо поздоровалась женщина, — чем могу помочь? Вас провести к управляющей?

— Нет, я бы хотела навестить Джен, Джен Бирли из седьмой группы.

— Проходите, — она открыла шире дверь, и я последовала за ней в раздумьях, что же мне сказать Джен. Я так не хочу её обидеть. Но если я действительно не оправдаю её ожиданий?

Дверь игровой открылась и в коридор вышла Джен. Тихая и смирная, она подняла на меня лицо и молчаливо улыбнувшись, взяла за руку.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мы с ней присидели в комнате для посетителей, но мне не хотелось её оставлять. Терзало чувство, что я бросаю её, как Питер меня, словно бросая на глубину воды и смотря, выплыву или нет. А я поступаю лучше? Увы нет, с Джен я поступаю так же. Но и стать для неё семьёй, смогу ли? Хочу ли этого? Я ведь даже не задумывалась над этим.

Но жизнь сама расставила всё по местам.

Тревога и скорбь по смерти Тристана вытеснились новыми переживаниями, и как я

сама не ожидала, более сильными.

Через две недели Джен заболела и к ней никого не пускали. Целых семь долгих для меня дней она лежала в помещении для карантина.

Что тут говорить, переживала я сильно, просто места себе не находила.

И опять, все эти тревожные для меня дни рядом был Сэм. Он каждый день мне звонил и без лишних разговоров просто был рядом. Ему хотелось быть со мной, ну а я ..... я не возражала и не отталкивала его заботу, и даже была рада, что есть человек которому не все равно.

Вместе мы приезжали в приют и подолгу сидели в фойе, ожидая известий от медсестры о здоровье Джен.

Как-то, по пути в приют, мы заехали в магазин игрушек, и вместе с Сэмом выбирали для неё новую игрушку в виде мягкого пушистого зайца, но к Джен меня по-прежнему не пускали, а только информировали о состоянии ее здоровья и заяц был у меня. Я хотела сама его отдать девочке. Мне так хотелось, хоть одним глазком взглянуть на ребенка. Как она там, моя бедная девочка, совсем одна. Не знаю, что это, но меня тянуло к ней, разрывая душу. Сэм ничего не спрашивал, просто изредка брал меня за руку, дружески пожимая, тем самым придавая мне новых сил, держаться.

И вот, наконец-то, к концу недели меня пустили к ней.

Ее крохотное тельце лежало среди белых больничных простыней. Изможденный и немного сонливый вид говорил о том, что она ещё слаба, но при виде меня, ее глаза зажглись сияющими огоньками. По ней было видно, что она ждала меня и очень рада меня видеть, как и я ее.

Она почти не говорила, только иногда, шёпотом, а в основном слушала меня.

А я всё рассказывала ей про свои гастролы и выступления, она улыбалась, внимательно слушая. Я ей сказала, что зайчика привезла ей в подарок с гастролей, и она все время крепко его сжимала. А потом она заснула, сказывалась еще не совсем отпустившая слабость болезни.

Тихонько, чтоб не разбудить, поцеловав ее в лобик, я покинула палату.

Уже дома, свернувшись клубочком на своей кровати, я все вспоминала сияющие глаза и затаённое дыхание ребёнка, когда она слушала меня, и ее улыбку.

На сердце стало тепло. Его наполнило новое чувство, забывая старую боль и затягивая старую рану. Джен помогала мне преодолеть эту боль, заполняя мысли собой.

Не могу сказать, что на тот момент движило мной, но я резко вскочив с кровати и полна решимости, побежала по лестнице вниз. Меня окатило волной волнения, руки затряслись.

Я вбежала в кухню, где отец пил чай, а мама помогала Пруденс накрывать на стол к ужину. Все подняли головы на мое внезапное и неожиданное появление, и с удивлением смотрели на меня.

Я прочистила горло и сделала глубокий вдох. На то, что я решилась, нужны были силы.

— Мам, пап! Я хочу серьёзно с вами поговорить.

Папа поставил кружку на стол, мама, отложив тарелки в сторону, присела на стул.

— Что-то серьёзное? — мама перевела свой взгляд на Пруденс.

Пруденс мы доверяли, она много лет работала в нашей семье и считалась уже почти родственницей. Я не видела ничего секретного, в том, что хочу им сказать, чтобы Пруденс не могла этого слышать.

— Да.

Пруденс повернулась к нам и посмотрела на меня, в ожидании указаний.

— Ты можешь остаться Пруденс, всё в порядке, — я улыбнулась экономке и снова обратилась к родителям. — Мама, папа, я хочу оформить опеку над Джен.

Папа в неприкрытом удивлении поднял брови, но мама осталась невозмутимо спокойной.

Она видела мои переживания всю прошедшую неделю и видимо поняла, еще раньше меня, что эта девочка мне очень дорога.

— Аманда, — мама встала и подошла ближе к отцу, — я понимаю, что эта девочка имеет для тебя большое значение и ты переживаешь за неё, но удочерить...? Ты так молода! У тебя еще столько всего впереди! Карьера. А девочка...ребенок это очень ответственный шаг. Ты же понимаешь это..? Это значит ограничение во времени, в своих желаниях, да и в возможностях.

— Я всё смогу. Я хочу, чтобы она была рядом. Я очень за неё переживаю и она мне очень нужна, я дорожу этим ребёнком. Она никак не станет мне обузой или помехой в моей жизни, я всё обдумала. Мои заработки вполне достаточны, чтобы обеспечить её всем необходимым, нанять няню на время моего отсутствия. И я уже совершеннолетняя, я могу быть её полноправным опекуном.

— Ну если ты всё обдумала..., - строго произносит отец, — что ж, ты действительно достаточно взрослая и самостоятельная, чтобы принимать такие решения. Но запомни, этот ребёнок тебе доверяет, поиграться и отдать её потом в приют назад, когда она тебе надоест, ты не сможешь. Её жизнь будет в твоих руках и полностью зависеть от тебя, ты должна осознавать всю ответственность за этого ребёнка, которую принимаешь на себя. Ты готова к такой ответственности?

— Я осознаю. Полностью осознаю. И да, я готова.

Убедить полностью родителей в том, что я готова к этому шагу и справлюсь, я не смогла, но и препятствовать они мне не стали.

Утром, собрав свои документы, я поехала в приют и подала заявление о намерениях удочерить Джен. Документы отправились на рассмотрение, а Джен стали отпускать ко мне домой.

Первое время она стеснялась и не знала, как меня называть, но потом как-то раз, гуляя с ней по пляжу, я услышала, как Джен назвала меня в разговоре с другой девочкой «мама Аманда». Было очень необычно услышать такое, но приятно. С каждым днем я все больше и больше привязавшись к ней, а она ко мне.

Иногда я брала ее на свои репетиции. Она брала свои задания на дом, и тихонько ожидая меня, делала их. В такие моменты рядом с ней мог появиться Сэм. Его она уже знала неплохо. Они познакомились еще тогда, когда я вместе с Сэмом навещала ее в больнице приюта, и вроде как поладили между собой.

Последующих два месяца прошли для меня очень быстро, я бы даже сказала, молниеносно пролетели. Я снова посещала репетиции, периодически давала показания полиции по расследованию смерти Тристана, и проходила проверки по опеке над Джен. Всё было как обычно днём, но вечера теперь стали совсем другими — мы с Джен ходили на пляж, оформляли для неё комнату, всё своё свободное время я посвящала девочке. Ну и Сэм, теперь стал частым гостем у нас.

Я стала замечать, что уже не так болезненно и не так часто думаю о Питере, хоть и был звонок от Вернона. Питеру сделали операцию успешно, и теперь он адаптируется. Но о себе

ему я больше не напоминала. Ему сейчас не до меня. Да и... нужен ему мой звонок, это же я призналась ему в любви... а он отверг меня.

Все мои мысли больше стала занимать Джен, куда бы я могла её свозить, что интересного показать, в какую школу отдать или чему научить. Моя жизнь стала снова окрашиваться яркими красками и хорошими событиями.

Родители мне помогали с Джен. Конечно, я и не пыталась сразу стать для неё хорошей мамой, мне многому предстояло научиться. Но именно Джен показала мне, что я могу быть сильнее, для неё и ради неё.

И конечно же, Сэм всегда был рядом и всегда поддерживал меня и помогал. Не сознавая сама этого, я стала к нему относиться иначе. Он стал ближе, роднее, необходимее. Его душевное тепло и забота не осталась нами с Джен незамеченными.

Я стала теплее к нему относиться, мои барьеры постепенно стали рушиться, и стена отдалённости и холодности пала. Не знаю, может я просто привыкала, что он всегда рядом, но у меня были к нему чувства противоречивые и непонятные мне самой. С одной стороны, Сэм всегда рядом и готов во всем меня поддержать, и мне было хорошо рядом с ним, а с другой стороны «бабочки так и не взлетали», сердце не трепетало, а находилось в полном покое и гармонии. Одно, в чём я была уверена, это в том, что поддержка Сэма и забота о Джен, мне помогли смириться с тем, что с Питером мы не будем вместе никогда.

Жизнь продолжается. Надо двигаться дальше. А Пит... он остался в прошлой жизни и в моих, редких, теперь уже воспоминаниях. Нас жизнь развела в разные стороны, и пусть так и будет. У меня теперь есть для кого жить... и я буду сильной, для них. Я так себе и пообещала, совсем не подозревая, насколько напророчу этими словами своё будущее и насколько сильной мне придётся стать. Не для себя и не для Джен, как я думала.

Всё произошло спонтанно и быстро:.. вот я говорю с подружкой, слышу её звонкий смех, на заднем фоне слышен голос Макса... а потом проходит всего какая-то неделя и всё... Звонок Вернона... Авария... Макс...

Глава 14

Питер

Стучусь. Открываю дверь в кабинет доктора.

- Можно?

— Да. Да. Прошу Вас, проходите Питер, — Фрэнсис Никсон кивнул, — присаживайтесь. Одну минутку, прошу подождать, мне нужно закончить с... — и снова повернулся к монитору своего компьютера. Что-то напечатав, он отодвинул клавиатуру в сторону. Сняв очки, и отложив их на стол, доктор внимательно посмотрел на меня.

— Ну вот что, Питер. Я изучил все ваши показания, — затем немного помедлив, выдохнул и продолжил, — я не хочу вас обнадеживать Питер.

— Ваш случай будет нелёгкой задачей для нас. Мы работаем со спортсменами и военными, и у нас есть хорошие результаты их восстановления, но ваши ранения — они слишком стары. Осколки, застрявшие в мягких тканях, у вас достали, но вот осколок, застрявший в вашем позвонке, так и не извлекли. Этот осколок необходимо извлечь, Питер. Так же есть проблема с нервными окончаниями. От них идёт очень слабый сигнал, хоть Вы

и старались поддерживать ваши ноги специальными упражнениями и массажами. В вашем случае необходимо хирургическое вмешательство и нейростимуляция.

Вам предстоит пройти долгое лечение в несколько этапов. Вам сделают 2 операции. Первую операцию мы проведём непосредственно на вашем позвоночнике, извлекая осколок, а далее уже при местной анестезии поставим нейростимулятор. Это по сути, вмешательство в Ваш мозг — и головной и спинной. В задние отделы позвоночного канала, над оболочками спинного мозга устанавливается специальный электрод. В послеоперационном периоде с помощью внешнего стимулятора производится так называемая тестовая стимуляция и мы будем за вами наблюдать, как будет проходить адаптация. При хорошей переносимости под кожу мы имплантируем нейростимулятор — генератор электрических импульсов, который в течение нескольких, обычно 4–7, лет автономно будет осуществлять терапевтическое воздействие. Когда и ЕСЛИ, хочу это подчеркнуть, Вы полностью восстановитесь, мы сможем нейростимулятор убрать. — Он немного отодвинулся и открыл выдвижной ящик стола. Достав несколько сколотых листов бумаги, он протянул их мне.

— Вот Питер, ознакомьтесь и прочитайте все внимательно.

— Это — ваше добровольное согласие на все этапы лечения, и то, что вы не будете ко мне иметь претензий в случае... Как я уже сказал, я не хочу вас Питер обнадеживать, но ..., - устало вздыхает. — Я действительно вижу положительный прогноз и попытаюсь вам помочь. И постараюсь сделать все, что от меня зависит. Но, и Вы, Питер, должны понимать всю сложность предстоящего лечения. От вас потребуются немало усилий все выдержать и морально и физически. Подумайте хорошенько и примите правильное решение.

Протянув по столу бумаги, он пододвигает их ко мне.

— Спасибо за откровенность доктор. Я подумаю. — Беру бумаги и покидаю кабинет.

В палате чувствую себя запертым в коробке, где всё сводится к этому документу, не хватает воздуха и создается ощущение замкнутого пространства. И за глотком свежего воздуха я спускаюсь в парк.

Еще раз читаю это чертово соглашение. Ничего подозрительного. Мелкого шрифта тоже нет. Но и не в ярких красках. Всё чёрным по белому.

В случае отторжения нейростимулятора всё останется, как и было до того. А что я собственно тогда теряю?

Исколесив парк дважды, и съездив в спортивный зал на тренировку, с принятым решением я нахожу доктора Никсона. Отдаю ему подписанные бумаги. Решаю перед операцией позвонить близким мне людям, так мне будет спокойнее.

Я звоню Дженсу, который тут же решает приехать ко мне. Признаться, самому тошно, но пронизывающий страх отобрал то безразличие, что я раньше чувствовал по отношению к жизни, и я не возражаю. Поддержка друга мне нужна. Ривз тоже порывается, но я его отговариваю. Корс убит и Ривзу не стоит сюда соваться, пока дело не раскрыто. Эта Триш слишком мутная и непредсказуемая.

Уже к вечеру Дженс приезжает в центр. Он не хочет показывать своей усталости, но он удручен и что-то явно его тревожит.

— Не думаю, что тебя так беспокоит то, что в меня снова порежут ножиком, — пытаюсь пошутить, разряжая обстановку.

— Тебя уже столько раз кромсали, стоит ли, — слегка улыбнувшись, Дженс хмыкает себе под нос. Его мобильный пищит сигналом сообщения, Дженс быстро достаёт, читает, тихо ругается, и улыбаясь, шумно выдыхает. — У меня от неё крыша поедет.

— От неё? Девушка?

— Нет. Ну, не знаю, может быть. — Дженс громко выдыхает и трет лицо. — Понимаешь. она порой так злит, что я прихожу в бешенство, а без нее не могу. Засела она мне где-то очень глубоко, — бьет себя в грудь, — пудрит мне мозги, играет. Для меня все это в новинку, я солдат, а она... как заноза. Вобщем я сам ни хрена не понимаю.

— О, Дженс! Да ты никак влюбился? — от такой новости я даже присвистнул. Всегда спокойный и уравновешенный, Дженс сейчас выглядел абсолютно растерянным.

— Питер. Она сестра Ронни. Она росла на моих глазах. Понимаешь? Всегда относился как к сестре родной. Помогал им. Я... Это же из-за меня...

— Дженс.... Ты не виноват. Любой бы не успел нас спасти. Ты был далеко и ты сделал всё, что мог. Они тебя что, упрекали за это?

— Нет, они даже не заикались.

— А Иви? У тебя же из-за неё проблемы?

— Нет, почему-же. Мы друзья. Да только от военной формы она шарахается. Ни мать, ни она так и не смогли смириться. Им тяжело.

— А тебе? Ты каждый год мотаешься к ним. Может тогда не стоит этого делать?

— О... Теперь уже нет. — Смеется и мотает головой. — Я не могу оставить её в покое. Ты не понимаешь Пит. Я им всегда помогал материально, высылал деньги, звонил. Приезжал к ним обычно на годовщину смерти Ронни и гостил пару дней. Иви закончила школу и уехала из города учиться в колледже. Последние три года я не видел её. И только в этом году мы увиделись, после твоего отъезда из Сан-Диего. Она так изменилась, из ребёнка стала девушкой, — опять улыбается и вздыхает, — красивой девушкой, видел бы ты ее. Такая самостоятельная, серьезная и такая злюка, — смеется, — представляешь, назвала меня неотесанным солдафоном! Это меня, разведчика, с моим опытом ... Вот с тех пор я не могу не думать о ней.

О как меня это повеселило. Не в силах сдерживаться, я от души расхохотался. Она дёргала его за ниточки так же, как меня Аманда.

— Вот что ржёшь..? — обижается Дженс.

— Да так, странно видеть тебя таким влюбленным.

— А как твоя...как там ее, Аманда?

— Да никак. С Амандой мы расстались. Давай спать, завтра тяжелый день.

Но уснуть я так и не смог. Я всё думал про свою ферму, про Аманду. Отчего-то вспомнилась мать, убежавшая следом за сестрой. Я не всепрощающий, но захотелось их найти. Хотя бы посмотреть на них и племянника.

Сон пришёл почти с рассветом и поспать удалось всего пару часов. Уже утром меня готовили к операции. Сначала из спины достанут осколок, а через день планируется вшить нейростимулятор.

Дженс пожимает мне руку и остаётся ждать в палате. Меня же оставляют с Энн, надевают маску с кислородом, и я засыпаю.

И снова темнота. Не чувствую своего тела, только слышу свои мысли, и всё. Издалека доносятся какие-то приглушённые звуки, невозможно разобрать. И снова провал.

Чувствую резкую боль в спине, в глазах темно. Веки тяжёлые. Пытаюсь напрячь и сжать пальцы. Трудно. Больно.

— Эй... — слышу рядом голос Дженса, потише. — Он просыпается, — кому-то сообщает он.

— Мистер Дэвис. Это Энн. Вы меня слышите?

В ответ могу лишь простонать. Язык не слушается, как и веки.

— Если не можете ответить и открыть глаза, тогда лучше ещё поспать, вы ещё слабы.

Слушаю голос Энн, который становится всё монотоннее, и снова проваливаюсь в бездну.

Открываю глаза. В палате приглушённый свет. Рядом пустое кресло, Дженса нет. Пытаюсь сжать пальцы, удаётся. Мучает дикая жажда. Рядом с рукой на подлокотнике кровати нахожу кнопку вызова медсестры. Нажимаю.

— Мистер Дэвис? — в палату заглядывает Энн.

— Пить...,- с трудом произношу тихим охрипшим голосом.

— Девушка тут же подходит к тумбе, рядом с кроватью и подаёт мне трубку. Пока я пью, она сообщает Никсону, что я пришёл в себя. Меня осматривают, делают перевязку и обезболивающий укол. И я опять проваливаюсь в сон. Завтра предстоит новая операция.

***

Утром я не ем. Мне разрешено только выпить немного воды. Снова приходит Никсон и осмотрев мой позвоночник, дает распоряжение Энн, отвезти меня в камеру. Новая подготовка, новый наркоз и снова меня вводят в сон.

Теперь я всё слышу и чувствую. На этот раз я слышу голоса Никсона, Люка и Энн. Чувствую боль в голове, спине. Боль жуткую, невыносимую. Сжимаю зубы, кулаки, что есть силы. От боли хочется взвыть, всё ломит и выворачивает. И я снова отключаюсь.

Декорации сменяются. Я оглядываюсь. Гора. Я с ребятами. Бегу. Я бегу! Падаю, получая пули в ноги, и чувствую боль. Такое возможно только во сне.

И я стону. То ли от радости, что снова это чувствую, то ли от отчаяния. Но стон не стихает, я с ним просыпаюсь, как от крика ужаса.

Почти темно. Где я? Что со мной? Оглядываюсь. Надо мной стоит Энн. Похоже, я в уже палате. Закрываю глаза. Больно. Даже дышать. Но я вспоминаю, что в последние секунды перед отключкой, когда всё тело горело, мне казалось, что ломота была повсюду. И я пытаюсь.... Пытаюсь, но... бл*ть.... Не чувствую.

— Мистер Дэвис? Это Энн. Сейчас принесу вам воды.

— Я не чувствую... — проговариваю отрывисто, почти шёпотом.

— Что? — она наклоняется близко ко мне.

— Я не чувствую...

— Ещё слишком рано, — она мило улыбается мне. — Доктор Никсон сказал, что через три дня вы уже начнёте тренироваться, — радостно подмигивает мне. — Все прошло успешно. Сейчас еще отдохайте. Возможно, будут судороги. Вы не терпите, зовите меня. Потом оденем вам корсет. Просто слишком сильная нагрузка была для вас. Организм ещё адаптируется. Вам надо будет приспособливаться заново.

Последующих три дня, я провожу с Дженсом и Энн. Первый день меня кормят, поят. Я беспомощен полностью. Только на второй день я могу самостоятельно взять ложку. Больно. Включают нейростимулятор, регулируя боль. Кажется, боль утихает.

Собравшись с силами хватаюсь за подлокотники кровати и пытаюсь пошевелить стопами. Хоть немного. Чувствую пронизывающую острую боль. Откидываюсь назад на подушку. Энн бежит подкрутить нейростимулятор, но я останавливаю. Я хочу чувствовать, пусть даже и будет больно до потери сознания. Я радуюсь этой боли и плачу. Я чувствую свои ноги.

Неделя после операции на спине и три дня после вживления нейростимулятора. Дженс уезжает. В корсете, я поднимаюсь с кровати и сажусь в кресло. Меня ожидает черед из процедур: массаж и нейростимуляция стоп, бесчисленные тренажёры и массажи для ног. Остаётся ждать полное заживление спины, тогда добавят растяжку спины и тренажёр, где можно будет стать на ноги.

Я не ною, а усердно выполняю все предписания доктора, нагрузка колоссальная, порой приходится терпеть ужасную боль. И я терплю. Не помню, чего последний раз, я так в жизни ждал. Наверное, подарков еще в детстве. Но это ли не подарок? Я даже не смел надеяться, что такое будет возможно.

Сегодня снимают корсет. И первый раз я еду на тренажёр для ног с упором в локтях. Чёрт, как же я волнуюсь. Я не волновался так ни разу в своей жизни, как сегодня. Сердце колотится, как бешеное. Ускоренный пульс отдаётся барабанной дробью в висках.

— Доброе утро, Питер! Ну что, готовы? — Никсон садится за монитор компьютера.

Энн подкатывает кресло к тренажёру. Цепляет на меня страховочные тросы, подключает регулятор давления.

Последние секунды в кресле. Глубоко выдыхаю и встаю, забираюсь руками по подлокотникам.

Локти в упоре. Стараюсь выровнять спину. Больно. Но я пока терплю. Это приятная боль, чёрт, какая же приятная.

— Итак Питер, опускаемся, — говорит Никсон и подлокотники опускают так, чтобы я оказался стоя, на вытянутых руках. Опускаюсь, затаив дыхание.

Господи! Я чувствую! Я чувствую что там, под ногами!

От переполняемых ощущений сносит башню. Я стараюсь взять себя в руки, делаю сильнее упор и пытаюсь сделать шаг. Затем ещё один и ещё и ещё. Боль до скрежета зубов. Но терплю. До последнего буду терпеть, пока не свалюсь.

Пульс зашкаливает. Никсон завершает тренировку.

— Хватит Питер. На сегодня хватит. Восемь шагов это хороший результат на первый раз. Отдохни, поешь, поспи и вечером на массаж. А завтра мы снова продолжим.

Я возвращаюсь в палату. Смотрю на свои стопы. Я встал с кресла. Да, мать твою, я с него ВСТАЛ! На глаза наворачиваются слёзы. Пытаюсь пошевелить ногой, что это всё мне не снится. Пронзает боль до мурашек. И сдерживаться больше нет сил. Я рыдаю испытывая ужасную боль, но я безумно счастлив. Я снова человек. Снова возвращаюсь к жизни.

Последующих три месяца проходят в постоянных тренировках, мучительной боли и нередких судорогах. Но с каждым днём я всё увереннее становлюсь на ноги, а боль и судороги я могу регулировать сам. С каждым новым днём я заново, как ребёнок, учусь принимать душ стоя, держась за специальные ручки. В моей палате есть трость и по несколько 5 часов я стараюсь ходить с тростью.

Я позвонил Вернону. Именно ему я был обязан тем, что снова становлюсь полноценным. И почти час я благодарил его, что он меня сюда отправил и вернул мне надежду.

Я стал иначе смотреть на Энн. За это время я привязался к девушке, неустанно смотрящей за мной. Наверное, такой и должна быть жена, которую я никогда не представлял рядом с собой. Мне казалось, что я неспособен на семью. Но теперь я думаю иначе.

Я стал с ней флиртовать. А девушка откровенно со мной кокетничать. Конечно, теперь я мог её и в койку затянуть, но я был осторожен. Энн, она хрупкая, внимательная, заботливая,

отзывчивая. Она напоминает мне Аманду. И стоит ли спешить? Я могу ей сделать больно.

Проснувшись наутро со стояком, которого до недавнего времени из-за судорог я и не ощущал, я направился в душ. Из-за чёртовых и расставленных повсюду камер негде спрятаться. Здесь же камера угловая.

Встав с кресла и сделав несколько кругов по палате с тростью в руке, направляюсь в ванную. Включаю тёплую воду. Сев на табурет, снимаю одежду и захожу под струи воды, включив напор посильнее. Постараюсь не шуметь.

Ставлю табурет в душевую и сажусь. Провожу рукой, по стволу, оттягивая крайнюю плоть. Как же было бы неплохо, если бы сейчас на моём члене был ротик Энн. Двигаю рукой вверх вниз, ускоряясь. Втолкнуть бы ей поглубже и узнать, как глубоко она берёт? Почувствовать заднюю стенку горла...

И я уже всю представляю Энн на коленях. Передо мной. С моим членом во рту. От этой мысли член ещё больше твердеет. Ускоряюсь. В моих мыслях она берёт глубже, плотно обхватывает губами и поглаживает язычком.

С полминуты так ярко представляя минет с выхаживающей меня медсестрой, я кончаю. Меня судорожно трясет, тело обдаёт жаром, а в глазах всё плывёт.

Пару минут так и сижу на стуле. Когда снова обретаю силу встать, опираюсь на подлокотник и встаю под душ, смыть остатки спермы.

Сделав воду прохладнее и умывшись, снова иду в кровать. Меня ещё немного шатает.

Даже не помню, как я вырубился, но по-видимому очень быстро, потому что я так и заснул в банном полотенце и проснувшись, обнаружил его на себе. На тумбе лежал мобильный и всё время вибрировал. Увидев, что звонит Вернон, я незамедлительно ответил.

— Да, Вернон?

— Питер... Ты как..? — взволнованный голос Вернона в мобильном меня встревожил. — Я...-молчание, — хмм...У меня плохие новости. Макс ... вообще он в коме.

Такая сокрушительная новость, как поток ледяной воды, просто оглушила. Я боялся пошевелиться, тело словно парализовало. Я затаил дыхание, не мог ни вздохнуть, ни выдохнуть.

— Что с Максом? — кое как произношу я.

— Он ехал к Хезер на роды и... машина перевернулась... Он в коме, Питер. Я не знаю, когда он очнётся. Хезер с мальчишками я заберу к себе. К Максy я приставил сиделку, но ты, как только сможешь, приезжай.

— Я постараюсь. Сообщите мне на телефон все данные, в какой больнице Макс. И... если вам не трудно, когда я переговорю с врачом и смогу дать ответ, закажите номер в ближайшем к больнице отеле. А Хезер? Как она?

— С ней всё хорошо. Она не знает о Максе, мы с Лорен сказали ей, что Макс в срочной командировке. Мы боимся ей сейчас говорить.

— Я пойду к врачу и позже вам сообщу.

— Хорошо Питер. Я жду твоего ответа.

В голове как в тумане. Мутит только от одной мысли, что с Максом... Нет, я даже думать об этом не хочу.

Еду к Никсону.

Доктор Никсон, долго не сопротивлялся, все понял, и с сопутствующими рекомендациями разрешил покинуть центр.

В самолёте не нахожу себе места и как только прохожу регистрацию, напрямик заказываю машину в больницу.

Получив разрешение на визит, заезжаю в палату. От увиденного просто кровь леденеет в жилах. Куча трубок и проводков. Катетер, кислородная маска.

Я тихо подъезжаю в кресле ближе к кровати. Грудь Макса тихо вздымается. Ровно пищит прибор, считывая пульс на запястье. И всё. Больше никаких признаков жизни мой друг не подаёт.

Я звоню Дженсу. Наш план приехать к Максусу после родов Хезер и удивить Макса сорвался. Но это теперь совсем не важно. Важно, чтобы Макс очнулся, пришёл в себя и вернулся к нам. Дженс затрудняется ответить на счёт даты приезда. Идут учения, его не могут сейчас заменить. Но к концу недели он обещает быть в Бостоне.

Около часа сижу рядом с Максусом, осматривая его раны и ссадины на лице. Сердце разрывается, при виде лежащего без сознания друга.

— Я буду с тобой Макс, — тихо жму руку друга, — я буду рядом, только держись.

Выезжаю из палаты Макса. Набираю Вернона, сглатывая застрявший ком в горле.

— Я уже в Бостоне, в больнице, у Макса. Как Хезер? Я могу её завтра навестить?

Пока Вернон рассказывает о Хезер и новорожденных мальчиках, я покидаю больницу в кресле. От потрясения и усталости я не способен сейчас встать.

Почти час я ворочаюсь без сна, пока усталость не берет свое, и я проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь от тянущей боли в спине. Прибегаю к тому, что уже давно не делал — регулирую нейростимулятор. И только когда боль стихает, я снова могу уснуть.

Рано утром, проснувшись раньше, чем зазвонил будильник, быстро собираюсь и еду в больницу.

Найдя лечащего врача и узнав о тяжёлом, но стабильном состоянии Макса, снова сажусь рядом с другом. Сегодня я решил передвигаться на своих ногах и с помощью трости, оставив громозкую коляску в номере гостиницы.

Взяв руку друга, я слегка сжимаю её и рассказываю о себе. О том, что хотел ему рассказать, но не успел, готовя сюрприз. Я снова погружаюсь в те дни, когда приехал в центр, как сомневался и как морально себя готовил. И как выкарабкался. И теперь я наставляю друга. Пусть он и не кивает мне, но я верю, что он меня слышит. И в доказательство своих слов, я встаю с кресла, опираясь на ноги. Как же я хочу Макс, чтобы ты это увидел.

Но сбоку раздаётся какой-то шум и возглас.

Я поворачиваю голову и столбенею. В дверях стоит Аманда, с широко открытыми глазами изумлённо смотря на меня и закрыв ладонью рот. Она мотает головой с недоверием и шоком, смотря на мои ноги и трость.

— Ты... — хрипло говорит девушка, — Питер ты... стоишь...,- медленно протягивает она.

Я не могу ничего ей ответить. Её появление настолько для меня неожиданно, что я сам потерял дар речи. Как-будто из лёгких вышибло весь воздух. Так и стоим уставившись друг на друга. Пока не входит светловолосый парень и не приобнимет её за талию.

Взволнованно глядя на ошарашенное лицо Аманды, он окинул меня с ног до головы недружелюбным взглядом и притянул её ближе к себе. Ей однозначно нужна была сейчас опора.

— Тебе нехорошо? — он наклонился к ней так близко. И мне это не нравится. Совсем

не нравится. Я зажимаю руки в кулаки, до боли.

— Нет...нет, всё... в порядке, — она немного сморщившись, подходит ко мне. Она расстроена, нервничает, хоть и не хочет показать это, но я то знаю этот взгляд. Аманда держится из последних сил, чтобы не разреветься.

— Это Сэм, мой партнёр по танцам — сдавленным голосом проговорила девушка. — Сэм, это Питер, друг детства Макса. Они сослуживцы, он тоже морпех.

Мы с Сэмом не обменялись рукопожатием. Только кивнули друг другу.

Между нами повисла молчаливая пауза. Аманда засуетилась. Подошла к Максу, посмотрела на друга.

— Как он? — спросила, не глядя в мою сторону.

— Без изменений.

Она молча кивнула, закусив губу.

Мне кажется, что она хочет, что — то сказать. Но не произносит не слова, а молча смотрит на Макса. Теперь, когда шок от её неожиданного появления прошёл я внимательно могу ее рассмотреть, насколько она изменилась.

Или мне показалось, или она действительно стала немного старше со времени нашей последней встречи. Мне хочется с ней поделиться всеми изменениями происшедшими в моей жизни. Она же совсем ничего не знает. Ни почему я неожиданно исчез из Майами, ни почему я теперь преспокойно стою себе с тростью, без инвалидного кресла и как такое может быть возможным.

Я перевожу взгляд на парня. Он тоже смотрит на меня. Его недружелюбный взгляд с затаённой агрессией. И по его настрою, я понимаю, что оставлять нас одних он не собирается. И я решаю не ждать случая, а действовать прямо сейчас.

— Мы можем поговорить? — перевожу взгляд на Аманду, останавливаясь на ней.

Она медлит с ответом. Искоса смотрит на Сэма: — Нет, думаю, нет смысла.

— А я считаю есть. Ты не хочешь со мной поговорить? Услышать, что и как произошло? — усмехаюсь, пытаюсь ослабить безмолвное напряжение между нами, и перевожу все в шутку. А у самого все поджилки скручивает, пока жду ее ответа.

— Питер... — она косится на Сэма, который уже принимает более вражеский вид. — Я ... думаю не стоит, не здесь, не сейчас... — А потом она ... бл*ть...резко разворачивается. берет, этого танцора Сэма за руку и они выходят из палаты.

Бл*ть .... Что это было? Она не захотела со мной даже поговорить. Ушла. Вот так просто, повернулась и ушла. С ним. А я? Как она могла меня вот так оставить уйти с этим... Сэмом. Кто он вообще такой? Какого черта этот партнер по танцам находится с ней..?

Меня начинает бесить воспоминание о выражении его лица. Я сжимаю кулак от нахлынувшего желания вмазать ему. Я же просто хотел с ней поговорить!

От отчаяния я ударяю кулаком в подлокотник стула, на котором сижу. Чёрт, я непросто хочу с ней поговорить. Я начинаю её ревновать к этому парню.

Ну нет...ты выслушаешь меня Аманда. Так со мной нельзя...я придумаю, как заставить тебя поговорить со мной.

Немного успокоившись и обуздав гнев, я поехал к Хезер посмотреть на мальчишек Макса. Хезер встретила меня уставшей. Она показала мне двойняшек, и немного рассказала о Максе, как они жили последние месяцы перед аварией, пока его не отправили в командировку по просьбе Вернона. И так, как эта командировка имеет большое значение для политической карьеры её отца, Макс, работая на задании, уехал без телефона. Чёрт,

хорошо же Вернон сумел солгать дочери. Интересно, закрадываются ли к ней самой подозрения, что отец и подруга от неё скрыли?

Потом я ей вкратце изложил свою историю исцеления.

Сказав, что еще ее навещу и не прощаюсь, я уехал в гостиницу.

Изо дня в день, я почти дежурил у кровати Макса, ожидая новой встречи с Аmandой. Но она больше не появлялась.

Тогда я принял решение больше не ждать, а действовать самому. Узнав у Вернона адрес отеля, где она остановилась, я поехал с намерением поговорить.

Открыв дверь номера и увидев меня, Аманда удивилась и резко сменила выражение лица на суровое.

— Питер? Что ты здесь делаешь?

— Приехал поговорить и узнать, почему ты меня избегаешь. Ты же сказала, что больница это не место для разговора и вот я тут. — улыбаюсь и слегка наклоняюсь имитируя поклон.

— Нет. — прикрывает глаза и устало вздыхает. — Уходи Питер! Я не хочу никаких разговоров. Ты... все мне уже сказал. тогда. Разговоры закончились. С меня достаточно, — опять тяжело вздыхает, — ничего не хочу .... Извини.... Ты уехал и ты, — она слегка улыбнулась, — и ты ходишь.

— По-моему ты была рада меня видеть стоящим на своих ногах. Твои эмоции тебя выдали Аманда. — Хмыкаю я. — Ты чуть не заплакала увидев меня с тростью.

— Это был шок Питер. И да, я искренни рада за тебя. Только и всего.

— Аманда я... — я был всегда смелый с девушками, когда дело касалось постели, но сейчас слова совсем не шли, — ты прости, я был придурком... полным безнадёгой... калекой Ты понимаешь, что я не мог тебя обрести на жизнь с калекой? — Повышаю голос и начинаю закипать. Почему она не понимает меня

— Я понимаю...,- опускает глаза.

— ...но сейчас..., - продолжаю дальше.

— Стой! — резко меня обрывает Аманда. — Не надо, не говори больше ничего, — вытягивает руку в жесте замолчать, — просто уходи. Прямо сейчас. Я двигаюсь дальше... Без тебя.

По коридору послышались шаги и детский смех. Мы оба оборачиваемся. К нам на встречу идет Сэм, за руку девочкой.

— Уходи. Прошу. Сейчас!

— Аманда! — позвал парень.

— Питер пришёл взять вещи для Хезер. Он уже уходит, — быстро говорит Аманда, как бы оправдываясь.

Ухожу? Что за чертовщина? Она опять меня прогнала. Да...действительно Аманда, ты изменилась. Как же подступиться теперь к ней? Макс. Надо ехать в больницу к другу. Сейчас это самое главное. Лишь бы пришел в себя...

***

Я смотрел на Макса и не знал что делать. Я был в полном отчаянии. Оставалось только ждать. Макс сильный, он обязательно выкарабкается. Мысленно я снова с ним говорил:- Борись дружище, ты сильный, ты обязан цепляться за жизнь, ты нужен мне, Хезер, всем нам.

Меня угнетало то, что я не мог ничем ему помочь, сейчас все зависело только от него.

Я подумал, как коротка и не предсказуема жизнь. Совсем недавно я и не предполагал, что смогу встать на ноги. А теперь я могу даже ходить. Да, мать твою, я могу встать и полноценно делать много вещей. Но .... похоже, ее это совсем не волнует. Не волнует, бл*ть!

И к тому же теперь есть преграда. Я знаю, что сам дурак, оттолкнул, унизил ее. Ну, а что теперь..? А теперь у нее этот ... Сэм появился. Ходит с за ней хвостом, с кислой миной, сострадаец чертов...Интересно насколько они близки..? Если ухаживания своего босса она отрицала, то с этот Сэм точно больше, чем друг. Она спит с ним. Как же это невыносимо. Ух, ну почему всё сложилось так именно сейчас?! Знать, что он рядом с ней, видит её слёзы, успокаивает ее... слышит ее смех, стоны... Чёрт. Чёрт. Чёрт. Это больно и тяжело... осознать, что ты сам виноват в том, что ее потерял и сам всё разрушил.

Грудь сдавило. К горлу подкатил комок. От отчаянного желания ударить кулаком, я сцепил пальцы. Я свирепею, когда вижу его рядом с ней, а представлять, что она с ним, под ним. Нет, это уже выше моих сил.

Я с силой сдавил пальцами лоб и виски. Глубоко вдохнул. Надо взять себя в руки и успокоиться. Все хорошенько обдумать. Надо найти способ с ней поговорить тет-а-тет.

Как с ней поговорить? Но как это сделать? Этот, танцор...Сэм, ходит за ней по пятам и подойти к ней не даёт! А меня она избегает, даже не пустила на порог. Мне нужно, очень нужно ей все объяснить, почему вел себя с ней, как свинья, почему отвергал и прогонял. Как ей теперь доказать, что я помешанный на ней ещё с самой первой встречи.

Всё казалось уже решено, но сдаваться я не собирался.

Нет, Аманда, я сдаваться не собираюсь, если даже ты меня списала со счетов. В этот раз я буду бороться за тебя, за нас, до конца.

Мне еще долго проходить реабилитацию, но ради неё я смогу, я стерплю самую адскую и невыносимую боль.

Я снова посмотрел на лежащего в коме друга.

Его грудь мирно вздымалась. С кислородной маски подавался в лёгкие кислород. Я медленно заскользил взглядом по его лицу, пытаюсь уловить хоть какие-то изменения за прошедшие сутки. Я нашёл между нами сходство, пусть и дальнее. Он цеплялся за жизнь, как и я теперь. У него есть любимая женщина и смысл жизни, и я теперь его тоже обрёл.

Я не мог смириться, что упустил свой шанс навсегда. Снова всплыли воспоминания, наши встречи с Амандой, расставания, слезы, упреки, признания... Я копался в памяти, думая с чего начать, за что уцепиться...

И да! Наконец я нашёл то, что пытался найти, ту самую зацепку. Вот оно! Дело о сыворотке, которое я расследовал до операции.

У меня в голове потихоньку начал выстраиваться план. Немного нечестный, коварный и даже опасный. Выстраивая цепочку событий, я уже видел, где смогу убрать от неё её танцора.

Довольно хмыкнув себе под нос, я потянулся к мобильному и набрал знакомый номер. На том конце мой босс не заставил себя ждать.

— Да?

— Мистер Грэнсфилд, это Питер Дэвис.

— Слушаю?

- Я хочу вернуться в ФБР

На четвертый день Макс пришёл в себя. Это были только подрагивания ресниц, стоны, судорожные движения пальцев, но он уже был в сознании. Он начал реагировать на

прикосновения и звуки. На пятый день Макс открыл глаза.

- Хезер... — послышался еле уловимый шепот.

- У нее все хорошо. — улыбаюсь. Я так рад, что Макс наконец- то очнулся. — Поздравляю брат, ты теперь папашка. Таких двух крепышей заделал. — У самого наворачиваются слезы от радости за друга, что очнулся, что у них счастливая семья, дети. Я пожимаю слегка руку Макс.

- Ты видел их? — Макс тоже улыбается и потом морщится от боли.

- Да. Такие бутузы милые. Копия папашка. — Макс счастливо улыбается. — Ты давай быстрее поднимайся, надо помогать Хезер, — подбадриваю друга.

- Пить... — просит Макс.

От радости за Макса, я вскочил со стула, принести стакан, совсем забыв, что Макс ничего не знает о моем новом состоянии. Подношу стакан с трубочкой...а Макс, как-то странно на меня смотрит ...и даже побледнел.

- Это...это...,- показывает кивком головы в мою сторону, — как понимать?

Вот черт. От волнения, совсем забыл. Наверное напугал друга.

- А это, — показываю на ноги, — мой сюрприз. Я попал под программу для военных, реабилитация, испытания новых технологий. И вот, как видишь.

По прогнозам врачей Макс не сможет сразу встать, передвигаться он сможет первое время в инвалидном кресле и ему предстоит еще долгая реабилитация и восстановление. Но ходить он будет. И мне нужно ему помочь это сделать.

К концу недели приехал Дженс. Казалось, вся команда в сборе, но меня вызывали в Вашингтон. Появились какие-то новые и важные сведения по делу Корса, которое было приостановлено с моим уходом и пропажей Ривза. Я боялся, что Аманду снова втянут и решил поехать на пару дней в офис и разобраться.

Приехав в свою квартиру, я обнаружил следы обыска. Здесь явно кто-то был, но в квартире ничего о расследуем деле не было, поэтому ничего и не взяли. Доложив об этом в офисе, я поговорил о деле Корса с Грэнсфилдом. В какую сторону копать дальше, я понятия не имел, но был шокирован, когда передо мной предстала копия вызова на допрос мисс Аманды Линдсей.

Что? Какого хрена? Та чертова брюнетка говорила, что Аманду не втянут в это дело. Тихо выругавшись я снова отправился к Грэнсфилду. Эту бумагу остановить, к моему сожалению я не мог. Но был другой выход.

— Разрешите мне провести самому допрос мисс Линдсей по приезду в Майами. Это всё-таки моё расследование.

Грэнсфилд возражать не стал. И снова поручив мне это дело, закрепил за мной водителя с машиной.

Мне же оставалось понять, где должен пройти допрос, ведь дело по убийству Корса велось в Майами, а если я свяжу это с моим расследованием, то давать показания, возможно, придется в Вашингтоне. Но прежде я сам хотел разобраться к чему этот новый допрос, ведь она уже шла по делу убийства Корса как свидетель и рассказала, что знает.

Взяв папку с делом и новыми уликами, я принялся внимательно изучать бумаги. С момента моего отсутствия к игорному бизнесу добавился ещё и детский приют, делами которого заправляла Аманда. Всё сходилось кроме одного. Я остановился на одном документе, насторожившем меня.

А это ещё что?

На некоторых заблокированных счетах Корса Аманда почему-то стояла как бенефициар. Она задействована в оффшорах и махинациях по отмыванию денег?

Похоже мой собственный план забрать Аманду в отделение на пару дней, вытащить оттуда и убрать Сэма подальше от неё рушился.

Набрать Аманду со своего мобильного было так же рискованно, как и с рабочего номера. Поэтому, в обеденный перерыв, выйдя из офиса, не воспользовавшись услугами Бригса со свободной машиной, я прогулялся пешком и купил временный пакет. Прогулка послужит тренировкой. А для моего разговора воспользоваться временным номером будет безопаснее.

Аманда сопротивлялась изначально, не желая оставлять Хезер, но теперь речь шла о том, что она может получить статью по обвинению в мошенничестве и пособничестве нелегального перевода денежных средств в крупных размерах. Мне удалось её уговорить приехать в Вашингтон всего на пару дней, иначе другой следователь из того же Майами может просто засадить её за решетку.

В тот же день, к вечеру Аманда прилетела в Вашингтон. Взволнованная, она вихрем ворвалась в мой кабинет вместе с охранником, позвонившим со входа мне и пропустившим её. Она была в полнейшем недоумении, что происходит и во что её впутали. В то время, когда я уже навёл справки и сумел докопаться до истины.

— Что я должна тебе сказать? В чем меня обвиняют?

— Пока ещё ни в чём. Просто скажи мне, почему ты числишься как распорядитель заблокированных счетов своего убитого босса?

— Я? Распорядитель?

— Полиция Майами арестовала все его счета, провела все связи и знаешь куда вышла? — я протягиваю ей документ? и её глаза расширяются.

— Приют?... Но... Как же так? Как он мог? Ведь это дети! Как можно на этом зарабатывать?

Меня просто умиляет её наивность и доверчивость. Я смеюсь.

— Ещё и как можно. Под видом благодетели, Аманда, люди могут скрывать много тайн и свою настоящую сущность. Тебе ли удивляться, зная своего босса!

Она растеряна. Потрясена.

— И... и что теперь будет? Меня арестуют? А Джен? О Господи! — Аманда прячет лицо в руки и заходится рыданиями.

— Джен? Кто такая Джен?

— Дженна. — Аманда утирает руки с лица и тыльной стороной ладоней вытирает слёзы. — Моя приёмная дочь, — добавляет почти шёпотом.

— Дочь? — в потрясении я открываю рот, не зная, что и сказать. — Ты удочерила ребёнка?

— Да, Питер, что тут такого?

— Но ты же... — я могу лишь тяжело вздохнуть. Осуждать её или спорить с ней просто бесполезно. — Ты же сама только становишься на ноги, строишь свою жизнь, карьеру. Но... — я могу лишь развести руками. — Я думал, ты так будешь делать, но ты уже успела... создать семью! — говорю ей, почти обвиняя. Чёрт, знала бы она, как меня бесит этот парень рядом с ней и как я боюсь её ответа на следующий вопрос. — Я боюсь даже спрашивать, не вышла ли ты за этого своего, танцора?

— Сэма! — поправляет она.

— Да, Сэма.

— Я не лезу в твою личную жизнь, ты не лезь в мою.

— Ох, вот как ты заговорила, — выплевываю с издёвкой и усмешкой.

— Питер, это к делу не относится. Ты вызвал меня на допрос, я отвечаю, что мне известно. Да, это моя подпись, я подписывала несколько бумаг по приюту, но я не знала, что этими документами прикрывают какие-то счета.

Похоже что она не врёт. Давно я её знаю, и это состояние выдаёт её истинные эмоции.

С пару минут я напряженно думаю, что мы можем сделать. Посадить её в камеру может быть рискованно, ей действительно могут заняться следователи. Если же я сам буду вести это дело и слегка заторможу его?

— Пошли. — Я беру трость и резко встаю из-за стола. Уже вечер, отвезу тебя в отель и подумаю, чем я могу тебе помочь.

— Но я же на допросе.

— Пока ты не обвиняемая, а только свидетель. Сопровождение важных свидетелей возможно и не запрещено.

Покинув и закрыв мой офис, мы выходим из здания ФБР на парковку. Бригс, оставив электронную подпись об уходе, выходит следом и нажимает кнопку открытия машины.

Открыв переднюю дверь, сажусь на пассажирское сидение рядом с водительским. Аманда забирается назад. В кресло водителя садится Бригс. Пристегнувшись, мы готовы ехать.

Всю дорогу до отеля мы проводим в тишине. Периодически через зеркало поглядываю на уставшую и потрясенную Аманду. Сколько же всего свалилось на эту девушку!

Подъехав к отелю Бригс останавливает машину, но тут же замирает. Прослеживаю за его расширяющимися глазами от ужаса и смотрю на приборную панель, аномально подёргивающуюся. Кровь моментально стынет. Сердце уходит не просто в пятки, а гулко тарабанит о грудную клетку и пульс с диким всплеском адреналина импульсами острой боли гремит в голове.

Д*рьмо. Это бомба!

— Не похоже, что под сидением.

— Ты на этом разбираешься? — чуть слышно спрашивает Бригс.

— Немного. Аманда, выпрыгивай из машины!

— Что? Что происходит? — испуганно смотрит девушка.

— В машине бомба. Нас пытаются убить.

— Может не стоит? Она не сработает на движение? — Всё так-же не отрывая взгляда от приборной панели, спрашивает Бригс.

— Я вызову сапёров, — аккуратно достаю мобильный из кармана, — но будем ждать минут 15. А столько времени у нас просто может не быть. — Выпрыгивай, я тебе сказал! Живо! — развернувшись, насколько позволяет сидение, толкаю Аманду рукой к двери.

— Нет, — всхлипывает Аманда. — Я без тебя не выпрыгну.

Бл*ть. Что за упрямая.

— Ну-ка подтолкни коврик. Только аккуратно.

Бригс толкает коврик и в полу я нахожу небольшое отверстие. В трещине хорошо просматривается датчик и таймер. На таймере мелькают цифры. Около трёх минут.

— Бомба действительно с датчиком движения, до взрыва три минуты. Быстро из машины! — Мы с Бригсом резко открываем двери. — В машине бомба! — кричу что есть

мочи окружающим, всем уходить отсюда!

Аманда хватает меня под бок и мы бежим. Я бегу, что есть силы, преодолевая жгучую боль. Нет времени сейчас об этом думать. Совсем нет.

Счет времени потерян. Минуты превращаются в секунды. Я чувствую сильный удар в спину взрывной волны, закрываю собой Аманду и... проваливаюсь во мрак.

Глава 15

Sheril Crow — Tomorrow never dies

Аманда

— Питер! — истошно кричу, когда чувствую резкий мощный толчок в спину. Питер хватает меня в охапку, накрывает собой. От взрывной волны мы падаем на асфальт.

Резкое приземление. В глазах темнеет. Чувствую во рту привкус горечи и пыли. Дыхание затруднено запахом гари. Задыхаюсь, горло сдавливает удушливый кашель.

Меня охватывает паника и ужас. Пытаюсь пошевелиться под Питером и поднять голову. Стена из пыли и едкого дыма, клубящейся тучей, застилает глаза. Питер, соскользнув с меня, безмолвно падает рядом. Поворачиваю к нему лицо.

— Питер, — хриплым свистом вырывается из груди. Но он лежит, так и не пошевелившись.

О Господи! Питер! Меня накрывает панический ужас.

— Питер! — бросаюсь к нему и трясу его, что есть силы. — Питер!

Его лицо искажается в болезненной гримасе, и он протяжно стонет.

Очнулся.

— Живой! — вздыхаю с облегчением. Похоже, он потерял сознание. Но открытых ран на теле нет. Питер шевелится и ощупывает себя. Закинув голову назад, он морщится, а затем, привстав, оборачивается к горящей машине.

Повернувшись снова ко мне, окидывает меня беглым взглядом.

— С тобой всё хорошо? Ничего не сломано, идти сможешь? — взволнованно произносит хриплым голосом, и морщится от боли.

Кашляя, я начинаю подниматься. Он тоже пытается встать. По движениям видно, что ему трудно. Я, присев, подставляю ему своё плечо. Опираясь одной рукой о землю, и второй о моё плечо, Питер зажмурившись поднимается.

— Брикс, — озираясь по сторонам, Питер ищет водителя. Тот стоит в метрах двух от нас, и кашляя отряхивался от упавшей на него земли.

К тому времени, как мы самостоятельно встали, на улицу, из отеля высыпала масса людей, издали слышались сирены скорой и пожарных.

— Брикс, — позвал Питер, — уходим отсюда. — В госпитале, как и в других местах, сейчас может быть опасно.

Пошарив по карманам, Питер вытаскивает сломанный пульт. Опуская его назад в карман пиджака, он прикасается к спине и стонет. Зная, насколько Питер привык преодолевать боль, я могу предполагать, как тяжело ему сейчас.

Нейростимулятор от взрыва бомбы мог прийти в негодность, и я помогаю ему идти, став для Питера, некоего рода опорой.

Мы грязные и еле живые, добираемся до его квартиры. Почти кубарем вламываемся в

неё, с шумом падая на пол в прихожей, едва входная дверь открывается.

С пару минут, мы так и лежим тихо, не шевелясь. В тишине квартиры, слышится только наше тяжелое дыхание.

Чувствую, как Питер с гулким стоном откатывается от меня, и пытается встать.

— Оставайся тут, — хрипло шепчет осевшим голосом, скрываясь в темноте квартиры. — Нужно проверить, не побывал ли тут кто во время моего отсутствия.

В ответ я только стону, протяжно выдохнув. Всё ещё пребывая в шоковом состоянии, я не понимаю до конца, что происходит. Голова тяжёлая, тело дрожит от дикого пережитого ужаса близкой смерти, несвязные мысли путаются в голове.

В глубине квартиры что-то падает, слышится треск. Боюсь даже пошевелиться, затаив дыхание, и прислушиваясь. Слышу еще какие-то непонятные звуки, доносящиеся из глубины квартиры.

Кромешная тьма сменилась приглушённым светом. Я приподнимаюсь на локте и оборачиваюсь в сторону света. Питер стоит, освещаемый тусклым светом настенного светильника, опираясь о стену рядом с дверью.

— В квартире кто-то побывал, но находиться здесь сейчас уже неопасно. — Вставай. — Он подходит ко мне, опираясь о стену, и подает руку.

— Спасибо, — я поднимаюсь, так и не приняв его протянутой руки, понимая, с какой болью и трудом ему даётся каждое движение. Обхватив себя руками и всё еще дрожа, я вхожу в комнату и осматриваюсь. Питер сказал, что в квартире кто-то побывал, но, ни беспорядка, ни упавших или сломанных вещей я не вижу. А значит он, по невидимым моему глазу уликам, смог это определить, отлично зная своё жильё.

Минуя меня, Питер проходит к ванной. Стянув с себя разорванную рубашку и умывшись, он открывает шкафчик над умывальником. Быстро и сосредоточенно осматривая содержимое шкафчика, Питер достает оттуда несколько флакончиков и упаковок, и направляется в кухню. Я иду следом.

С тяжелым выдохом он опускается на стул и открывает флаконы один за другим. Повернувшись, он бросает на меня мимолётный взгляд и резким движением притягивает к себе другой стул.

— Садись. У тебя на лбу запекшаяся кровь, нужно обработать ссадины.

Я молча подхожу к стулу и сажусь. Питер разрывает один из пакетов, лежащих на столе, и отрывает кусок ваты. Обильно полив прозрачной жидкостью с резковатым запахом, он аккуратными движениями, несколько раз прикасается к моему лбу. Кожу сильно щиплет, и я морщусь.

— Немного неприятно, я знаю. Потерпи, — тихо говорит он, отводя взгляд. Убирает мокрый тампон и легонько дует.

Ощувив приятное мягкое тёплое дыхание на воспалённом участке, моя кожа ментально покрывается мурашками. Я сплываю и судорожно втягиваю воздух, поёжившись. Учитывая, сколько времени прошло, и что я начала жизнь заново, при близости Питера я чувствую себя смущенной. Как я ни пыталась забыть, ничего не прошло. Все инстинкты, от его прикосновений, на подсознательном уровне вспыхнули вновь. Не желая считаться с ними, я отстраняюсь и отвожу взгляд в сторону.

— Можно мне воспользоваться твоим душем? — Осматриваю себя. Одежда на мне испачкана, а местами виднеются прорехи.

Питер с пару секунд молчит, так и застыв с поднятой в воздухе рукой и мокрым

тампоном. Пару раз моргнув, словно очнувшись от своих мыслей, он указывает мне на ванную.

Поднимаюсь со стула, и так не подняв взгляд на Питера, я ухожу в ванную, закрыв за собой дверь. Подхожу к зеркалу и смотрю на свои повреждения. Мой внешний вид ужасающий. Испачканное лицо, распухшие губы, ссадина на лбу, грязная и порванная одежда, всклокоченные волосы.

Бросив взгляд на инвалидное кресло, обхожу его и раздеваюсь. Быстро сбросив с себя порванную и грязную одежду на пол, захожу в душ и откручиваю кран. Мощная струя воды падает на тело, разлетаясь сотнями брызг по стенам душевой кабинки. Подкрутив кран и настроив тёплую воду, я поочередно подставляю под струю то лицо, то плечи. Теплая вода омывает тело и по нему расплзается приятное тепло. Какое блаженство. Закрываю глаза. Вспоминаю недавний момент близости, когда Питер наклонился ко мне, промывая ссадину. Улыбаюсь. По телу пробегает приятная дрожь.

Согревшись и ощутив, что дрожь отступила, я выхожу из душевой кабинки. Стянув висевшее, на небольшом стальном держателе, банное полотенце, я заворачиваюсь в приятную на ощупь ткань. Протерев влажную испарину на зеркале, я снова смотрю на своё отражение. Глаза всё ещё уставшие, но раскрасневшаяся кожа, на лице, уже чистая.

Выглянув за дверь ванной и приоткрыв её сильнее, я натываюсь на сложенные вещи на полу. Нагнувшись, придерживая полотенце и поднимая с пола вещи, я бегло осматриваю штаны со шнурком на поясе, футболку и толстовку.

Подбираю всё и быстро, без тени сомнения, надеваю. Без нижнего белья. Ну и что. Главное, что на мне всё чистое, приятное к телу и целое.

Нахожу Питера в кухне. На столе лежи пачка крекеров, а рядом из чашки парует дым.

— Это всё, что пока есть, — Питер пожимает плечами, словно оправдываясь. — Поешь.

— Спасибо. — Сажусь на соседний стул и придвигаю чашку с горячим чаем ближе. Немного помедлив, он поднимает глаза на меня, как будто хочет что-то сказать, но, видимо передумав, молча встаёт и уходит.

Не пытаюсь разобраться, что он хотел. Не хочу. Не хочу сейчас ни единой мысли. Во мне всё ещё сидит панический страх пережитого. И тело только-только перестало дрожать.

В одиночестве и полной тишине, пью чай с крекерами. Питер возвращается на кухню. В чистой одежде и что-то вроде костыля под рукой, сооруженного из скрепленных досок. Прекращаю жевать, и в недоумении смотрю на Питера, держащего в руке пластырь.

— Ссадину лучше заклеить, — положив пластырь на стол, он дотрагивается ладонью до моего подбородка и слегка наклонившись, осматривает мой лоб.

— Наверное...

Опустившись рядом на стул, он разрывает упаковку и аккуратно прижимает его к моему лбу, нежно убирая еще влажные пряди волос назад.

Под его тёплыми касаниями загрубевшей кожи на подушечках пальцев, моя кожа просто вспыхивает. Чувствую, как меня начинает заливать предательский румянец, и убираю глаза в сторону. Слышу вкрадчивый смешок и лёгкое касание пальцем моей щеки. Сердце во мне словно обрывается и куда-то падает вниз.

— Готово. Жить будешь, — пытается пошутить Питер.

Встав со стула, Питер проходит к шкафам и выдвигает нижний ящик. Достает оттуда бутылку, а из верхнего ящика, пустой стакан, наливает в него прозрачную жидкость.

— Выпьешь? — протягивает мне стакан.

— Что это? — Взяв стакан, приноживаюсь к содержимому. Ноздри опалает резким запахом.

— Это джин. — Он отворачивается. Берёт второй стакан и наливает себе. — Увы, ничего больше предложить не могу.

— Сойдёт. — Зажмуриваюсь и, затаив дыхание, пью содержимое стакана без остановки. О Господи как же печёт. Кажется, что внутри меня всё горит. Я хватаю резкими рывками воздух.

Питер опрокидывает свой стакан и опускает глаза.

— День был долгий... Надо отдохнуть. Пойдём, — встаёт и выходит из кухни, так и не взглянув в мою сторону. Я поднимаюсь и иду за ним. Со стоном и тяжелым прерывистым дыханием, опираясь на костыль, он заходит в спальню, не включая свет. Комната погружена в полумрак, и только отблески мягкого света из коридора, освещают бликами стены. Тихо, пытаюсь не нарушать тишины, захожу следом и осматриваюсь.

Он наклоняется и достает из-под кровати чемодан, а следом и второй. Слышу щелчок и подхожу ближе, получше рассмотреть содержимое. Я знала, что человек его профессии должен иметь оружие, но увиденное повергло меня в шок.

— Питер, — на выдохе, почти беззвучно произношу, — зачем тебе столько оружия? Я не разбираюсь в оружии, но... — указываю рукой на первый чемодан, — это винтовка?

Он молча открывает второй чемодан с различным арсеналом боевого оружия. Берет оттуда магазины с патронами, достает из-за пояса оба пистолета и перезаряжает обоймы.

Слышу щелчки перезаряжаемых пистолетов. Закрываю глаза, от нервного перенапряжения меня всю трясет. Господи, во что я вляпалась? Еще и его втянула.

— Прости меня Пит, — тихо произношу, прерывисто выдыхая. Кладу руку ему на плечо. — Прости, что втянула тебя в это.

Питер поворачивается ко мне, прищуривает слегка глаза и пристально смотрит на меня.

— Ты ценный свидетель. И... у тебя есть ребенок... — жестким тоном отчеканивает он, отворачиваясь от меня. Его тон и слова все переворачивают во мне. Опять появился тот Питер...эгоист. Все повторяется... К горлу подступает комок, снова эта щемящая боль разрывающая душу. Меня всю словно охватывает жгучим пламенем, и я гневно сжигаю его взглядом.

— И это все? Только в этом причина..? Час назад, ты, Питер Дэвис, — я повышаю голос, негодуя, — готов был свою жизнь положить, спасая меня! И... только потому, что я ценный свидетель?!

Он смотрит в сторону, так и не ответив мне. Молча, оставив костыль у стены, он отправляет один из чемоданов назад, под кровать, а второй ставит на пол. Один из пистолетов засовывает себе за пояс. Рывком стянув покрывало, кивком головы, указывает мне на противоположную сторону кровати.

— Здесь ты будешь спать.

— У тебя в кровати? А... — бросаю мимолётный взгляд на его ноги, — а ты?

— Я буду в соседней комнате, на диване.

— Комфорт женщины, прежде всего? — едко замечаю. Он что, совсем ненормальный, он же еле стоит на ногах!

— Нет, ты будешь спать тоже здесь. Или... — я киваю в сторону дверного проёма, — или я пойду туда спать.

— Аманда, перестань мне перечить, — почти рычит Питер. При этом его скулы

обостряются, а зрачки темнеют. На какие-то секунды я теряю дар речи и ошеломленно смотрю на него. Кто передо мной сейчас? Заострённые черты лица, злые и почти черные глаза. Такого Питера я вижу впервые.

Не став больше спорить, я уступаю ему, и демонстративно откинув одеяло, забираюсь на кровать.

— Доволен?

— Более чем, — фыркает он, но не уходит.

— У тебя волосы ещё влажные.

О. Да неужели! Он что, серьёзно начал о мне беспокоиться?

— О! Ты опять обо мне заботишься?! Как о ценном свидетеле? — с сарказмом и злостью выпаливаю я. Даже не знаю, что на меня нашло. — И что с того, что мокрые? — уже более спокойно говорю.

Я замечаю, как напрягаются на скулах желваки. Но он молчит и, покачав головой, разворачивается к выходу из спальни.

— Одежду я закинул в стиральную машину, к утру будет сухой, — бросает он через плечо.

— Спасибо, — брякнув, я откидываюсь на подушку, переполненная злостью и недоумением. Он же сам хотел со мной в больнице, а потом в отеле поговорить и наладить отношения. Я не понимаю, что же сейчас происходит?

В смятении, я кручусь ещё примерно какое-то время, перевозбужденная и вымотанная, пока меня не одолевает сон.

В моём сне, я снова бегу, снова падаю, снова кричу. Снова этот едкий удушливый дым. Тяжело дышать, глаза слезятся, паника сдавливает грудь. Я просыпаюсь с испариной, выступившего на лбу холодного пота.

Открыв глаза, всматриваюсь в темноту, в силуэт, сидящий у изножья кровати. Питер. Я резко поднимаюсь и сажусь, оглядываясь в снова подступающей панике.

— Питер? Что-то случилось?

— Тише. Все хорошо. Тебе приснились кошмары, и ты кричала. Спи, — ласково, как маленькому ребенку, шепчет Питер.

— И ты поэтому здесь?

— Нет, — тихо отвечает.

— Тогда почему? — настаиваю я.

Он поворачивается ко мне боком, и я пытаюсь рассмотреть в темноте его лицо. Уже не злое и не напряженное.

— Скажи, почему ты удочерила ребёнка? — неожиданно для меня спрашивает Питер. — Я столько раз задавался этим вопросом. Я понимаю этот парень, я сам тебя оттолкнул, но ребёнок... зачем это тебе, Аманда?

— Знаешь, есть такие вещи, которые мы делаем не совсем обдуманно. Точнее... иногда наши чувства возобладают над рассудком. Вот здесь я руководствовалась своими чувствами. Я прикипела к этой девочке всей душой, я почувствовала в ней что-то своё, родное. А ты? Ты всегда руководишься в поступках и действиях только здравым смыслом?

В темноте и полной тишине комнаты я услышала, как он вкрадчиво смеется.

— Нет.....Хмм... вот сейчас точно нет. Если бы я руководствовался только им, то так бы и оставался на диване. Меня бы тут сейчас не было.

Чувствую, как по телу разливается приятное тепло, а по позвоночнику пробегает

небольшой электрический разряд. Опять.

Нет, этого не должно со мной происходить. Нет. Нет. Нет.

Нервно содрогнувшись, я подтягиваю колени к себе и обхватываю их руками, плотно прижав к груди. Он продолжает:

— Я не знаю, как себя оправдать. Ни своих слов, ни поступков, назад я не могу забрать. Я разве что, могу защитить тебя. И...и просто быть с тобой.

— Это как?

Развернувшись, он берёт меня за подбородок и приближается ко мне.

— Послушай, ты и только ты, всегда была в моей голове. Одна. Я не могу тебя просить меня понять, ты просто должна принять тот факт, что с калекой у тебя бы ничего не вышло. Теперь я сам способен управлять своим телом и могу защитить тебя, не чувствуя в себе больше беспомощности. И мне всё равно, что у тебя там, с этим Сэмом было или есть. У меня в голове — ТЫ МОЯ.

Последние слова я дослушиваю уже с полными слёз глазами. Я не должна это слышать, не должна воспринимать. Но я верю ему снова. Безоговорочно. Я побеждена. Повержена. Он меня сломал. И сердце клопочет в груди, как заведённое.

Я поднимаю свою руку, и опустив её ему на затылок, притягиваю к себе. Упираюсь своим лбом в его. Громко всхлипываю, не в силах сдерживать рвущиеся из груди рыдания. Меня трясёт, как в лихорадке, а Питер хаотичными поцелуями покрывает щеки мелкими поцелуями.

— Я знаю, ты не простишь меня, — шепчет в губы, обдавая меня горячим дыханием, — но прошу, дай мне шанс. Один гребанный шанс. Только не отталкивай меня.

Это меня доканывает, и я рыдаю еще сильнее. Кажется, меня просто выворачивает наизнанку. Я так долго мечтала услышать эти его слова.

— Тише, тише, хорошая моя, — шепчет, продолжая меня нежно целовать.

После очередного громкого всхлипа я шмыгаю носом. Тёплые губы Питера становятся более настойчивыми. Он придвигается ближе, и, склонившись надо мной, подталкивает и прижимает меня к постели. Нависая сверху, он пробирается рукой под мою футболку и кончиками пальцев нежно касаясь, проводит вдоль моих ребер и живота. От его пальцев по телу расходятся точечные разряды. Я вздрагиваю. Горячей волной, тепло разливается по груди, и тяжёлым свинцом сгущается внизу живота, приобретая оттенок ноющей боли. Он наклоняется ко мне с лёгким, нежным поцелуем, постепенно углубляя его. Затем резко отстраняется.

— Я... я не уверен, — хрипло шепчет, — я так давно не ощущал себя так...не знаю, как смогу...

Я не даю ему договорить, притягивая к себе и заглушая поцелуем. Питер подтягивает рукой моё колено и прижимается ко мне всем телом. Чувствую его эрекцию. Его губы скользят к моей шее, а затем к плечу. Мягкой и нежной дорожкой переходят к груди. Питер никогда не был нерешительным, но сейчас я чувствую его страх. И напряжение его мышц под кофтой отдается во мне трепетом. Дыхание с каждой новой секундой становится более рваным. Мои руки судорожно шарят по его телу. Дрожащими пальцами я выдергиваю футболку из штанов и дёргаю за шнуровку на поясе. Сняв с Питера футболку, я обнимаю его за плечи, чувствуя каждую натянутую мышцу. Быстрым движением Питер стягивает с меня толстовку с футболкой и высвобождает из штанов. Мы целуемся, сплетаясь языками. Громкие стоны эхом разносятся по комнате. Есть только мы и больше ничего. Контроль

утерян. Ни ссор, ни обид, ни чувства вины. Тело изнывает и жаждет его любви, ласки, прикосновений. А вдобавок к истерзанной душе это взрывоопасный коктейль.

Питер спускается ниже, беря в рот мой сосок, то слегка прикусывая, то нежно посасывая его. Я стону и выгибаюсь. Пока одна его рука ласкает мою грудь, вторая спускается ниже и раздвигает мои ноги. Раздвинув, уже порядком набухшие от возбуждения складочки, он нежно поглаживает комочек нервов, вызвав во мне протяжный стон. Надавливая пальцем медленно массирует мой клитор. Я выгибаю бедра. С громким протяжным стоном почти кричу, находясь на пике экстаза и взрыва.

— Давай. Давай моя маленькая. Не сдерживай себя. Все для тебя, — ласково нашептывая, Питер продолжает покрывать поцелуями мой живот, спускаясь ниже. Чувствую там... его дыхание и его горячие губы ....Боже! Что он делает со мной? Его язык проскальзывает в меня. И я взрываюсь... Меня словно бьет током. Все тело содрогается. Питер не останавливается, а продолжает, теперь уже вылизывать меня. Я замираю. В горле пересохло. Я лечу...

— Черт, я хочу тебя. Я больше не могу себя сдерживать. Я должен быть внутри тебя, — порывисто дыша, произносит Питер.

— Да, — все что могу вымолвить.

Раздвинув мои ноги, вклинивается между них. С пульсирующим и набухшим от нетерпения членом, он покручивает головкой вокруг моего входа, пристраиваясь и упираясь в него. Чувствую, как по его телу пробегает волна дрожи. Медленно входит. Потом издает, невероятно сексуальный звук блаженства. И резко входит до конца. Я ахаю. Он останавливается. Его губы находят мои, и мы сливаемся в диком чувственном танце языков. Мы не можем насытиться друг другом. Движения его становятся более резкими. Во мне зарождается новая волна возбуждения. Чувствую, как меня всё сильнее и сильнее поглощает внутреннее напряжение. Внутри нарастает новая волна пульсации. Двигаюсь ему на встречу.

— Питер...Сильнее! Резче! — кричу, не сдерживаясь.

Движения его становятся более резкими, толчки сильнее. Он морщится, но не замедляет темпа. Я слышу, как внутри него зарождается знакомое гортанное рычание, которое обычно предшествует пику.

Мои стенки сжимаются с каждым входом и выходом. Питер, уткнувшись мне в шею, продолжал двигаться.

— Да, малышка. — Толчок. — Да девочка моя. — Толчок. — Не могу без тебя. — Толчок.

Мое тело начинает дрожать. Каждая мышца напряглась, каждое нервное окончание начало пульсировать, и снова меня накрывает с новой силой мощный оргазм.

Сделав еще несколько сильных толчков, он у самого уха шепчет моё имя и выходит из меня, уткнувшись мне в шею, и заливая мой живот теплой жидкостью.

Какое-то время мы не двигаемся, тяжело дышим, пытаюсь восстановить дыхание. Потом Питер скатывается с меня, устраиваясь рядом, и притягивая меня, прижимает к себе.

Тишина. Ничего, кроме нашего рваного дыхания. Но совершенно выдохшейся и ошеломленной, я вдруг, почувствовала себя... счастливой.

Эта ночь изменила многое. И уже засыпая на плече у Питера, сквозь сонную дымку, я подумала, что у меня ещё есть время до завтра, побыть счастливой, чувствуя тепло Питера. И утром, я подумаю о том, что я действительно натворила и что с этим делать. Но когда в моём сне возник яркий свет и приятная нёга ушла, в голове загудело, а я с тревогой осознала, что

уже утро.

Пытаясь отогнать реальность и мучающую головную боль, я зажмурилась. Мне было уютно и тепло. И его объятия. Такие тёплые. Такие крепкие. Для наших отношений с Питером, если их так можно было назвать, это было слишком. Я не жалела об этом. Я просто не верила в это. Я просто... не верила больше в нас. И то, что случилось этой ночью, я была не уверена, что готова разбираться в этом.

Глава 16

Highly Suspect — Bloodfeather

Питер

За окном еще только светает, комната погружена в полумрак. Все тело ломит от вчерашних «приключений», будь оно все неладно. Пытаюсь пошевелиться, моя левая рука отекает. Открываю глаза, и вдыхаю аромат своей любимой женщины. Она лежит, свернувшись калачиком, спиной ко мне, прижимаясь своей попкой. Одна мысль о ее сладкой попке и мой член в боевой готовности.

Чуть тихо стону. Притягиваю ее еще ближе к себе и обнимаю крепче. Носом зарываюсь в ее рыжую копну волос и снова вдыхаю аромат.

Моя. Моя женщина.

Улыбаюсь. Она во сне поворачивается, а я тихонько освобождаю свою онемевшую руку.

Вот жизнь, всё-же, какая изменчивая штука. Из серой и непривлекательной действительности, всё резко сменилось одним днём, окрашиваясь яркими красками. Только, отчего-то всё в моей жизни всегда идет наперекосяк, на каждом жизненном этапе, превращаясь в дерьмо. То ли люди попадались в ней не те, то ли я сам всё портил, трудно сказать, но исход был одинаковый. Вот и сейчас, обнимая ту, что крепко спит рядом, ту о которой грезил, я чувствовал, что не стоит расслабляться, жизнь снова может дать очередную трещину.

Аманда пошевелилась, прервав мои мрачные размышления. Сонно потянувшись, она улыбнулась, а я сильнее сжал её в своих объятиях. Не хотелось её больше никуда отпускать.

Странно, почему именно, она? Скольким женщинам я не доверял, не воспринимал всерьёз, но почему я хочу верить ей? Вдыхать её запах, ощущать мягкость рыжих волос, слышать этот голос. Меня тянет к ней больше, чем к другим женщинам, которых я знал. И я хочу ее настолько, что теперь мои принципы обернулись против меня. Я хочу быть с ней, защищать её.

Ее веки дрогнули, и она открыла глаза.

— Привет, — хрипло протянув, она пытается отодвинуться задевает мой эрегированный член. Я стону и крепче прижимаюсь к ней. Ее сладкий аромат дурманит мой мозг.

— Доброе утро, — удерживая её по-прежнему сильно, я заглянул ей в глаза. Почему? Почему она пытается высвободиться?

— Отпусти, — как-то умудрившись, она просунула между нами ладонь и надавила ею мне в грудь.

— Почему ты меня отталкиваешь? — Теперь же я её не понимал и был абсолютно растерян. Она не хотела без меня покидать машину. Она лежит со мной в постели. Но она, как-будто не моя.

Я разомкнул руки. Аманда встала с постели и стала одеваться. Это меня просто обескуражило. Что с ней вообще происходит?

— Аманда! — я требовательно окликнул ее. Она застыла. — Какого черта происходит? Ты теперь будешь из себя строить недотрогу? Разъясни мне, — раздраженно произношу, — и уж постарайся, чтобы я понял все конкретно, — она молчит, но не продолжает одеваться. — Ты же жить без меня не хотела. Ты прекрасно понимала, что я могу погибнуть в этой чертовой машине с бомбой.

— Я... я не знаю, что тебе сказать, — она обернулась, опуская серьезный и задумчивый взгляд в пол. — Это всё было на грани отчаяния. Мы поддались инстинкту самосохранения.

Что за бред она несёт. Да, согласен, с бомбой в машине мы действительно руководствовались инстинктами, но ночью... Нет, я же знаю эту девочку, она просто пытается заглушить в себе чувство ко мне. Но почему именно теперь, когда я решил, что она моя и я ее не отпущу?

Я резко поднялся и сел, почувствовав резкую боль в спине. Но сейчас меня не это волновало. Я понимал, что снова теряю ее и всё во мне сейчас противилось этому, заглушая физическую боль.

— Инстинкту говоришь? Когда ты стонала ночью подо мной — это был всего лишь инстинкт? Или то, как ты не захотела оставить меня одного в машине... Ты сама веришь в то, что говоришь? — я понимал, что могу наговорить ей много резких слов, но молчать сейчас было не время. — Хочешь сказать, что с любимым бы так поступила самоотверженно? Не лги, я хорошо тебя знаю. Нас пытались убить. Ты можешь хоть сейчас быть честной со мной?

Её брови нахмурились. С пару секунд постояв молча, она вздохнула и опустилась на кровать рядом со мной.

— Хорошо. Я просто не знаю, поступаю ли я правильно, Питер. У меня Джэн. И Сэм...

— Что? Ты намерена вернуться к своему танцору? — зло выкрикиваю, даже не скрывая, что откровенно ревную её.

— Нет... — она категорично замотала головой — что меня немного успокоило. — Теперь я не смогу этого сделать. Но... я не уверена, что у нас может что-то получиться.

— Тебе важно что, никого не обидеть? Всех сделать счастливыми? Детка, по тебе сохнет два парня и один из нас однозначно будет несчастным. Вопрос в том, что ты сама чувствуешь и к кому? Я что-то не заметил у тебя пылкого взгляда на этого парня, и за последние сутки о нём ты ни разу не вспомнила, — подмечаю с сарказмом.

— Дело не в Сэме, я же говорю, что не уверена в нас.

— Что тебя тревожит? — я подвинулся к ней и обняв Аманду сзади, за хрупкие плечи, притянул к себе. От неожиданности она вздрогнула, но не сбросила моих рук.

— У меня теперь семья...

— Ты думаешь, я буду плохим отцом для Джэн и других наших детей?

— Что? — она повернулась ко мне, смотря в упор широко распахнутыми глазами.

— Ну... — я пожал плечами, — вначале мы вытащим тебя из того дерьма, в которое тебя втащил твой босс, а вот потом... — я прижал её ещё крепче, — я обещаю, что вытяну тебя из этого и ты станешь моей женой, идёт? — Моё признание, кажется, выбило у нее весь воздух из легких. Она затаила дыхание, а потом тяжело и шумно задышала. На глаза навернулись слёзы. — Всё будет хорошо моя хорошая, — шепчу ей, целуя в хрупкое плечико, перемещая поцелуи на шею, лицо, вбирая губами упавшие соленые слезинки. — Только дай

мне шанс... нам шанс, — поправляюсь, — один...единственный...чертов шанс... — , отстраняюсь и смотрю ей внимательно в глаза, — так ты выйдешь за меня?

Она зажмуривается и молча кивает. Бросается мне на шею и крепко обнимает. У меня на сердце теплеет. Я счастлив. Впервые в жизни я по-настоящему счастлив. Хочется кричать во все горло. Чувства переполняют меня.

За дверью спальни слышится шорох. Нехотя отстраняюсь от Аманды, отлично понимая, что кто-то пробрался в квартиру.

Быстро забилося сердце. Насторожившись и вслушиваясь в доносящиеся звуки, подсовываю руку под подушку, где оставлял пистолет на ночь.

— Bravo голубки, а вы не плохо устроились, — с саркастической и злорадной ухмылкой, похлопывая в ладоши, в спальню заходит Триш, а следом за ней, тускло освещаемый мужской силуэт, в котором я узнаю... Уолтера с наставленной на нас пушкой. Того самого Уолтера Ривза, моего напарника.

От неожиданности Аманда вскрикнула и вжалась в меня, дрожа всем телом.

- Руки... чтобы я видел, друг...., - предупредительно громко говорит Ривз и ухмыляется, продолжая держать нас на мушке. — Предупреждаю, не дури, Пит, — кивает головой в сторону моей руки под подушкой, — медленно подними обе руки вверх.

Зная, насколько хорошо и технично он обучен, делаю, как он говорит. Он с Триш, а значит, нет смысла юлить и ерничать, подвергая наши жизни с Амандой опасности. Они наверняка прекрасно осведомлены, к чему мы смогли подобраться. Но если они здесь, значит в чем-то и они просчитались и дело зашло в тупик.

— Что, так и не нашли сыворотку? — бросаю с издевкой, усмехаясь, прямо в лицо нагло улыбающейся Триш. — Корс так и не раскололся значит, — бросаю вызов этой самоуверенной дамочки, — перед тем, как вы его грохнули?

Она в момент мрачнеет. Лицо искажается в злобной ярости.

— Ещё только слово и эта твоя балеринка будет плясать под мою «музыку».

Аманда бледнеет. Чувствую, как от страха она впивается ногтями мне в кожу, и сильнее прижимается ко мне.

— Ладно, ладно — пытаюсь разрядить обстановку, — я все понял, давай не будем горячиться. Я цитирую только факты. В последний твой визит, ты уверяла меня что у вас все под контролем, но если ты здесь, то что-то пошло не твоему плану. Верно?

Перевожу взгляд на Ривза. Мысленно оцениваю обстановку. Положение сейчас крайне опасное, нельзя их провоцировать, со мной Аманда, и они прекрасно понимают, что из за нее, я у них на крючке.

Чувство безысходности наполнило меня до краёв. Шанс на спасение у нас был просто минимальный.

— Хорошо, — тяжело вздыхаю. — Я слушаю ваши условия, — серьезно смотрю на Триш.

Брюнетка хмыкнула и, пройдясь по комнате, вальяжно расселась на стуле, закинув ногу на ногу на тончайших шпильках.

— Тогда слушай меня очень внимательно, — хмыкает, — и запоминай. — Она, — показывает на Аманду, — пойдёт с нами. А ты, спокойненько останешься тут. И не вздумай дёргаться, — ехидно улыбается. — Теперь ты и твои действия решают ее дальнейшую судьбу и жизнь.

Они забирали Аманду. Я с ненавистью посмотрел на брюнетку. Ее взгляд выражал

злобу и агрессию.

— Что вам нужно от меня? — испугано выкрикнула Аменда. — Я же всё рассказала, о чем знала.

— Ты? — злорадно смеется Триш. — Ты всего лишь жалкая пешка в чужой хорошо спланированной игре, дорогуша. А вот твой босс, он не сдох, а инсценировав собственную смерть, просто смылся, прихватив с собой чужой трофей.

Ривз подошёл к краю кровати и, наставляя пистолет на Аманду, и взяв её под локоть, потянул на себя. Триш достала из-под полы пиджака пистолет и направила на меня.

Аманда испуганно посмотрела на меня. Я кивком головы показал ей, что сопротивление бесполезно.

Я лихорадочно соображал, что могу предпринять и как спасти Аманду, но всё сводилось на нет из-за наставленной на меня пушки.

— Выйдем на Корса — получишь девчонку. — Ривз толкнул Аманду к выходу. — Только не вздумай вызывать Дженсена с группой зачистки — сделаешь ей только хуже.

Забрав Аманду, они покинули квартиру. Я же остался в квартире. Плана у меня не было, как и надежды сейчас освободить Аманду. Шанс был только один — нужно было найти Корса и сыворотку.

Ривз оказался подставным, а я — способом подобраться к Корсу. Меня использовали, а я даже ни на минуту не заподозрил, что могу быть задействован в грязном деле, о которых много раз слышал на совещаниях в ФБР. Как же они правдоподобно разыгрывали эту комедию.

Встав с постели, я ощутил как нещадно болело тело.

Взяв разорванный пиджак, я зашарил по карману в поисках пульта от нейростимулятора. Но найдя только осколки и высыпав их небольшой кучкой на стол, я зашагал, опираясь о костыль, в кухню, где по моей памяти, ещё должны были храниться остатки обезболивающих и транквилизаторов, которые я принимал до операции.

Закинув пару таблеток, я вернулся в спальню. Стараясь не поддаваться панике, я присел на кровать и обхватив голову руками, громко зарычал. Столько непредвиденных событий произошло за последние сутки. Голова шла кругом. Почему... почему это случилось именно сейчас, когда казалось, я только обрел свое счастье. Аманда, девочка моя .... Хотелось выть от бессилия.

Идти в полицию сейчас было крайне опасно, так как Ривз с брюнеткой могли иметь и там своих людей. Я просмотрел записи с камер, но там практически ничего не было, так как камеры в холле были выключены. Без промедления рванул к комоду и нашел там запасной мобильник. Там же валялась и неактивированная новенькая симка.

Вставив симку и активировав номер, я по памяти набрал номер Дженса. Рассказав ему все о происшедшем, мы разработали предварительный план действий. По спутнику и записи одной из камер на парковке, мы смогли засечь номер машины, на которой скрывались захватчики, установить слежку и их местонахождение. А также слежка была установлена за торговцами оружием с казино в Майами, где я совершил покупку оружия. Им мы оставили сообщение, что я знаю достаточно об арестованных счетах Корса и прошу связаться со мной нового хозяина казино, если таковой есть.

Следующим делом был звонок в центр. Боль не проходила и я понимал, что без нейростимулятора просто не смогу точно двигаться и ясно соображать. Но пульт мне нужно ждать около 2 дней, а таким временем я не располагаю и оставив эту идею, я взял

имеющиеся в моей квартире обезболивающие.

Уже к вечеру люди Корса вышли на меня. Мы договорились о встрече. Достав свои припрятанные сбережения и документы, я вышел из квартиры. Купив новую трость и взяв в аренду машину, выехал на встречу.

Педаль газа, мгновенное включение стартера, рев мотора, раскатом прокатившийся по тихой парковке, и я срываюсь с места. Разгоняюсь. Машина набирает обороты. Спидометр, показывает около 100 км. Ехать три квартала. Следить, нет ли хвоста.

Соблюдая все условия и безопасность, приезжаю в назначенное место. В центре города, совсем непримечательное кафе. Ну что ж, вполне понятный выбор, чтобы не привлекать внимание. С минуты на минуту я ожидал здесь увидеть людей Корса, но к моему удивлению ко мне подошел мужчина в костюме, даже отдаленно не напоминающий головореза, отморозка или подозрительного типа.

— Мистер Дэвис?

— Да. — Я вышел из машины и опираясь на трость, последовал за ним.

— Что вам известно о счетах мистера Корса, — сухо поинтересовался мужчина, направляясь в кафе.

— Мне известно, что он не умер. Его счета оформлены на мою невесту, мисс Линдсей. Её выкрали в обмен на сыворотку, которая исчезла вместе с мистером Корсом.

— Питер... — повернувшись ко мне лицом и скрестив руки на груди, обратился незнакомец. — Давайте прогуляемся, разговор нам предстоит долгий. — Он резко свернул, минуя кафе и направляясь в сторону открывшегося взору, небольшого сквера. Я настороженно оглянулся по сторонам и остановился. Мужчина заметив мою заминку, оглянулся на меня. — не волнуйтесь, там нет засады. Нам нет смысла вас убивать или калечить. Вы в полной безопасности.

Мы дошли до сквера. В наступлении темноты людей здесь практически не было.

Мужчина остановился и задумчиво посмотрел в небо, а затем обернулся ко мне.

— Питер. Вы действующий офицер ФБР и прекрасно знаете о существовании засекреченных научных исследовательских и экспериментальных программах.

— Под грифом секретно?

— Именно. Триш ищет сыворотку, по своему действию сравнимую с мощным гипнозом. Но она не только на подсознательном, но и на физическом уровне изменяет функции и клетки организма. А вы можете представить, каких это стоит денег в нашем мире и какие будут последствия, если сыворотка попадёт в неблагонадёжные руки.

— Так всему виной деньги?

Я кипел от злости, обдумывая ситуацию, в которой оказался и стал заложником. Я не один год был в разведке и понимал к чему могут привести такие игры, где за человеческую жизнь требуют выкуп.

— А, что вас так удивляет, разве сейчас не они правят миром и людьми? Тристан держал возле себя бомбу замедленного действия в виде Триш, осознавая, что рано или поздно она взорвется. Триш — человек его бывшего партнера. Когда их бизнес разделился, Тристан решил вложить средства в разработку нового вида оружия. А мы предложили ему поучаствовать в новой программе, которая показывала значительные успехи и была прорывом в науке и медицине.

Выходит, что мутный владелец игрового бизнеса великий благодетель? Я поражен и это никак не укладывается в моей голове. А с Триш всё понятно. Только как Ривз оказался с ней,

оставалось для меня загадкой.

— Остается непонятным один момент. Парень, который работает с Триш, как он оказался во все это вовлечен?

— Когда Триш поняла, что сама не подберется к Корсу, она начала искать обходные пути. И мисс Линдсей стала лучшей целью, когда Триш заметила к ней расположенность Тристана. Все её звонки, переписки, встречи... отслеживалось абсолютно всё, в том числе и дружба с миссис Аддерли-Кинг и ваши отношения с мисс Линдсей. Когда же вас приняли в ФБР и Триш получила эти сведения вместе в вашем досье, вас приставили к её человеку. Оставалось лишь, — подытожил мужчина, — подбросить вам это дело.

Меня и Аманду использовали в чьей-то грязной игре. И дело лишь в отжимании бизнеса. В чертовых деньгах и власти, пеленой жадности и алчности, застилающей людям глаза.

— У них моя невеста. И они ждут сыворотку.

— У меня её нет. И я не знаю, где Тристан. Но кое-чем могу вам помочь, держите. — Из кармана он достает новый целый пульт и три ампулы со светло-зеленой вязковатой жидкостью. — Это пульт к вашему нейростимулятору. Также вас ждёт машина на другом конце сквера.

Я удивленно смотрю на мужчину. Я же только активировал новый номер. И получается, активировал и прослушку. Но это уже не имело значения. Сейчас для меня важным было лишь спасти Аманду. Любым способом. И если эти люди помогали мне, я был рад и этому, принимая помощь, не задумываясь о моральной стороне, от кого я её получаю.

— Они сказали, если я приду с отрядом зачистки, то ...Аманда пострадает, — последние слова застряли комом, когда я подумал, чем это может обернуться. — Машина у меня есть.

— Нет, Питер, такой машины у вас нет. Ключ получите у водителя. На бортовом компьютере детально изучите все функции машины и дополнения к ним. В багажнике найдёте то, для чего у вас ампулы. Ступайте, Питер. И удачи вам, — мужчина остановился, указывая мне рукой в конец сквера.

Не раздумывая я взял у него пульт и ампулы. Включив пульт, активировал частоту вибраций. Замигала лампочка. По телу пробежала волна тока, сопровождаясь точечными уколами. Меня зашатало. Зажмурившись, я оперся на трость, стараясь удержать равновесие. Напряжение в мышцах стало спадать.

Когда я открыл глаза, возле меня никого не было. Не теряя времени, взяв под мышку трость, быстрым шагом пошел к машине.

— Включите на панели запись, — отдавая ключ от черного Форда, сказал водитель и отошёл от машины.

Я подошёл к багажнику и нажал на кнопку. Крышка открылась, под ней на тёмном бархатном полотне обивки лежал кейс. Приподнял его, нажимая на рычажки затворов. Затворы щелкнули, приоткрыв крышку кейса и представив моему взору внушительную винтовку с магазином для дротиков. В специальных ячейках, закреплённые фиксаторами, лежали 15 дротиков.

Распределив дротики по карманам, я сел на водительское сидение, расположив винтовку на пассажирском сидении рядом с собой. Конечно, это авто, по оснащённости, было далеко от моей арендованной машины. Одна приборная панель давала волю фантазиям, догадываться о силе мощности и возможностях этого авто.

Я нажал на педаль газа. Двигатель взревел, стрелки на панели вздрогнули.

Резко тронувшись с места, я вдавил педаль в пол, стремительно набирая скорость. Подключив мобильный по блютуз к рулевой системе, набрал Дженса. По данным GPS через спутник зафиксировал местонахождение Триш и Ривза в Росслине, я направился к ним, пока ещё без плана, собираясь придумать его на ходу. Включив на экране компьютера встроенного в авто, запись, я слушал инструкции по его использованию.

Эта машина была укомплектована несколькими отсеками для хранения оружия, где я смог найти несколько пистолетов, а также встроенные в борта автомобиля ракетницы и гранатомёт. Также в ней хватало всяких приспособлений — крючков, отмычек, лом, фиксаторы. Но это было как раз то, что мне было нужно. Я не знал, чего мне ожидать, когда окажусь на месте.

В салоне раздался сигнал входящего вызова, когда я, заметив указатель, входил в поворот. Отображаемый номер был мне незнаком. Но ситуация, в которой я оказался, была накалена до предела, времени для раздумий фактически у меня не было, и я незамедлительно нажал кнопку приёма.

— Дэвис, жди нас с Олдрэдом на пересечении Девятнадцатой и бульваром Уилсона, и даже не вздумай там светиться один, — угрожающе шипит знакомый голос. Я напрягся, стараясь понять, не ошибся ли.

— ... Бэк? — В последний раз я слышал этот голос... Я попытался переключиться от плана спасения Аманды и посчитать, сколько лет прошло с того момента, как я сел в кресло.

Черт, сколько же... Уходя вдаль в воспоминания, я насчитал уже более 10 лет.

— Ты чего затих? Неожиданно? Знаю у меня такая же была реакция, — послышался смехок друга, — когда меня нашёл Дженс. Я сейчас не на службе, и живя в Вашингтоне, понятия не имел, что ты тут тоже осел. Но давай сейчас к делу. Мы знаем, что тебе нужна помощь спасти девушку. Мы уже на подходе. Через сколько ты будешь на месте?

Я глянул на стрелку навигатора. К зданию, где держали Аманду, оставалось проехать пять кварталов и около 2 км, а к месту встречи с Бэком и Олдрэдом, за квартал от здания, чуть меньше.

— Думаю, минут через 10.

На светофоре загорелся красный, и я ударил по тормозам. Колеса взвизгнули и машина, дернувшись, резко остановилась. Оставалось менее километра до здания. А где-то здесь я должен был встретиться со своими старыми боевыми друзьями.

Протянув еще метров 100 от перекрестка, я припарковался у обочины. Двигатель заглох. Фары я выключил, не привлекая к себе лишнего внимания.

На другой стороне улицы остановился тёмный джип, и из машины вышло двое мужчин. Присмотревшись к ним в ночном свете фонарей, я смутно узнал Бэка и Эйджа Олдрэда, мигнув им фарами и открыв окно.

— Можно было этого и не делать, — хмыкнув, прислонился к двери Бэк. Такой Форд мимо не пройдёшь.

— Выходи из машины, — сказал Олдрэд. Я открыл дверцу, и опираясь о кресло, встал. Оба тихо присвистнули. — опустив глаза на мои ноги — Дженс правду сказал. Ты действительно ходишь. По очереди, мы обнялись крепкими дружескими объятьями.

— А теперь давай к делу, — первым опомнился Бэк и посмотрел на Форд. — Чем мы укомплектованы? Что там у тебя есть?

— Три ствола, четыре ракетницы, гранатомёт, снайперская винтовка и винтовка с

дротиками и мощным снотворным.

— А ты уверен, что они заслуживают того, чтобы их просто усыплять?

— Не просто усыплять. Эта жидкость еще и поражает нервную систему. В результате чего наступает частичная амнезия и дезориентация. Но её и Ривза я хотел бы поцелить обыкновенной снайперкой.

— Это уже больше похоже на тебя, — усмехнулся Бэк. — Он достал планшет и, открыв карту с навигатором, включил режим фото со спутника. В увеличенном режиме мы смогли увидеть близлежащую территорию, а потом и здание. На последнем фото, увеличив окна, мы увидели Ривза и двоих громил возле Аманды, привязанной к стулу и с опущенной головой.

Я вскипел. Сволочи. Чувство гнева и ярости судорогой пробежалось по телу, на секунду сдавив мускулы. Пальцы рук сжались в кулаки и побелели.

— Смотри, — продолжил Бэк, — мы можем расположиться на крыше, здесь или здесь, — он ткнул пальцем вначале в одно, а затем в другое здание, находившиеся напротив, по обе стороны от здания, где были Ривз и Аманда. — Один из нас заблокирует дверь, и мы сообща будем перебивать всех, кто находится в комнате.

— Здесь нет брюнетки, — я указал на окно с Амандой, — она главная, эти лишь пешки, которые охраняют Аманду.

— А где сама сыворotka? Дженс сказал, что ты так и не довёл это дело.

— Меня нашла эта Триш и в обмен на сохранность Аманды сказала не лезть в это дело. Но похоже на то, что Тристан Корс, у кого была сыворotka, исчез вместе с ней, оборвав все контакты, инсценировав свою смерть.

— Хорошо, не будем терять времени. В опорных точках сориентируемся уже на месте, поехали.

Провернув ключ, я включил зажигание. Машина завелась. Посмотрев по сторонам, вывел машину с обочины, пристраиваясь за Бэком.

Подъезжая всё ближе к нужному зданию, я тщательнее осматривал близлежащие строения. Все они были высокие, громоздкие — из стекла и бетона. Мы оказались в бизнес-районе города и были на виду.

Бэк остановил машину и помаячил фарами, подав сигнал парковаться. Наше здание было следующим, а то, перед которым парковался я, было тем самым, на которое в планшете указывал Бэк.

Ступив на бордюр у припаркованной машины, я огляделся по сторонам. Явной и открытой слежки за нами не велось. Хорошо ли это, я не имел ни малейшего понятия. Но в одном я был уверен точно, они не станут ничего делать с Амандой. Ничего, пока она залог выкупа.

Подняв глаза к крыше здания, я оценил высоту. Насчитав более 25 этажей, я опустил взгляд на джип Бэка. Раньше я бы и думать не посмел, что смогу взобраться на крышу небоскреба. Но сейчас, зная, что это способ спасти любимую женщину, я готов был прыжками взбираться преодолевая боль, сцепив зубы.

Бэк что-то доставал из открытого багажника и Олдрэд уже вовсю натягивал на себя какую-то куртку, схожую с робой.

— Что это? — оказавшись возле ребят я всмотрелся в бэйдж, надетый у Олдрэда поверх куртки.

— А ты думал, нас пропустят на участок с таким обзором с открытыми объятиями? — скептически хмыкнул Олдрэд.

— Мы пройдем на крышу, как служба техпроверки от интернет-провайдера. Сменить пломбу на свиче и перерегистрировать данные. Смотри, — Бэк снова достал планшет и сфокусировал картинку обзора крыш зданий, находящихся рядом с небоскребом, где держали Аманду. — Теперь нужно выяснить, где конкретно её держат и на какую сторону выходят окна. Питер, они оставляли какой-то номер для связи?

— Нет. Единственное, что у меня есть — это номер Ривза.

— Хорошо. — Бэк опустил руку в карман и достал мобильный. — У нас ничего нет с собой, чтобы иметь связь с мобильными операторами, сотами и спутниками, да лучше и не надо, мы так можем подставить себя, наверняка они отслеживают это, а вот дать задание Дженсу можем, он может засекретить как входящий, так и исходящий сигнал. — Он поднял глаза на крышу и тихо заговорил в трубку. — У нас есть номер Ривза, пробей его. Мне нужна последняя точка, откуда идёт сигнал. Диктуй, — он отдал мне трубку.

— Дженс. Его номер 1-202-245-35-10, - продиктовав номер, я снова передал трубку Бэку.

Какое-то время Бэк слушал, напряженно вглядываясь вдаль: — Понял, ждём. — проговорил он и убрал мобильный в карман. — Сейчас Дженс передаст данные на планшет.

Ожидая информацию, я надел синюю куртку для технических работ, обнаружив логотип на спине.

— А если пробьют эту фирму? — указал себе за спину, на логотип.

— Мою компанию, — улыбнулся Олдрэд, — мы делаем такого рода проверки, правда, не такие внеурочные, как сейчас. И не я этим занимаюсь. Но сегодня у нас спецоперация.

В кармане Бэка завибрировал мобильный.

— Да... Готово... Давай... — отрывисто заговорил Бэк, доставая планшет и загружая на нём программу. — Да... Вижу... — он всмотрелся, касаниями по экрану, увеличивая картинку. — До связи...

Я всмотрелся в изображение. На экране замелькало 4 красных точки. По мере приближения здания и увеличения этажей, становилось понятно, что точки располагались в разных местах, но по одной стороне здания.

— Дженс, пробил его номер и совершаемые с него исходящие звонки. Смело можно говорить, что это сообщники и можно предположить, что одна из них — это та самая девица Клэйтон. Сейчас пойдём на крышу и уже там проверим каждую из движущихся точек, где чей номер и кто в каком кабинете, а с тепловизором найдём и твою крошку.

Я кивнул. Взяв рюкзаки с оружием, мы проследовали к моей машине.

— Бэк, Ты заблокируешь вход вот этими блокираторами, — из небольшого кейса в багажнике я вытащил два дротика с плотно зажатыми концами, — а я сниму главного в комнате с Амандой.

— Ты уверен, что сможешь? — Бэк посмотрел на меня с сомнением во взгляде.

Но в отличие от Бэка я был твердо уверен, что даже и рука не дрогнет, будь-то Триш, уверявшая меня в своих словах, будь то Ривз, который оказался засланным.

— Абсолютно.

— Хорошо. Тогда остается пробраться всем на крышу. Олдрэд, мы будем ждать твоей команды. — Он посмотрел на Эйджа, в то время, как тот доставал из рюкзака пропуск.

Время было поздним и появление техработников далеко не в рабочее время, естественно, удивило бы охранника, закрывшего все этажи и поставившего все на сигнализацию. И служба охраны обязательно потребует специальное разрешение на ночное

посещение зарытого здания, с возможностью подобраться к оборудованию только через технические помещения. Но как ни странно, у Олдрэда оно имелось.

— И часто ты так сюда являешься? — как бы, между прочим, спросил я Эйджа.

— Ты должен проверять качество выполненной работы твоими работниками, если работаешь на имидж, никому не мешая в рабочий час пик. Только представь, если ты вырубил одну из коммуникаций в рабочий полдень, что может произойти в таком небоскребе. Поэтому парочка таких пропусков у меня есть. — Он забрал рюкзак с оборудованием и ушел в здание.

— Что дальше? — я посмотрел на Бэка.

— Олдрэд с оборудованием зайдет на крышу, перезапустит свитч для видимости проверки, а ещё установит 2 троса в вентиляционной шахте. А мы зайдём с черного входа, вот здесь, и через шахту поднимемся по тросам на крышу. Или для тебя лучше, как по старинке, вырубить охрану кулаками? — смеется.

— Нет, сейчас охрану так просто не ликвидируешь.

— Вот и я о том, будем действовать современными методами.

Закинув в свой рюкзак снайперскую винтовку, винтовку с дротиками и ампулами, два пистолета, три гранаты и нож я был полностью готов. Последний раз отрегулировал стимулятор. Мы тихо, стараясь оставаться незамеченными, прокрались к шахте и притаились. Оставалось только ждать.

Я не был героем или суперагентом из крутых боевиков. Мне пришли на помощь друзья, рискуя своими жизнями ради спасения моей невесты. Но именно сейчас я снова чувствовал себя сильным, как никогда. Сейчас я был способен на многое и именно мои боевые товарищи вселили в меня эту уверенность.

Когда в шахте послышался гулкий шум и из отверстия показался трос, я уже не сомневался, что смогу все сделать. Даже если стимулятор будет сломан. Моя цель — Аманда. Она меня ждет, и я должен вытащить ее оттуда.

Бэк достал из рюкзака ремни для страховки и стал крепить к тросу.

— Поднимайся, — он развернулся, отдавая трос мне, — я пойду следом за тобой.

Обвязавшись тросом, закрепив его на поясе, я медленно, делая упор с каждым новым шагом, стал подниматься по шахте. Наше продвижение сопровождалось небольшим шумом, но меня спасало то, что с новыми технологиями строительства такие шахты оборудовали внешне звукопоглощающими материалами, чтобы шум или свист из вентиляционных люков не мешал работе в кабинетах.

Каждый шаг мне давался с трудом. Новый вдох и новый подъем с одной только мыслью — спасти ее.

Эйдж тянет меня к решетке, за которую я хватаюсь. Следом его протянутая рука и я на крыше. Отвязываю трос и карабин. Достāju тепловизор и готовлю винтовки, пока Эйдж спускает трос назад.

Бэк поднимается к нам. Отвязав трос, достает планшет и осматривает точки с нового ракурса. Питер, Клэйтон на 15 этаже. На 12 этаже вижу Ривза.

Смотрю в тепловизор. Вот Ривз, похоже, уместился в одном углу. Рядом еще кто-то. Внимательно осматривая каждый уголок, ловлю каждое движение. Вот третья фигура, малоподвижная.

— Ну что? — рядом устраивается Бэк. Отвожу тепловизор. Бэк протягивает прибор ночного видения.

— Откуда это?

— Из старых запасов, списанный, но вполне рабочий.

— Спасибо, — отдаю Бэку тепловизор, а сам смотрю в прибор ночного видения. Снова смотрю на малоподвижную точку.

Сердце ускоряет ритм. Вот она, поникшая, почти не двигающаяся, измученная. Черт, не могу на это больше смотреть.

Поворачиваю прибор, переключаясь на присутствующих в комнате. В одном из них узнаю Ривза, второго я не припоминаю.

— Здесь Ривз и еще один. Я уберу Ривза.

— Я заблокирую дверь, Эйдж на тебе второй охранник. Работаем по сигналу.

Установив винтовку на позиции, я снова посмотрел в тепловизор. Фигуры так и не меняли местоположений.

Я снова чувствую себя живым... Настоящим...

Я снова с командой... снова спасаю человека... снова на задании... На задании, поставленном мне самой жизнью. Я должен спасти её, смысл моего существования только в ней. Только одна она вызвала во мне столько эмоций и чувств, которых я не испытывал больше ни с одной женщиной.

Я замер, слыша свист ветра и своё сердцебиение, начиная отсчет. Одно опрометчивое движение и я её могу потерять. Сердце гулко ударяется о грудную клетку. Удар... Ещё удар...

Красная точка в прицеле. Мышцы напряжены на пределе.

Спусковой крючок.

Выстрел.

Вдох. Прицел.

Новый выстрел.

Глава 17

Глава 17 часть 1

Highly Suspect — Lydia

Аманда

Триш со своим сообщником связали мне кисти рук и усадили в машину.

— Я надеюсь, ты девочка умная и кричать не станешь. Рот тебе не надо заклеивать? — Триш ехидно улыбаясь, переводит взгляд на своего напарника, тот достает моток скотча.

- Не буду, — тихо произношу, на глаза наворачиваются слезы, от волнения меня всю трясет. Испуганно смотрю на мужчину и вжимаюсь в сиденье.

— Вот и хорошо, — Триш, взмахом руки показывает своему напарнику, чтобы тот убрал скотч.

Машина несется с огромной скоростью, я закрываю глаза, стараясь не думать, что меня ожидает впереди. Наконец-то автомобиль останавливается и меня выводят. Осматриваюсь по сторонам.

Это высотный бизнес-центр Рослина.

Усадив меня на стул в небольшой комнате, напарник Триш связал мне щиколотки ног, а сама Триш, приказав одному из своих верзил сторожить меня, ушла. Ее же «церберы», разместились на диване, неподалеку от меня, периодически поглядывая в мою сторону и посылая едкие реплики и насмешки в адрес Питера. Закрыв глаза, стараюсь вообще не слушать о чем они там говорят. Рук уже совсем не чувствую, веревка впиалась в кожу, мне ужасно больно. Сжимаю зубы. Я не буду ныть и жаловаться. Я вытерплю. Глаза щиплет от слез. Я зажмуриваюсь, чтобы удержать слезы. Глубоко дышу через нос.

Я должна бояться за собственную жизнь, но я не боюсь. Я ненавижу себя. Страх и потрясение прошли, сменившись глубоким чувством вины и презрения к себе. Я заслужила того, в какой ситуации оказалась. Погрязнув в собственной лжи и сомнениях... Хотела быть для всех хорошей и столько всем наобещала: сначала Сэму, теперь Питеру... И как это теперь расхлёбывать? Чья же я теперь невеста? А есть ли у нас с Питером будущее? Нет. Я не верю ему. Но я боюсь за Питера, я не хочу, чтобы он приходил за мной, зная, что он будет пытаться за меня бороться.

Всплывают воспоминания прошлой ночи. Я опять проявила слабость и сдалась перед ним. Он — моя слабость.

В отчаянии кусаю губы, раскаиваясь в том, что совершила.

Вдруг, неожиданно, раздаётся треск стекла, резко прерывающий мое самобичевание. Я даже не успеваю сообразить, что происходит, зажмурившись от ужаса, жутких звуков и летящих на меня осколков. Слышу приглушенные хлопающие звуки где-то позади себя. Что-то глухо падает и слышится клокочущее бульканье, со стороны где находились мои надзиратели.

Господи, что происходит?

Открываю глаза. Всё задымлено и в сизом тумане плохо видно. Я оглядываюсь, панически хватая воздух. Сердце бешено колотится в груди.

Я присматриваюсь внимательно слезящимися глазами и замираю от жуткого осознания — рядом со мной на диване два трупа с огромными сквозными дырами в голове и все вокруг забрызгано кровью.

К горлу подступает тошнота. Отворачиваюсь. Такой ужас я видела только в кино. Боже. Это мне не снится. Это происходит наяву, и со мной.

Я обессилена, но прижимаюсь из последних сил к спинке стула, опираясь на связанные ноги, и отчаянно стараюсь придвинуться к стене, подальше от летящих осколков. С новыми осколками что-то глухо ударяется о стену со странным щелчком. Я снова зажмуриваюсь, вжимаясь в стул.

Раздается грохот и шум разбивающегося стекла. В ушах гудит. Ко мне кто-то прикасается. От ужаса и паники я вскрикиваю.

— Тише, тише... Я не причиню тебе вреда, — незнакомый мужской шепот выводит меня из состояния шока. — Всё будет хорошо. Питер уже совсем рядом, — мужчина, склонившись надо мной, осматривает меня и, вытащив из кармана складной нож, разрезает мои затекшие запястья и лодыжки. Я растираю красные следы от впившихся бечевок, а мужчина отбегает к стене у двери, куда тянется натянувшийся трос от выбитого окна.

Сквозь дыру в стекле, съезжая по тросу, в комнате появляется Питер. Подбежав ко мне и сбросив на ходу рюкзак, он становится передо мной на колени и берет мои ладони в свои, припадая к ним губами.

— Милая моя... девочка... живая... — хриплый и такой родной голос Питера. Он нежно

гладит меня по голове. Непроизвольно с глаз начинают капать слезы. Всхлипываю. У Питера беспокойный взгляд, блуждающий по моему лицу, сосредоточенно осматривая меня. Наши глаза встречаются, он обхватывает мое лицо двумя руками.

— С тобой всё в порядке? Они тебя не трогали? — большими пальцами вытирает мои слезы, потом нежно целует, сперва глаза, потом все лицо не останавливаясь. — Господи, как же я люблю тебя детка.

— Дэвис, пора, — напарник Питера, окликнув его, показывает поторапливаться.

Питер, наклонившись к рюкзаку, достает ремни с фиксаторами и жилет. Надев на меня его, крепит ремни, зажимая фиксаторы и притянув меня к себе, прикрепляет к своим ремням.

— Что ты делаешь? — только успеваю спросить, как Питер поднимает меня под ягодицы, слегка поморщившись.

— Обхвати меня ногами, — прижимает мои бедра к своей талии. — Бэк, забери рюкзак, — кричит через плечо Бэку, разбегаясь. — Держись! — вытягивает руки к рычагу с карабином на тросе, и мы прыгаем в разбитое окно.

Непроизвольно бросаю мимолётный взгляд вниз. И всё тело сковывает судорогой дикого животного ужаса. Сколько же здесь этажей?

С ужасом наблюдаю удаляющуюся от нас комнату с выбитыми стеклами и стоящего в ней друга Питера. Оборачиваюсь посмотреть, куда мы движемся, и замечаю ещё одну фигуру на крыше соседнего здания с винтовкой, прицелившейся в нашу сторону.

Вжимаюсь в Питера, плотно обхватив его торс руками и ногами. Торс натягивается, мы провисаем в движении, но спусковой механизм толкает нас дальше и мы, с постоянной скоростью поднимаемся выше.

Обравшись до крыши, мы приземляемся на пол. Питер тут же нас отстегивает, и рычаг с карабином обратно летят вниз, возвращаясь обратно в ту комнату где меня держали пленницей.

Питер тяжело дышит и морщится.

— Дэвис, всё в порядке? — интересуется человек, не покидающий своей позиции и смотрящий в прицел винтовки.

— Да, — бросает Питер через плечо, — мы в порядке, что там у Бэка? — добавляет он, отстегивая меня от себя. Достает пульт из кармана, что-то нажимает и откидывается на спину с тяжелым прерывистым дыханием.

— Пока всё тихо, еще не опомнились.

— Триш? — морщится Питер.

— Ее нигде нет.

— Чертова сука, — глухо рычит Питер. — Милая, уже всё хорошо, я рядом, — нежно целует меня в висок.

— Питер... — обеспокоенно наклоняюсь к нему. Всё это время он ни на что не опирался, преодолевая боль.

Он протягивает руку и гладит меня по волосам. На крыше появляется напарник Питера.

-Вы как ребята? — встревоженно обращается он к Питеру. Питер показывает ему знак Ок, все еще тяжело дыша.

— Так, всё ребята, сворачиваемся, пока нас не обнаружили, — говорит третий мужчина.

Питер начинает подниматься, кривясь от боли. Обеспокоенно глядя на его движения, подставляю ему своё плечо.

— Питер, давай я помогу, — слегка отодвигая меня, напарник Питера, берет его под лопатки сзади, помогая подняться. — Бэк, я смогу сам, — отмахивается от помощи Питер. — Давайте, уходим, — вижу как он преодолевая свою боль, пытается держаться на равне со всеми. Сердце щемит от любви к этому мужчине. Он мой герой.

Бэк подходит к шахте и начинает по ней спускаться. Питер проверяет на мне ремни, затягивает.

— Ты идёшь следом за мной. Бэк нас подстрахует внизу.

— Хорошо, — послушно киваю, только отчасти понимая, что мне сейчас делать и с опаской глядя на отверстие, ведущее вниз, в вентиляционную шахту.

— Я буду рядом, держись рядом со мной, — Питер обхватывает моё лицо руками, — я тебя здесь не оставлю. Я пришёл за тобой!

Мы подходим к отверстию. Трос начинает пружинить, а потом снова натягивается. Слышится характерный звук щелчка.

— Бэк отстегнулся. Идём. — Питер становится на заграждение и расставляя ноги по стенам шахты, начинает понемногу опускаться. — Иди ко мне, — протягивает мне руку, упираясь ногами в стены.

Я не бесстрашна. Не знаю, как бы я смогла это всё осилить, если бы не события, произошедшие со мной, за последние сутки. Переизбыток адреналина в крови делал это со мной или же присутствие Питера и его действия так на меня влияли, но я не раздумывая, рыком потянулась к нему, и приняв его руку, стала на заграждение.

— Теперь упирай ноги в противоположные стены и небольшими прыжками спускайся. На груди у тебя фиксатор, нажимай на рычаг, когда делаешь прыжок, он будет фиксировать твоё положение.

— Поняла, — следуя четким указаниям Питера, я посмотрела на фиксатор с рычагом, закрепленный на груди.

Питер стал опускаться и очутившись в тоннеле, включил фонарик, прикрепленный к нагрудному карману. Участок, где он был, озарился яркими бликами. Я посмотрела вниз, в крошечную тьму, света не видно, только бездонная пропасть.

Я сделала глубокий вдох и оттолкнулась от заграждения, спускаясь вниз. Сделав первый толчок от стены с громким эхом в тоннеле, я в ужасе посмотрела на Питера.

— Не бойся, снаружи труба в звукоизолирующих материалах. Только не делай сильных толчков.

Послушно выполняя инструкции, вначале несмело, а потом, слегка отталкиваясь, прыжок за прыжком, я постепенно опускалась по прохладному металлическому тоннелю, стараясь как можно меньше шуметь. Тоннель был очень длинным, было тяжело, и я обессилела, но Питер терпеливо ожидал меня и постоянно тихо подбадривал.

Наконец показался свет внизу. Питер последний раз оттолкнулся от стены и в новом прыжке, приземлился на пол комнаты с приглушенным светом. Отстегнув фиксаторы от троса, он потянулся ко мне, уже спрыгнувшей на пол.

— Всё нормально? — бросил Бэк через плечо, стоя у двери с заряженным пистолетом и осматривая улицу.

— Да, всё хорошо, Бэк. Сейчас детка, ещё немного осталось, — шепча, он отстегнул от меня запружинивший трос, который за несколько секунд снова натянулся. Фиксатор с карабином на тросе стал подниматься.

— Забираем трос и уходим по машинам, — Бэк снова оглянулся. — Ждем Олдрэда. Он

даст команду, и мы быстро убираемся отсюда. Приготовьтесь.

Мы быстро забрали с Питером сброшенный с крыши трос и, сунув его в рюкзак Питера, стали дожидаться сигнала. В мобильном Бэка что-то зашипело.

— Быстро. Быстро. Быстро. — Подгоняемые Бэком, мы выбежали из здания, оказавшись в темном переулке.

Пробежав несколько метров, мы остановились возле машины. Питер достал ключ, снимая блокировку и открыв двери, запрыгнул на водительское сиденье.

— Давай, девочка моя, садись быстрее. Пристегнись, — скомандовал Питер и посмотрев на приборную панель, включил зажигание. Все его действия выглядели четкими и профессиональными. Он подключил мобильный к рулевому управлению и нажал несколько кнопок. Подключение мобильного к авто для меня не было в новинку, но такую приборную панель я видела впервые. Эта машина очень отличалась от обыкновенного повседневного авто.

Мотор взревел и Питер, резко выкрутив, вдавил в пол педаль газа.

— Спасибо, — выдохнув, я посмотрела на напряженного и уставшего Питера, внимательно следившего за дорогой по боковым зеркалам.

— Куда мы едем?

— В аэропорт. Нам нужно в Майами, — следя за дорогой, ответил Питер.

— В Майами? — я с ужасом посмотрела на него. В Майами находятся мои родители и Джэн. — Зачем?

— Нам нужно в то самое казино, где мы с тобой увиделись. Сегодня я встречался с человеком Корса и понял, что твоего босса здесь нет, но возможно в Майами мы на него выйдем.

— Опять туда, — вспомнив то совсем непривлекательное место, я горестно вздыхаю. Только иного выхода, наверное, у нас нет.

Лицо Питера резко меняется, когда он снова смотрит по зеркалам. По салону раздается звонок мобильного.

— Да, — Питер тут же отвечает, резко выворачивая руль вправо.

— Питер нас засекли. Мы уходим от двух машин.

— Я вижу хвост. За нами тоже две машины. Попробуем оторваться. — Питер выключает микрофон в руле и сильнее давит на педаль газа.

Мы начинаем отрываться от преследователей, но вдруг раздается щелчок, в заднее стекло попадает пуля. Испуганно смотрю на Питера.

— Черт... — Питер нажимает несколько кнопок. Осматривает панель. — Аманда, сейчас ты поведешь.

— Я? — внутри меня все холодеет, когда Питер начинает отстегиваться и тянет меня за руку вверх, к водительскому сидению.

— Детка, у нас нет времени думать или бояться, ты справишься, я знаю. Просто возьми руль и следуй за дорогой.

Я нервно сглатываю, перегибаясь через коробку передач с подлокотником и хватая руль. Питер разворачивается назад и достает из рюкзака кейс. Улавливаю боковым зрением пистолет. Но вместо обычного магазина с патронами, он заряжен дротиками.

— Что это?

— Блокираторы рулевой системы, — он высовывается в окно и целится в машину позади нас.

Я слежу за дорогой, которая начинает петлять, а потом и вовсе превращается в перекресток. В растерянности, не зная, куда сворачивать, озираюсь на Питера.

— Куда ехать?

— Сейчас просто вперед, нам нужно избавиться от хвоста.

Я никогда так не водила машину. Но страх и адреналин в крови подстегивают, и машина с дикой скоростью мчится вперед по ночному шоссе.

В заднее стекло вижу, как первая машина резко тормозит и ее разворачивает посреди дороги, преграждая путь следующей за ней. — Вот так вам, засранцы! — со словами триумфа, Питер садится назад на водительское место, и я возвращаюсь на свое.

— Держи руль, а я займусь второй машиной. — Развернувшись назад, он снова что-то достает из рюкзака, и я слышу щелчок перезаряжаемого оружия.

Высунувшись в окно, он целится по машине и стреляет. Я стараюсь крепко держать руль, чтобы нас не заносило по дороге.

Сделав несколько выстрелов, он снова возвращается в салон, берет руль и напряженно смотрит на дорогу.

— Что дальше? Куда нам теперь?

— В банк. Этот мудака Корс перестраховался, что в случае расследования, счета будут заблокированы, но подпись на документах его легальных и нелегальных счетов стоит твоя, и ты также являешься распорядителем этих счетов. Мы этим и воспользуемся. Выставим ему ультиматум, если он с нами не встретится, всё содержимое его счетов уйдёт.

Следуя своему плану, Питер позвонил своему руководителю в ФБР и через полчаса счета были открыты.

***

Следующий звонок был в Майами. Питер недолго говорил с торговцами оружием, а только сказал за личные средства Тристана, которыми мы собирались воспользоваться. И долго ждать ответа нам не пришлось, уже через 15 минут ему перезвонили, и для нас была подготовлена новая одежда и пропуска в VIP-клуб «Красная карта».

В закрытый клуб нас провели через черный вход. Там, в уборной, я кое-как вымылась от грязи и запекшейся крови и переоделась в длинное черное платье. Что уж говорить, вечернее платье и порез на щеке, не лучшее сочетание внешнего вида. Но пристальное внимание охранников и ожидание у двери говорили о том, что нас ждут внизу.

Когда мы с Питером были готовы, нас провели в игровой зал.

Мой босс, так хорошо подставивший меня, преспокойно восседал на стуле, смотря на зелёное полотно и выкуривая сигару.

При виде его, такого спокойного и ...живого, во мне всё начало бурлить и кипеть. Я столько всего из-за него пережила, а он преспокойно тут сидит, у Триш под самым носом? Чуть с кулаками не набросилась на него, но в последний момент выдохнула и сильнее прижала руку Питера к себе.

В сопровождении охраны, мы подошли к столу и сели напротив Тристана. Крупье замешкался, но тут же, мимолетно глянув на Тристана и кивнув, принял наши ставки. Игра началась.

— Меня выкрали и хотели обменять на то, что ты прячешь. Ты спрятал за моим именем свои грязные денежные махинации. Почему ты повесил это всё на меня?! Почему сам не разбираешься со своим дерьмом? — выплескиваю ему едкие слова обвинения, с обуревавшей меня, злостью. На что, Тристан, только ехидно ухмыльнулся и жестом показал крупье

увеличить ставку.

— Ты сама подписалась на это, взяв на себя обязанности по детскому приюту. А ты не думала, детка, что в большом бизнесе не всегда гладко и не все чисто?

Питер не встречал, но я четко слышала, как от напряжения хрустят его пальцы.

— Из-за твоих грязных игр нас пытались убить! — возмущенно произношу я.

— Убить? — поднимает брови в удивленно и усмехается. — Ты была для них ценным свидетелем. А вот Триш, прекрасно осведомлена, кто такой Питер Дэвис, — переводит взгляд на Питера. — С тобой человек, который прекрасно обучен боевому искусству, — хмыкает, — и умеет выживать в сложных условиях.

— Мы были отвлекающим маневром. Нами он просто дразнил Триш. — абсолютно спокойно говорит Питер и поднимает руку, подавая знак крупье о поднятии ставки. На что Тристан в ответ улыбается.

Я гневно смотрю на Тристана, испепеляя его взглядом. Как жаль, что он по ту сторону стола, и я не могу вlepить ему пощечину, моя ладонь просто горит от желания ему захватить.

— И откуда ты знал, что мы знаем друг друга? — изо всех сил удерживаю себя, чтобы не вскочить со стула и не впиться ногтями в его наглую морду.

— Ох, детка, — смеется Тристан. — Ты недооцениваешь меня. После открытия казино ты внезапно сорвалась и уехала в Вашингтон. Тогда — тоя и узнал о вашей связи. И когда он появился в казино, я уже даже не сомневался, чем всё закончится.

— А деньги? Почему я оказалась связана с твоими деньгами?

— Ты — известная персона, из уважаемой семьи Майами, никто бы и не стал копаться в этом, если бы не Триш. Я и не собирался инсценировать собственную смерть, это были необходимые меры.

— И что дальше, Тристан? Что теперь? Она может даже уже здесь и подкарауливает нас.

— Вы можете спокойно покинуть казино, вам ничто больше не угрожает. Триш получила то, чего хотела.

— Вы отдали ей..? — Питер настороженно посмотрел на Тристана.

— Отдал. В ампулах, что вы видели, просто кислота. Без одного компонента, сыворотка не является оружием. Я не настолько опрометчив, чтобы идти у неё на поводу. Триш хотела денег и предавала своих боссов, одного за другим. Она хотела обвести меня вокруг пальца как в прочем и нового своего босса. Но идти по трупам не у всех получается, — вздыхает. — Мы бизнесмены и сумели найти компромисс. Но и так же, мы оба не сносим предательства и хитрости.

— Значит, она больше не будет преследовать нас?

— Мистер Вейцен, с которым недавно встречался мистер Дэвис, — он перевел взгляд на Питера, — уже позаботился о том, чтобы Триш больше вас не беспокоила.

— Аманда больше не будет распоряжаться твоими счетами. Расторгай договор.

— Не всё так просто, мистер Дэвис. Аманда должна вернуться в Майами. Только там, непосредственно у управляющего банка, она может подписать отказ.

Рулетка остановилась. Ставка Питера выиграла. Мы понимали, что Тристан сделал это намеренно.

— Ваши авиабилеты на рейс в Майами, — он положил на зелёное полотно документы.

А я всё еще не могла понять, в чем суть происходящего ...

— Но зачем тебе это, Тристан? Зачем тебе эта сыворотка?

Я ожидала, что, наконец, всё узнаю от Тристана, но вместо него ответил Питер.

— Власть. Обход законов. Чтобы мог диктовать всем свои условия, владея оружием массового поражения или же панацеей от всех болезней.

— Bravo мистер Дэвис, в самую точку, — самодовольно ухмыляясь, ответил Тристан, поднимаясь из-за стола. — Это всё бизнес, Аманда. Такая прима и солдат... странная парочка — он посмотрел на нас, хмыкнув в раздумьях. — Впрочем. хмм... Я желаю вам успеха, — добавил он, разворачиваясь к выходу из зала.

— Уходим, — сказал Питер, забирая документы и приобнимая меня за талию, прижал к себе. — Пусть разбираются сами, нам здесь делать больше нечего.

Прямиком из казино, мы отправились в аэропорт.

В Майами. С человеком, которого я люблю и всегда любила.

Всю дорогу Питер крепко держал меня за руку, и не упускал ни одной возможности, поцеловать меня или просто дотронуться.

Город встречал нас первыми утренними лучами солнца. Только времени у нас было мало. Питеру нужно было вернуться в реабилитационный центр для смены поврежденного нейростимулятора на новый.

Еще в аэропорту, я позвонила родителям и сообщила, что я уже в Майами с Питером и мы едим домой.

На крыльце, я поставила Питера за дверь, чтобы в открытой двери его не было видно. Мама последний раз видела Питера, бывшего офицера на военной пенсии, с бородой, курчавым волосом и на инвалидном кресле. Сейчас же, за дверью стоял абсолютно другой мужчина, с аккуратно лежащим коротким волосом, гладко выбритый, в черном костюме, стоящий на своих ногах и опирающийся на трость. И он был действующий боевой офицер, спасший мне жизнь.

— Привет Мам, — я радушно обняла маму, открывшую нам дверь. Неловко переминаясь с ноги на ногу, посмотрела в сторону Питера. — Хмм... может ты присядешь? — та настороженно посмотрела на меня. — Со мной Питер, и... с ним произошли кардинальные изменения, — как могла мягче, я подготавливала мать к встрече с Питером.

Мама выглянула на за дверь и застыла в изумлении, глядя на Питера. Медленно, она пару раз прошлась по нему взглядом, не веря своим глазам.

— Питер! — наконец она смогла произнести и обняла его, — это ты! Господи. Тебя же не узнать совсем! Ох!

— Где моя детка? — раздался с коридора голос отца. Когда он появился в дверном проеме, то на мгновение замерев, внимательно посмотрел на Питера. — Ну ничего себе! Что стоим? — обратился он уже к маме, — Давайте пройдем в дом. Держишь их тут на крыльце, уставших с самолета.

Мы с Питером переглянулись. Мы действительно были уставшие и измученные теми событиями, что нам пришлось пережить за последние сутки, только рассказывать моим родителям об этом, в наши намерения не входило.

— Джэн еще спит, но скоро будет вставать. Может, ты ее разбудишь?

— Да, конечно, но прежде... мам, пап, — я подошла к Питеру и взяла его за руку. Мы пришли с вами поговорить.

Мама, увидев нас, взявшихся за руки, присела на рядом стоящее кресло. Она переместила взгляд на трость Питера, а затем на отца. Отец стоял задумчивый, глядя на наши сплетенные пальцы.

— Питер, давай выйдем на террасу, нам нужно поговорить по-мужски. Дорогая, сделай нам кофе.

Глава 17 часть 2

Creed— Mysacrifice

Питер

— Я очень рад твоим успехам, Пит, — отец Аманды оглянулся на меня, спускаясь по террасе. — Я по сияющим глазам дочери понял, зачем вы пришли. Что ж, я не стану возражать и отговаривать, — он тяжело вздыхает. — Она любит тебя Питер. И ты достойный молодой парень. Но Аманда девочка доверчивая и не совсем хорошо разбирается в людях. Ей нужно твердое мужское плечо. Нужна опора. Понимаешь?

— Трэвор, я люблю вашу дочь. Я готов отдать за неё всё, что у меня есть. — Я не хотел говорить, того, на что способен ради Аманды, не собирался рассказывать о произошедшем, но слова шли сами, — я готов свою жизнь за неё отдать, — чтобы не наговорить лишнего и не пугать отца Аманды, я замолчал и посмотрел на волну, накрывающую прибрежные камни.

— Таких жертв мне не нужно. Просто береги её, будь надёжным ей спутником. Главное для меня счастье моей дочери.

— Трэвор, я буду делать всё, что от меня зависит. Я не могу без неё.

На звук скрипа двери, мы оба оглянулись, и Аманда вышла на террасу.

— Пап... — она взяла меня за руку, — я люблю Питера. И наши отношения, — она опустила глаза, а потом снова подняла на отца, — они уже длятся со свадьбы Хезер и Макса. Они были непростыми для нас, и я это скрывала.

— Вы хотите сказать, что уже около года? — отец Аманды задумчиво почесал подбородок и когда вновь посмотрел на нас, нам обоим с Амандой было неловко.

— Пап, Сэм и Тристан, мой босс — это друзья, знакомые, моё окружение, но люблю и всегда любила я только Питера.

— Хорошо, хорошо, — выдохнул отец, сдавшись перед откровенным признанием любимой дочери. — Будите Джен, переодевайтесь и завтракать.

Я проследовал, за Амандой в открытую дверь ее отцом, приглашающим нас в дом. Из открытой двери повеяло запахом выпечки и кофе.

Аманда взяла меня за руку, и мы направились к лестнице, ведущей на второй этаж.

— Нужно разбудить Джен. Я хочу вас познакомить.

Мы не спеша поднялись по лестнице, и подошли к комнате девочки. Аманда тихо приоткрыла дверь и заглянула внутрь.

— Спит, — тихо прошептав, она открыла дверь шире, и вошла, потянув меня за собой. В уютной и хорошо обставленной комнате, в кровати мирно спала девочка. Аманда отпустила мою руку и подойдя к детской кровати, склонилась над девочкой и погладила по голове. Девочка открыла глаза.

— Привет, — прошептав, она улыбнулась ребенку. Та спросонья потерла глаза и потянулась к Аманде.

— Аманда! — малышка откинув одеяло, бросилась к Аманде на руки. Аманда не смогла

удержать равновесие и обе они чуть не завалились на пол, но я успел поддержать их. — Ты приехала! — Она крепко обняла Аманду и уткнулась ей носом в шею. Я смотрел на это, понимая, что чувствую себя с Амандой таким же ребенком.

— Как же я скучала по тебе, — Аманда прижала девочку к себе и повернулась ко мне, подзывая. — Джен, — она отпустила ее руки и усадила на кровать. — Джен, это Питер. Он будет с нами. И он будет твоим другом и папой.

Девочка недоверчиво на меня посмотрела и повернулась к Аманде.

— А Сэм? Сэм мой друг, — надув капризно губки, ответила девочка.

Аманда тяжело и протяжно вздохнула и искоса посмотрела на меня. Мы оба, совершили, за время наших отношений, много действий и поступков, с последствиями которых сейчас нужно было разобраться.

Она с ним не спала, но это ничего не меняло. Я ревновал её к этому парню, и снова накотившее это чувство, заставило меня нервничать. Я прошел по комнате и опустился в кресло, поставив трость рядом, положив руки на подлокотники и сжав их до хруста в костяшках. Аманда закусил губу и взглядом блуждала по комнате, как-будто выискивая что-то.

— Джен, милая, это сложно понять. Ты поймешь меня позже, но... смотри, — она остановила взгляд на комод, где сидели рядом потрепанный плюшевый медведь и заяц, — хоть я тебе и подарила Баблза, но Тедди, он так и остался твоим лучшим другом, верно?

Девочка посмотрела на игрушки, находившиеся на комод, потом на меня.

— А ты будешь со мной ходить в парк по выходным? И покупать шарики и сладкую вату? — спросила меня маленькая хитрюга.

— Более того, — я встал с кресла и опустился на корточки рядом с ними, — я буду кататься вместе с тобой на аттракционах, если ты разрешишь, — я протянул ей руку в знак примирения и дружбы. Она еще осторожничала и не торопилась протянуть свою.

— И в школу со мной пойдёшь осенью?

— Обязательно, — я посмотрел со всей серьезностью в смотрящие на меня детские глаза. — И ранец тебе купим, какой выберешь, — пообещал я.

В комнату постучали, и показалась мать Аманды, Сидни.

— Джэн, доброе утро! — ласково поприветствовала ребенка Сидни. — Умывайся и завтракать, нам на занятие!

— Ой! — девочка спохватилась и быстро побежала к выходу.

— Милая, — мать обратилась к Аманде, — мы с отцом, к сожалению, не можем отменить запланированное, но мы с Джен быстро приедем с занятия домой, что смогу — отменю. А вы пока располагайтесь и отдохните.

— Спасибо Мам, но я хочу это обсудить за завтраком. Питеру нужно вернуться в реабилитационный центр. Я поеду вместе с ним. Сегодня.

— А Джен? Ты хочешь ее забрать с собой? — растерянно произнесла Сидни.

— Да. Я уйду из труппы. Мы поговорили с Тристаном. Я больше не хочу на него работать. И мне всё равно как долго они будут искать замену. Сегодня в банке я подпишу несколько бумаг и буду свободна.

Сидни понимающе кивнула.

— А свадьба?

— Свадьба? — Аманда вопросительно покосилась на меня. — Наверное... Мам, ты знаешь, мы еще не думали о свадьбе.

— Сидни, я хотел бы официально сделать предложение Аманде за завтраком, а повторно — когда у меня будет кольцо. А свадьбу мы обязательно организуем такую, какую захочет ваша дочь.

Сидни улыбнулась и ушла в ванную к Джен. Аманда же притянула меня к себе за воротник рубашки и поцеловала.

— Ты умеешь говорить женщинам то, что они хотят услышать. Хитрец. — Она меня подловила. Я пытался понравиться ее матери. Я рассмеялся. — Идём, — она повернулась в сторону своей комнаты.

— Стой, может, я буду в гостевой спальне?

— Пит, мои родители не настолько старомодны, — она театрально закатила глаза и зашла в свою комнату, — но как захочешь. Пока что ты гость в этом доме, но с другой стороны ты приехал сюда, как мой жених, — она сексуально повела плечом, — тебе и решать, — и стала демонстративно расстегивать пуговицы на блузке.

Отсутствие сна за последние сутки сказывались жуткой усталостью во всем теле, но когда по нему волной прокатилось возбуждение, моментально принял решение, где останусь. Аманда раздевалась дальше, продолжая меня дразнить.

— Ты меня дразнишь, — я повернулся к двери, закрывая ее на замок. Мой нейростимулятор не справлялся с приступами боли, но таблетки, которые мы купили и я выпил до отлёта, ещё действовали, и я рассчитывал на свои силы.

Отставив трость, я быстро избавился от уже тесных брюк и пиджака с рубашкой. Последними были боксеры. Когда я спустил их вниз, Аманда, блуждая по мне взглядом, закусила губу.

— Я хочу... — она подошла ко мне, оставшись в одних трусиках, и стала опускаться вниз. Когда я понял, что она хочет, то поймал её за подбородок, а потом, переместив руки ей на плечи, поднял назад.

— Пойдём в душ.

Ступая под теплую струю, она вышагнула из тонких кружевных трусиков. Я шагнул следом, и девушка притянула меня к себе, поцеловав. Теплая вода расслабляла, женские блуждающие руки заставляли член всё больше твердеть.

Быстро оценив обстановку, что здесь не за что держаться, я взял мочалку и гель для душа. Быстро намылив себя и Аманду, я так же быстро смыл мыльную пену и выключил воду. Немного ошарашенная, Аманда потянулась за полотенцем, но я вышел из душа мокрый, и потянул её за собой, к стиральной машине.

Опираясь спиной о машину, я прижал Аманду к себе, медленно опуская ее вниз.

— Теперь... здесь... ты можешь... — я хрипло прошептал в предвкушении.

Она опустила вниз, взяла мой член в руку и провела по нему вверх-вниз, я издал протяжный стон. Твою мать, как долго я мечтал об этом.

А потом она опустила голову и припала своим сладким ротиком, плотно обхватив головку губами. Она еще раз провела рукой по плоти, оттягивая ее, и взяла глубже. Затем несколько раз провела вдоль язычком и начала посасывать, втягивая всё глубже.

Я шумно, со свистом выпустил воздух из легких. Напряжение внутри меня достигало апогея. Крепко опираясь одной рукой о стиральную машину, второй я держал её за затылок.

Ее горячие влажные губы и язык сводили меня с ума. Перед глазами начинало все плыть. Наверное, я держал себя до последнего в узде, но сейчас во мне будто что-то щелкнуло. Я знал, что она моя, и я могу с ней сделать такое.

Остановив её, понимая, что до конца осталось совсем немного, я поднял её к себе, нежно поцеловав и заглянув в глаза.

— Прости, сейчас я не буду с тобой нежным, позволь мне... — Она с опаской глянула на меня. — Не бойся, я не сделаю больно, просто доверься.

Я развернул её к стиральной машине, и прогнул в спине. Я понимал, что теряю контроль над собой, но в этот момент, то, что мной руководило, было сильнее меня.

Я взял ее сзади. Грубо. Врезаясь толчками в горячую плоть и впиваясь пальцами в нежную кожу у неё на бедрах. Мне срывало крышу. Ревность, отчаяние и желание обладать этой женщиной повергли меня в неконтролируемое состояние.

Я грубо трахал любимую женщину, чувствуя ту власть, которую она дала мне над своим телом.

Шлепки от соприкосновения наших тел разносились эхом по ванной. С тяжелым дыханием она стонала, и я чувствовал, как ее плоть пульсирует и начинает сжиматься вокруг моей.

У нее стали подкашиваться ноги, но для меня было еще рано.

От получаемого удовольствия я хотел продолжать дальше, но Аманде нужна была передышка. Я вытащил член из ее плоти и развернул девушку лицом к себе, жадно целуя, властно шаря руками по телу, сминая груди. Снова опустил ее вниз, к своему члену, который она покорно взяла в рот, а в ладонку мошонку и стала делать поглаживающие движения.

Как же это действовало на меня. Я был на грани и только отчасти мог что-то контролировать. Удовольствие волнами накатывало по всему телу и даже на таблетках, я был не способен удержаться на ногах.

— Пойдем в комнату, — вырвалось вместе с шипением сквозь сжатые зубы, Аманда усмехнулась. Взяв полотенце, она обтерлась им на ходу, отдавая мне, и села на кровать. Приложив к себе полотенце и смахнув лишнюю воду, я отбросил его в сторону, нависая над Амандой. Она подвинулась к подушкам. Это мне было и нужно. Развернув ее лицом в подушки, я навалился сверху, собрав прекрасные рыжие волосы, которые мне снились, в кулак, а второй рукой прижимая ее запястье, войдя в неё глубоко, насколько мог.

Толчок за толчком, я грубо с напором врезался в неё. Опустившись над нею и повернув ее лицо к себе, я жадно впился в её губы. Да, я хотел эту женщину всю, без остатка.

От мощных толчков Аманда стонала подо мной. Ее глаза закатывались, а пальцы с силой сжимали простынь до треска. Когда ее мышцы снова стали сокращаться, я уже не останавливался, а только шептал ей на ухо разные нежные слова, доводя до края безумия.

Она прогнулась в спине и потянулась ко мне, накрыв ладонью мой затылок. Я поцеловал ее, вбирая в себя крик, накрывающего ее оргазма.

И сам я был уже на пределе. Она еще пульсировала вокруг меня, когда я сделал несколько толчков перед разрядкой. Ощущения были невероятные. То, чего я давно не ощущал — покалывание, начавшееся в позвоночнике, а затем, прокатившееся до самых пят. Мы оба тяжело дышали.

Абсолютно не контролируя себя, на пару секунд, возможно, я даже отключился. И только когда контроль вернулся ко мне, я вышел из Аманды и перекатился на бок, рядом с ней.

Протяжно выдохнув и потянувшись, как кошка, она открыла полусонные глаза, заморгала и как-то изучающе на меня посмотрела.

— Ты вернулся, — проговорила девушка с придыханием, — тот, прежний Питер, до

того боевого задания. Ты же был с женщинами именно таким, да?

Я поцеловал ее в плечо и, повернувшись на спину, уставился в потолок. Я скрывал это в себе, но неподконтрольное во мне состояние сидело и ждало своего часа, и с этим я ничего не мог поделать. Я был именно таким, до задания. Уже сидя в кресле, я научился терпеть и любить.

— Да Аманда, я такой. Был таким, до появления в моей никчемной жизни тебя. Я желал того, чего мне было не суждено иметь. Но ты... — я повернулся к ней и поднялся на локте, заглянув широко распахнутые глаза, — ты научила меня любить. А звонок Вернона и лечение в реабилитационном центре мне подарили возможность не только мечтать. — Она улыбнулась, на глазах проступили слезы, и я придвинулся к ней ближе, нежно вытирая слезы с её щёк. — Эй, эй, чего ты маленькая моя? Всё же хорошо.

— Не знаю, — она начала смеяться, покачав головой — какой-то переизбыток эмоций. Я сейчас просто счастлива, вот так лежать рядом с тобой и мне до сих пор не верится в происходящее.

— Я тебе еще успею надоесть со своими рассказами, — я поцеловал её в лоб и мимолетно уловил время на часах. — Возможно, это выглядит не совсем пристойно, но завтрак в кругу семьи, нами пропущен.

Аманда лениво обернулась к будильнику.

— Мы поедем в банк?

— Да, напишешь эту чертову расписку и после обеда на самолёт.

Спустившись вниз, мы еще застали родителей Аманды в холле, собирающихся уходить. Договорившись о встрече за обедом, все разошлись. Мы с Аmandой прямиком отправились в банк, где она написала отказ от распоряжения счетами Тристана Корса, а затем Аманда позвонила своему балетмейстеру и сообщила, что больше к труппе Тристана Корса не имеет никакого отношения. С Сэмом я заставил её не медлить и по телефону ему всё объяснить, не встречаясь. Я больше ни минуты не хотел её с ним делить и был безмерно счастлив, что она оборвет свои отношения и с Корсом и с этим танцором.

Заехав в пару ювелирных магазинов, мы купили кольцо для помолвки, а затем прошлись по магазинам за чистой одеждой для меня. Аманду нужно было силком вытягивать оттуда, как же она разошлась в подборе мне нового гардероба — все эти бесчисленные рубашки, брюки, костюмы. Только время, незаметно подбиравшееся к нашему рейсу, заставило её остановиться.

— Ты за временем совсем не следишь, — я пожурил её, когда мы сели в машину.

— Господи, какой же ты зануда, — она посмотрела в зеркало заднего вида и провернула руль, вырывая со стоянки, — я дома, с любимым мужчиной. Много ли у меня было мгновений в жизни? Может я, сейчас получаю эстетическое удовольствие.

Я прыснул. Жизнь с этой девчонкой обещала быть довольно нескучной. И много ещё чего я услышу в свой адрес.

Мы вернулись домой. И когда за обеденным столом все собрались, как и было положено в этой семье, я официально попросил руки у Аманды и согласие её родителей на нашу свадьбу, надев ей на палец кольцо.

Момент этот не был неожиданным и все к нему были готовы, но и Аманда и Сидни смахнули слезинки с глаз.

В тот же день, Аманда уже стала официально моей невестой, и полетела со мной в реабилитационный центр. Люк с доктором Никсоном осмотрели меня и на утро назначили

смену нейростимулятора.

Чувствовал я себя немного не в “своей тарелке“ при появлении Энн, которая смотрела на ничего неподозревающую Аманду, недружелюбно.

— Я что-то пропустила? — задала вопрос Аманда, когда Энн взяв анализ крови и измерив пульс, вышла из палаты, поджав губы. Я только пожал плечами на вопрос Аманды, якобы не понимая поведения девушки. Теперь это уже не важно, что могло быть у нас с этой девушкой, для меня было важно только то, что есть сейчас, когда центром моей вселенной была Аманда.

Через три дня после смены стимулятора и прохождения тестов на приживаемость прибора, мы покинули центр. Осталось несколько неоконченных дел, которые я хотел завершить до свадьбы. И я и Аманда хотели видеть на свадьбе Макса и Хезер. И не только видеть, мы хотели, чтобы они были нашими свидетелями.

Но по приезду в Бостон к Максy я был поражен. Мой друг, всегда уверенный в себе просто сдал, отказываясь бороться за себя и свою семью. Это было почти безвольное тело.

В тот же день я позвонил Никсону и попросил взять в центр Макса. Я полетел с Максом, а с Хезер на пару дней осталась Аманда. Так мы провели почти месяц, Аманда — поддерживая Хезер, а я — находясь рядом с Максом и только иногда видя свою невесту. Но время шло, и помимо оказания поддержки нашим друзьям, наша жизнь обретала свое направление.

Я был переведен в отдел расследований в Майами. Возил Джен в школу, как мы с ней договорились ещё летом. Аманда занималась танцами в школе её родителей, не заинтересовавшись ни одним из предложений от балетмейстеров, пока в один из вечеров, не сказала мне о своей беременности. Со свадьбой следовало поторапливаться.

Макс уже стал подниматься с инвалидного кресла. Хезер пришла в себя от пережитого шока и переехала вместе с детьми и няней, поселившись рядом с центром. Тогда мы и решили, что тянуть нам уже некуда, Аманда хотела быть невестой, еще с небольшим животиком.

Отчетливо помню тот день, сколько возни было с гостями и организацией свадьбы. Аманда нервничала, но я был рядом с ней всё время.

Наша свадьба прошла в доме её родителей, в доме, где выросла моя любимая девочка. Такая нежная, в белом, длинном, почти невесомом платье, с небольшим букетом из белых цветов, она ступила на террасу под руку с отцом, где я уже ожидал её с гостями и священником. При виде её мое сердце замерло, потом ускорило свой ритм, всё вокруг, кроме нее, стало незначительным. Для меня были важны только её светившиеся счастьем глаза. Зачитывая клятву верности, я тонул в глубине своих чувств к этой женщине.

Мы обернулись к гостям. Я посмотрел на Макса и плачущей от радости, рядом с ним, Хезер. Макс улыбнулся и подмигнул мне, мол «и ты теперь женатик, чувак». Я перевел взгляд на свою жену, на своё счастье, стоявшее рядом со мной. То счастье, которое мне дали они.

Встреча с ней. Эти рыжие волосы... Глубокие зелёные глаза цвета зеленого луга после дождя... С ней не было просто с того самого момента, когда я её увидел. Но бывает ли в любви всё просто? Я знал, что она будет моим счастьем или станет моей гибелью. Она стала моей единственной.

И каждый новый рассвет меня не страшит и у меня впереди целая жизнь. Каждый новый день, я встречаю с радостью, наслаждаясь яркими впечатлениями жизни и стараюсь жить на

полную, не растрчивая время подаренное мне, впустую. Я больше не терплю боль, я научился жить с ней, я даже полюбил ее. Боль заставляет чувствовать меня живым, настоящим. Я больше не существую, я живу.

И жить есть за что. И есть за что бороться. Отчаяние — удел слабых. Сила духа способна на любые свершения и преодоление огромных трудностей. Нужно верить и жить. Жить, а не существовать...

Эпилог

Ost Casino Royal — You know my name

Roxette — Listen to your heart

Питер

— Походу, это дело закроют. Корс сам явился и что-то там свидетельствует. Все новостные каналы только и говорят у нас об этом. Ее машина на огромной скорости съехала в кювет. Никто не выжил, — Бэк делится последней сенсационной новостью о затянувшемся деле, годовой давности.

— А труп? Труп, опознали? — затаив дыхание, интересуюсь я. Зная хитрость Триш, я сомневаюсь, что она могла погибнуть.

— Тело сильно обгорело. Будет экспертиза, тогда точно будет ясно. Началось расследование.

— Спасибо Бэк. Держи меня в курсе. Хорошо? До связи.

Я положил мобильный на стол и тяжело вздохнул. Наконец-то нас оставят в покое. Взял в руки фотографию, стоявшую на моем столе. Моя семья. Мои любимые девочки. Грудь сдавило от переполняющих меня чувств.

Моя милая...

Нежно, пальцем я провел по изображению профиля Аманды. Как же я боялся за тебя, моя девочка, боялся за вас...

Уже более года идет расследование этого громкого дела Тристана Корса. Меня отстранили от расследования, но я иду по делу, как свидетель. И все это время мы были как на иголках. К моей семье приставлена охрана. И вновь и вновь о нём всплывают новые подробности. Бэк сообщал мне, что Вашингтон гудел от найденных трупов, в частности агента Уолтера Ривза, который занимался расследованием.

Я знаю, что Триш в бегах и, зная её упорство, я не верю в то, что это она была в машине.

После того, как мы с Амандой улетели в Майами, Бэк пытался найти Триш, но безуспешно, пока, через время, она сама не вышла со мной на связь .

В тот вечер после работы, когда я покинул здание бюро и направлялся к своей машине на парковку, меня окликнул агент Бишетт. Попросив моего совета в своем расследовании какого-то дела, которым он занимался, он пригласил меня в кафе, чтобы поговорить в приватной обстановке. Тогда я, и предположить не мог, какой там ждал меня «сюрприз».

Мы подъехали к небольшой кофейне. Уютная, с кучей народу внутри. Вот только тогда-то я и заподозрил неладное, когда агент Бишетт неожиданно исчез, а я увидел ЕЕ.

Она пристально смотрела на меня жестким непроницаемым взглядом. Как всегда

уверенная в себе, безжалостная стерва.

Я сжал кулаки, злясь на наглость этой суки. Попытавшись успокоиться и сконцентрироваться, решил выслушать ее, что же ей на этот раз от меня было надо. Теперь у меня семья и я в ответе за них, мне нужно было понять, что Триш опять затевает.

— Чего ты хочешь? — сердито, нахмутив брови, спросил я, присев к ней за столик. — И как ты здесь вообще оказалась? Твое дело лежит в расследованиях Вашингтона.

— А то ты не знаешь? — она хищно ухмыльнулась. — Ты и я, — мы оба свидетели по делу Корса. Ты — бывший следователь, я — его охрана. Но ты, к тому же, сотрудник ФБР. Ты, — она тыкнула в меня свой палец, — меня и моих людей прикроешь, с твоей послушной репутацией, твоим сведениям поверят Питер. — Вот же сука, она продолжала мне приказывать. Хотелось схватить ее за шею и придушить, собственными руками. Но мысленно напомнив себе, что мне надо ее выслушать до конца, ради безопасности мой семьи, я сдержался.

— Нет, я не буду вас покрывать, — хмыкнув, я покачал головой. Я не хотел снова ввязываться в это дерьмо. У меня есть семья, которая для меня дороже всего. И своих друзей подставлять я не стану. Тем более, если она спокойно сюда вошла и со мной открыто разговаривает, значит, уже есть те, кто её здесь прикроют. — Я не стану в это ввязываться. Если я не дал показания против тебя, это не значит, что я буду помогать тебе сейчас. Даже не проси, не распляйся и умерь свой приказной тон.

— Если в мой адрес пойдут обвинения, то ты и твои друзья пойдут в этом деле, как обвиняемые в умышленном убийстве, — нагло заявила она, шантажируя меня.

— В убийстве кого? — я удивленно поднял брови. Меня посетила мысль, что она издевалась надо мной. — Моего... прости, твоего напарника? Предателя среди работников ФБР? — мой голос даже не дрогнул при его упоминании, больше всего я не терпел предательство... «друзей».

— Тебе тоже много статей можно пришить: вымогательство, кража человека, незаконное проникновение, попытка убийства, вербовка двойных агентов.

— Но я никого не убивала.

— Но ты отдавала приказы, и тому есть множество доказательств в виде записей телефонных разговоров и записей с камер видео-наблюдения.

— Это чертово расследование. Теперь к Корсу не подберешься, — она недовольно фыркнула. — Я тебе расскажу, зачем мне это всё, — она тяжело вздохнула и сменила свой тон на более дружелюбный. — Здесь дело не в деньгах, Питер. Совсем не в деньгах. Ты слышал о Чейзе Бригстоне, бывшем партнере Корса? Я должна достать эту сыворотку для него. Моя сестра — жена Чейза, и он даст ей развод при условии, что я принесу ему её. Когда я на Корса нажала, он дал мне пустышку, просто вязкое дерьмо. Без всех компонентов она не даёт желаемый эффект.

— Ты же изначально говорила, что Тристан владеет не своим. А он, как оказалось, настоящий владелец этой разработки. Выходит, ты врала?

— Я должна была. Меня вынудили. Моя сестра в заложниках, ты это понимаешь? Ты спас Аманду, даже рискуя своей жизнью. Я тоже хочу освободить сестру. Помоги мне.

— Я не могу. Это не в моей компетенции. Я отказался от этого дела в Вашингтоне. И на этом точка, — категорично произнес я.

Я не знал, верить ей или нет, но если её сестра была замужем за крупным мафиози Чейзом Бригстоном, тогда это многое объясняло.

— Танцовщица и офицер ФБР. Последний танец, — небрежно, с издевкой произнесла Триш. — Ради неё ты был готов на все. Зря я это затеяла, я думала, ты меня поймёшь... — слетело с её уст, и она замолчала.

Да, я спас Аманду ценой собственной жизни. Она — это всё для меня, моя единственная. Она — моё дыхание. Я живу ради них, моих девочек, Аманды, Лизи и Джэн.

Я встал из — за стола и направился к выходу из кофейни, когда негромко, за моей спиной, до меня долетели обрывки её слов.

— Питер, прошу...

Эта стерва была умная и хитрая, но, похоже, обойти Бригстона ей не удавалось.

В тот вечер, не сказав Аманде ни слова о встрече с Триш, я прокручивал все варианты. Ее слова застряли в голове. Такие странные ассоциации. «Танцовщица и офицер ФБР. Последний танец... ради неё...». Я пытался их выбросить и сосредоточиться, но как назло воспоминания, яркими вспышками картинок всплывали в моем разуме одна за одной: как впервые я увидел Аманду на сцене и её танец; как она ругалась со мной, доказывая, на что я способен и имею право быть любимым; наша с ней ночь в отеле; как она не бросила меня в машине с бомбой, а потом как помогала мне встать после взрыва; как держалась за меня, когда мы поднимались на крышу по тросу; как давала клятву мне на свадьбе.

Моя девочка. Моя сильная девочка. Люблю до безумия.

Зажмуриваю глаза и вспоминаю момент рождения Лиззи. Думал тогда, что сойду с ума от переживаний за Аманду и за дочь. А когда я взял на руки это крошечное тельце... не смог сдержать слез. Посмотрев на Аманду, ее уставшую и счастливую улыбку, моя душа ликовала. Как я мог столько времени жить без нее?

Кто я без неё? Как бы эти слова Триш не звучали, я знал, что рискую, спасая жизнь любимой, которая и вернула меня же к жизни. Мой «танец» был оправдан.

Я проверил информацию о сестре Триш. Выданный результат оказался достоверной информацией. Но было ли так на самом деле? Я уже попадался на уловки этой суки, и хотел быть точно уверенным в своих действиях. Дженс меня не подвел. По данным из секретной разведывательной информационной базы, слова Триш были подтверждены, у неё есть сестра и она была женой Чейза Бригстона.

Но, такого человека, как Бригстон, лучше не трогать. Ни одна служба не желала связываться с этим страшным человеком.

— Тебя увезут отсюда? — я спросил Триш на следующий день, встретившись в другом кафе, чтобы за нами не образовалось слежки. — Какие бы обвинения в твой адрес ни были выдвинуты от Корса, я тебя в этом деле не знаю. Кое-что я дам тебе. Думаю, это тебе поможет, — я положил на стол небольшую коробочку. — Это всё, что я могу. Ты прекрасно знаешь, что у меня жена и две дочери. И я не стану тебе помогать больше ни в чем. Меня это больше не касается. С этого момента, наши пути расходятся навсегда, — твердо и решительно, я предупредил ее.

Опустив глаза на коробку, Триш приоткрыла ее и, заглянув внутрь, замерла... Ее глаза сияли, излучая искреннюю неподдельную радость.

— Это то, о чем я думаю..? — без капли надменности, спросила девушка.

— Нет Триш, это не совсем то. По составу то, что дал тебе Корс и то, что здесь в едином целом даст тебе нужный состав, но концентрат... — я вспомнил те инструкции, что давал мне Вейцен на записи в машине, и как осторожно я добавлял нейтрализатор в жидкость. — Действие не будет нужным, но вот сбить с толку Бригстона и вызволить сестру у тебя

должно получиться.

Она, спрятав коробочку в карман, тихо встала и подошла ко мне сзади.

— Спасибо Дэвис, — прошептала она у самого уха, и через пару минут, когда я обернулся, ее и след простыл.

***

Сидя за столом, в своём кабинете, я снова размышлял, поступил ли я тогда правильно. Да, как агент ФБР я должен был её задержать, но как человек... Она хотела спасти сестру. А я хотел навсегда покончить с этим делом и быть уверенным в безопасности моей семьи. У меня нет родственников по крови, где-то есть сестра или была... даже не знаю. Она меня оставила в трудный период моей жизни, и у меня не было желания её разыскать. Но Аманда с малышкой Лизи и Джэн — моя семья, Макс, Дженс и Бэк — мои братья. Мы вместе были в бою, прикрывая друг другу спины. И это чувство... желание защитить близкого, полностью отметало у меня понятия о долге и чести на второй план.

Чувство постоянной тревоги начало понемногу отступать. Мою семью оставят в покое.

Я снова посмотрел на фото в рамке, где на террасе, возле коляски с Лиззи сидит Аманда, а рядышком, с погремушкой и счастливой улыбкой, стоит Джэн.

Каждый вечер, после работы, я спешу домой, к своей семье. Дома меня ждут Джэн, которая сразу, еще с порога, бросается мне на шею и начинает тараторить, рассказывая о своих новых впечатлениях за день, страстный поцелуй Аманды, обещающий продолжение в нашей спальне, и даже приветственное курлыканье Лиззи при виде папочки. Да, да, она уже узнает меня, надувает губки пуская слюнки. А вчера, она во всю улыбалась мне. Я думаю, это и есть счастье. Мне иногда становится даже страшно ... а могло бы все обернуться по другому... иначе... Нет, ни как иначе. Только так. Только с ними.

Время было уже вечернее. Я скучал по моим девочкам, и потянулся за телефоном, набрать Аманду, когда, словно прочитав мои мысли, мобильник сам зазвонил, задребезжав на столе. Я посмотрел на часы. Обычно в такое время, кто-то из нас, обязательно набирал друг друга, и не глянув на экран мобильного, я схватил трубку, ожидая услышать родной голос.

— Да детка, — ласково ответил я.

— Так меня ещё не называли, — услышав в трубке смешок Дженса, я немного растерялся, неожиданностью его звонка. Надо же так лажануться, ведь действительно мне мог позвонить кто угодно, а у меня мысли только о доме.

— Дженс? Что-то случилось?

— Мне нужна твоя помощь Питер. Это касается младшей сестры Ронни, Иви. Она в беде.

Больше книг на сайте - Knigolub.net